

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

**ФОТОЛЕТОПИСЬ
ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА**

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

ФОТОЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

ЮРИЙ КРИВОНОСОВ

Москва
«ВЕЧЕ»

УДК 82/821.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
К82

Кривоносов, Ю.М.

К82 Михаил Булгаков. Фотолетопись жизни и творчества / Юрий Кривоносов. —
М. : Вече, 2017. — 480 с.

ISBN 978-5-4444-5566-1

Знак информационной продукции 12+

«Михаил Булгаков. Фотолетопись жизни и творчества» — это своеобразная, хронологически выстроенная иллюстрированная лента жизни и творчества знаменитого писателя. В книге читатель найдет портреты друзей Булгакова, его современников — писателей, среди которых Осип Мандельштам, Анна Ахматова, Исаак Бабель, Михаил Зощенко, Борис Пастернак. Кроме того, в настоящем издании читатель увидит булгаковские места Киева, Батуми и Москвы, сцены из спектаклей по произведениям писателя, познакомится с сопутствующими им разнообразными материалами — дневниковыми записями, отрывками рукописей, выдержками из публикаций и многим другим.

УДК 82/821.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4444-5566-1

© Кривоносов Ю.М., 2017
© ООО «Издательство «Вече», 2017

Глава 1. ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ФОТОГРАФИИ

Фотография родилась на полвека раньше Михаила Булгакова, и это оказалось очень кстати — за такой срок она успела хорошо подготовиться к его появлению и смогла зафиксировать весь его жизненный и творческий путь, чем внесла неоценимый вклад в историю русской литературы. Не вдаваясь в тонкости фотографической техники, что увело бы нас в дебри фотографии-науки, подразделяющейся на несколько важных дисциплин, скажем несколько слов о многозначности самого слова **ФОТОГРАФИЯ**. Кроме науки оно еще означает и широко распространенное явление культуры — это увлекательное занятие тысяч и тысяч людей, как профессионалов, так и любителей. Этим же словом мы называем бытовые ателье, куда приходим иногда сняться на память (пока красивше, чем это удастся сделать семейной «мыльницей») или на документы, что необычайно важно, ибо как сказал Коровьев: «**Нет документа, нет и человека!**» Мы бы к этому добавили: «**Нет фотографии, нет и документа!**» Вот тут само собой выскочило еще одно значение этого слова — фотографией, или, как мы говорим в просторечии, **картинкой** или **фоткой**, — называется и отдельный снимок.

Вообще-то, если говорить строго научным языком, эта книга есть труд по иконографии Михаила Булгакова, то есть рассмотрение совокупности изображений этого писателя, собранных воедино на ее страницах. Книга вобрала практически все его портреты, которые удалось разыскать, а повествование построено как летопись жизни и творчества, в хронологическом порядке, иногда, правда, с некоторыми отступлениями для лучшего понимания того или иного периода жизни писателя или какого-то момента в его творчестве. И все проблемы иконографии решаются здесь через зримый рассказ о Михаиле Булгакове, начиная с детских лет и кончая... нет, не завершением его

1.

земного пути, а днем сегодняшним, потому что бессмертие писателя — в произведениях, поныне публикуемых и идущих на сценах всего мира...

Книга эта рассчитана на массового читателя — почитателя таланта Михаила Булгакова, поэтому она свободна от наукообразных рассуждений, ссылок на номера фондов, на единицы хранения и прочие необязательные в данном издании архивизмы... Вместе с тем она будет полезна и булгаковедам, в массе своей совершенно не знакомым с такой наукой, как фотография. И мы в соответствии с этой наукой рассматриваем публикуемые здесь снимки как документ (не путать с фотографиями на документы), не допускающий искажений — произвольных кадрировок, зеркальной печати, удаления тех или иных деталей и лиц. Зеркальная печать — это когда переворачивают негатив и получают обратное изображение, обычно этим увлекаются оформители изданий, которым хочется повернуть человека в удобную для них сторону, что совершенно недопустимо: человеческое лицо асимметрично, и при такой печати люди выглядят так, как они никогда не выглядят... Это только один пример.

Книга не случайно названа **Фотолетопись**, назови мы ее **Фотобиографией**, она и строилась бы по-другому: **Летопись** — совершенно иной жанр, нежели **Житие**, — кому это интересно, может порыться в словарях...

Обычно принято благодарить тех людей, что помогли в создании того или иного произведения. Здесь это сделать затруднительно — прежде всего потому, что каждый снимок — это тоже самостоятельное произведение, имеющее своего автора, которого, к сожалению, не всегда удается установить: фотографы весьма небрежны к своим работам, чем отличаются от художников, всегда свои картины или рисунки подписывающих. И, кроме того, за те двадцать лет, что ушли на сбор материалов для этой книги, мне помогало так много людей, что только перечисление их заняло бы не один десяток страниц, — ведь пришлось прибегнуть более чем к ста источникам — архивам государственным, местным и личным, театрам, библиотекам, музеям... И везде, за редким исключением, мне оказывали всяческое содействие — стоило только сказать, что цель работы — показать людям Михаила Булгакова зримо и многогранно...

В книгу вошло также несколько портретов рисованных, в основном прижизненных, что позволило обогатить зрительный ряд и избежать некоторой монотонности при восприятии изобразительного материала. Но, конечно, особо следует поблагодарить моих коллег — фотожурналистов и фотохудожников, но об этом в конце книги...

И все-таки не могу обойтись без одного исключения и не рассказать о человеке, без которого этой книги, вероятно, вообще бы не было. Это **Лидия Марковна Яновская**, писатель, доктор филологии, булгаковед № 1. Могу это утверждать совершенно уверенно. Дело в том, что она более сорока лет исследует все связанное с творчеством писателя Михаила Булгакова, причем изо

дня в день, с удивительным упорством и прилежанием, а не попутно с изучением и других писателей или проблем, как это делают все остальные известные мне булгаковеды... Именно поэтому я и присваиваю ей **Номер Первый**.

В 1984 году, когда я еще только подступал к азам булгаковедения, мне дали на пару дней ее книгу «Творческий путь Михаила Булгакова», пролистав которую я тут же помчался в Харьков, где в это время жила Яновская, и предстал перед нею с целым списком вопросов, на часть из которых тут же получил исчерпывающие ответы.

«А ответы на остальные ищите сами», — сказала она. Потом мы с ней говорили о московской топографии романа «Мастер и Маргарита» (об этом я рассказываю в главе 20).

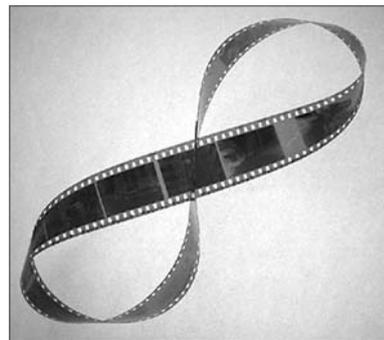
«Кстати, мне кажется, что вас как сотрудника журнала “Советское фото” должно заинтересовать то обстоятельство, что Наталия Абрамовна Ушакова снимала Булгакова, и у нее есть его прекрасные портреты — чем это не материал для вашего журнала?»

Я сразу ухватился за это предложение, но поставил условие — чтобы текст к такой публикации написала она. На том и порешили. Уехал я, получив первое булгаковедческое фотозадание и в придачу — ее книгу с доброй дарственной надписью, предрекавшей мне путь в мир большой литературы... Публикацию эту мы осуществили, причем впервые под фотографиями Михаила Булгакова стояла подпись их автора, и впервые же она получила за них положенный каждому автору гонорар. До этого все почему-то печатали эти снимки анонимно... Потом Лидия Марковна привлекла меня к иллюстрированию «Дневника Елены Булгаковой», сделали мы материал о том, как Булгакова снимал Илья Ильф, а в конце восьмидесятых годов решили сделать фотолетопись жизни и творчества Михаила Булгакова и даже подали заявку в издательство, занимавшееся выпуском фотокниг и альбомов. Но тут началась перестройка, рухнул Советский Союз, а с ним и это издательство. Яновская, вместе со своим Харьковом, оказалась в другом государстве, где ей стало неуютно, и она вынуждена была эмигрировать — репатрироваться в Израиль. Перед отъездом она мне посоветовала не бросать нашу идею и сделать такую книгу уже одному.

Что я и выполняю спустя двенадцать лет после ее отъезда...

Такова краткая предыстория представляемой здесь **Фотолетописи**.

А теперь приглашаю всех на встречу с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым...

Глава 2. КИЕВ. НАЧАЛО

Он родился в городе, осененном Владимиром Крестителем, фигура которого высится над Днепром совсем недалеко от того места, где была крещена Русь. И крестили новорожденного в церкви Воздвижения Честного Креста, и нарекли его Михаилом, что на древнееврейском означает — Кто как Бог. И понес он через жизнь свой крест, как два тысячелетия тому назад нес его Сын Божий, именовавшийся на том же древнееврейском Иешуа и учивший людей любить друг друга. Пройдет немало лет, прежде чем Михаил, обратив вспять течение времени, перенесется в древнюю Иудею и встретится с Иешуа... А пока он еще на самом пороге жизни, отсчет которой начался для него с пятнадцатого мая года тысяча восемьсот девяносто первого от Рождества Христова.

3. 4.

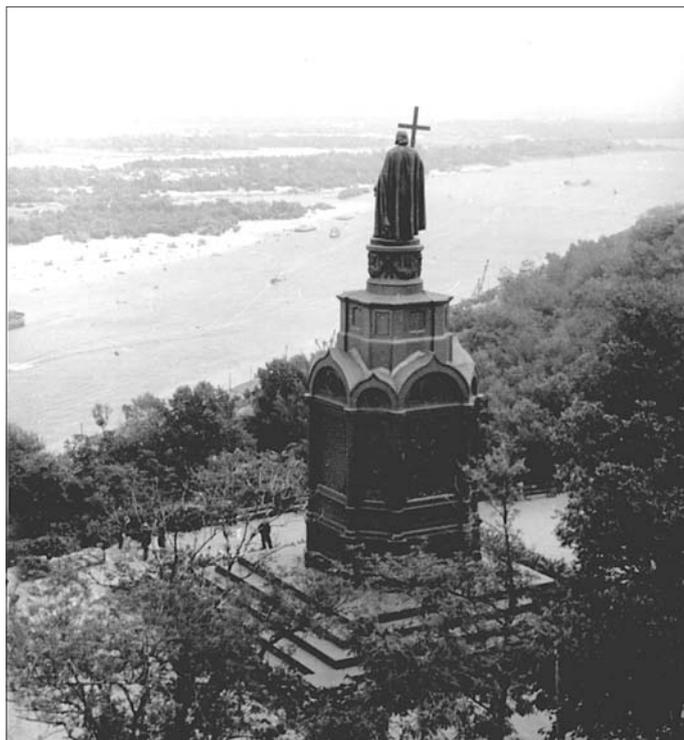

3. Миша и Вера Булгаковы. 1894 г.
Более раннего снимка пока не обнаружено.

4. Киев, улица Воздвиженская, 28 —
ныне № 10 — дом, в котором родился
Михаил Булгаков.

**5. Памятник Владимиру Крестителю
в Киеве над Днпром.**

6. Весенний месяц Нисан в Иудее.

5. 6.

Глава 3. ОРЛОВЩИНА. РОДИНА ПРЕДКОВ

Михаил Булгаков родился в Киеве, но род его берет начало из Центральной России — Орловской губернии. Оба его деда были священнослужителями: со стороны отца — в Орле, со стороны матери — в Карачеве той же Орловской губернии. Первый дал своему сыну Афанасию духовное образование, второй —

7.

8.

дочери Варваре — светское. Их детям было суждено встретиться и передать эстафету образованности и интеллигентности дальше, но уже внукам предстояло столкнуться с системой, прервавшей

7. Иван Булгаков — дед со стороны отца. Священник Сергиевской кладбищенской церкви в Орле. 1891 г.

8. Олимпиада Булгакова — бабушка и крестная мать Михаила Булгакова. 1891 г.

9. Семья деда. Второй слева — Афанасий Иванович, отец писателя.

эстафету добра и совести, исходящую от духовных пастырей, заменив веру на безверие, а Бога — на вождя...

Сотни тысяч священников были расстреляны или подвергнуты медленному умерщвлению в застенках ГУЛАГа. Но до этого остается еще примерно три десятка лет. А пока Афанасий Булгаков заканчивает духовную семинарию, за ней академию, защищает магистерскую диссертацию, становится доцентом Киевской духовной академии и в 1890 году женится на учительнице Карачевской прогимназии Варваре Покровской. Киев становится их второй родиной...

10.

10. Семья протоиерея Михаила Покровского — деда писателя со стороны матери, Варвары Михайловны — правая в первом ряду. 1880-е гг.

Глава 4. КИЕВ. ГОДЫ ДЕТСТВА

11.
12.

12

Родители писателя были прекрасно образованны. Отец — доцент, а потом и профессор духовной академии знал языки — и древние, и современные, преподавал историю западных вероисповеданий в академии и историю в Институте благородных девиц, неплохо играл на скрипке, а мать отдавала все свои знания и энергию воспитанию детей — их было семеро: три мальчика и четыре девочки. В свободные часы, а это бывало уже поздним вечером, когда дети ложились спать, она играла на рояле.

Потом в доме появились еще два мальчика — приехали из Японии двоюродные братья, гимназисты, дети Петра Ивано-

13.

11. Варвара Михайловна Булгакова,
мать писателя.

12. Афанасий Иванович Булгаков, отец
писателя.

13. Петр Булгаков — брат отца. Член
Русского общества в Японии, перевел
на японский язык Евангелие.

вича Булгакова, священника русской миссии в Токио. В доме царили дружба и доброжелательность, был и определенный достаток, но неожиданно обрушилась беда — тяжело заболел отец.

13а. Киев, вид на Подол от Андреевской церкви. Начало XX в.

«Самое забавное — оказывается, у меня есть даже снимок этого дома, хотя, снимая его, я и понятия не имел о его значении и месте в русской литературе. Просто понравился этот уголок Киева — в свое время я увлекался фотографией, пейзажами Киева, в частности, и точка, которую я нашел, взобравшись на одну из многочисленных киевских гор, была очень эффектна. Андреевская церковь, Замок Ричарда, горка, сады, вдали Днепр, а внизу крутая излучина Андреевского спуска и прямо посередине под горкой дом Турбиных. Кстати, и с этой самой горки, вернее горы, той самой, о которой я уже говорил, дворик дома виден очень хорошо. Самый уютный и привлекательный, с голубятней, с верандочкой — я его сотни раз показывал друзьям, хвастаясь киевскими красотами».

Виктор Некрасов. Дом Турбиных

14.

Забегая вперед, скажу, что это именно Виктор Некрасов, замечательный писатель, киевлянин, открыл для читателей и почитателей Михаила Булгакова, не говоря уже о специалистах-литературоведах, дом Турбиных на Андреевском спуске, рассказав о нем в своем очерке, а точнее эссе, опубликованном в журнале «Новый мир». Он ввел его не только в научный обиход, но и проложил к нему народную тропу, по которой бес-

14. Там, наверху, у Андреевской церкви, жил великий художник Михаил Врубель.

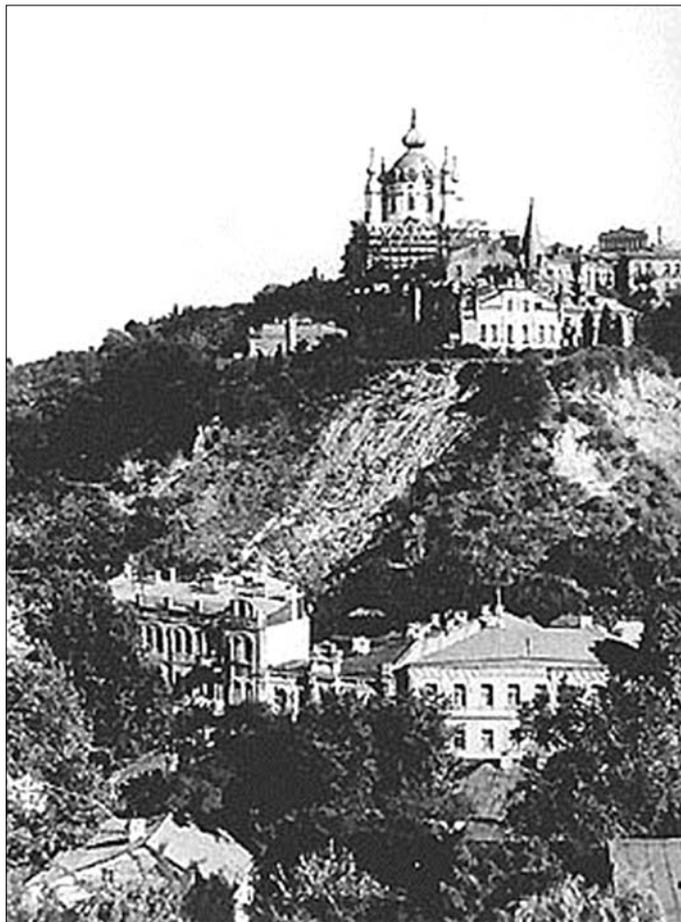
конечным потоком идут и идут люди в этот дом, ставший ныне музеем Михаила Булгакова. Но к Виктору Некрасову мы еще вернемся, как и к художнику Михаилу Врубелю....

15.

16.

15. На крутом повороте Андреевского спуска стоит дом № 13.

16. Удивительно, что эту замечательную точку с домом «Турбиных» нашел не фотограф, а писатель...

Глава 5. ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Эти фотографии сделаны практически в одно и то же время — около 1898 года, но в разных концах Российской империи — в Киеве, Риге, Тифлисе. И, казалось бы, нет никакой связи между людьми, на них изображенными. Мише Булгакову семь лет, он только начинает

17. 18.

М. В. Суворов

КИЕВ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ

осмысливать мир. Девочкам, сидящим с родителями, и того меньше. А молодому грузину Иосифу Джугашвили уже девятнадцать, и он вполне сознательно бросил духовную семинарию и включился в революционную деятельность, пока еще выражающуюся в грабеже банков, что на лексиконе борцов за свободу народа называлось экспроприацией, проводимой

группой боевиков и оправдываемой революционной целесообразностью. Пройдет три десятка лет, и девочка, та, что поменьше, станет для Михаила Булгакова женой, другом, его душеприказчиком, его Маргаритой, а сестра ее Оля перепечатает на своей машинке величайший роман века. Но пересекутся пути их с уже сильно повзрослевшим грузином, получившим беспредельную возможность грабить уже целый народ огромной страны и убивать миллионы лучших ее сынов и дочерей во имя все той же революционной целесообразности. И станет он злым гением писателя Михаила Булгакова, и сделает все, чтобы тот замолчал. Но пробьются бессмертные произведения через железобетонный пресс тоталитарного режима, как пробивается, взламывая асфальт, молодая трава, и нет такой силы, чтобы остановила жизнь человеческой мысли...

19.

17—19. Без подписей.

Глава 6. КИЕВ. АНДРЕЕВСКИЙ СПУСК, 13

В доме этом не было ничего особенного, да и жили Булгаковы до него в других домах значительно дольше, но дом № 13 был их последним гнездом в Киеве, а знаменитым он стал как «прототип» дома, в котором происходит действие романа «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных». Фамилия эта писателем выбрана не случайно: Турбина — девичья фамилия его бабки со стороны матери.

20. 21.

20, 21. Со двора дом № 13 выглядит одноэтажным, скорее он похож на дачу, особенно зимой.

22. Самая младшая в семье — Леля — Елена Булгакова. Через много лет ей выпадет на долю в последние месяцы жизни брата Михаила дежурить у его постели до самого смертного часа...

22.

23.

24

День за днем, год за годом поднимались по этой крутой улице братья-гимназисты, а называлась она — Андреевский спуск, но это — если по-русски, а по-украински «взвиз», то есть взъезд, — подъем, причем и нумерация домов шла снизу вверх. Так что это — как взглянуть: для кого спуск, а для кого подъем. Для братьев Булгаковых — определенно подъем, ведь они каждый день поднимались по этой улице за очередными запасами знаний и до-

23. Гостиная в квартире Булгаковых, с такой любовью описанная в «Белой гвардии».

24. Андреевский спуск.

мой возвращались обогащенными новыми дарами разных наук. А на следующий день — опять подъем и опять приумножение знаний...

25. 26. 27.

25, 26, 27.
Гимназисты, братья Булгаковы —
Михаил, Николай, Иван.

Глава 7. КИЕВ. СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

В 1909 году Михаил Булгаков оканчивает гимназию и поступает в Киевский университет на медицинский факультет. Годы учебы дали крепкие знания, которые ему потом послужат хорошим фундаментом творческой работы.

Первая Александровская гимназия была прекрасным учебным заведением с сильным преподавательским составом, и ее выпускники в большинстве своем могли бы умножать славу российской науки, культуры и искусства, об этом свидетельствуют имена таких выдающихся людей, как историк, академик Евгений Тарле, философ Николай Бердяев, авиаконструктор Игорь Сикорский, художник Николай Ге, артист Александр Вертинский, танцор и балетмейстер Серж Лифарь... Большинство из них вынуждены были покинуть Россию и отдать свой талант совсем другим странам, а те,

28. 29.

28. Михаил Булгаков —
выпускник гимназии.
1909 г.

29. Первая
Александровская
гимназия.

что остались на родине, испили горькую чашу притеснений от «новых хозяев жизни», одним из любимых выражений которых было: «Мы гимназиев не кончали!» Этим фактом они почему-то особенно гордились...

30.

31.

«Большое впечатление на киевлян и конечно же гимназистов производила панорама “Голгофа”, открывшаяся в 1902 году на Владимирской горке, неподалеку от Александровского костела... В панораму водили гимназистов на экскурсии — всем классом... Вообще же библейские сюжеты напоминали о себе постоянно — и дома, и на уроках Закона Божьего,

30. Учащиеся в перерыве между уроками.

31. Преподаватели Первой гимназии.

и на утренних обязательных молитвах в гимназии, и на регулярных посещениях церковных праздников. Но кроме формально-официозного было у Михаила и чисто философское, эстетическое, нравственное восприятие вероучения. Его твердые убеждения студенческих лет оказали влияние на младших братьев и сестер. Вот запись в дневнике сестры Нади: «1910 г. Миша не говел в этом году. Окончательно, по-видимому, решил для себя вопрос о религии — неверие. Увлечен Дарвином...»»

А. Кончаковский, Д. Малаков. «Киев Михаила Булгакова».

32.

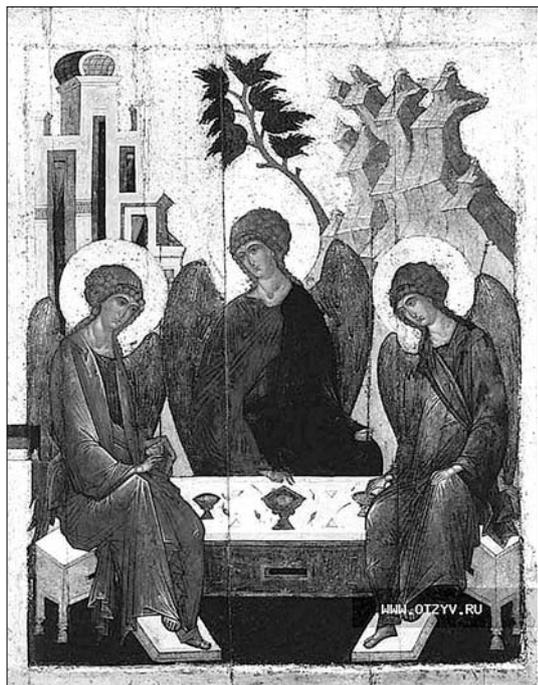
1910 год. Михаилу Булгакову 19 лет — практически это уже сложившийся человек, личность. Но образно мыслить он начал значительно раньше, может быть, и с семи лет, когда написал свой первый рассказ. Это, конечно, еще не литература, но уже **околдованность Словом**. И зарождавшееся в душе предощущение творчества требовало ответов на

33.

32. Троица Новозаветная. Москва. Начало XVIII в.

33. Иисус Христос. Образа, собранные В. Экземплярским.

34.

многие вопросы. Что такое Бог, каков он? Почему на разных «лицах» он выглядит по-иному? Не многолик же он до бесконечности? И что такое Троица? В чем ее единство? А может быть, это просто собирательный образ, как в литературе? В конце концов, Евангельский Христос пришел к людям через книги, написанные писателями древности, то есть опять же через людей, пусть и называющихся евангелистами. Значит, из вторых рук? Есть над чем призадуматься...

Размышления эти продлятся до конца его дней, отзовутся в образе Иешуа и в других персонажах «Мастера и Маргариты»...

34. Троица. Средняя Русь.
Середина XVI века.

35. Михаил Булгаков — гимназист.

«Весной 1908 года я приехала на каникулы из Саратова в Киев к своей тетке... На второй день моего приезда к тетке пришла ее коллега по Фребелевскому педагогическому обществу Варвара Михайловна Булгакова в сопровождении своего старшего сына-гимназиста. Тогда меня и познакомили с Михаилом. Это был симпатичный юноша, светловолосый, с голубыми глазами, очень подвижный, как и я, очень любивший музыку. Тетка попросила Михаила показать мне Киев. То было золотое время. Целыми днями, не ведая усталости, мы бродили по киевским улицам и паркам, ходили в Печерскую лавру, посещали музеи. Часто бы-

35.

36.

вали на Владимирской горке — любимом месте Михаила. Отсюда открывалась захватывающая картина днепровских далей, и было жутковато смотреть с отвесных круч вниз на широкую и быструю реку. А вечерами шли в оперный театр слушать “Севильского цирюльника”, “Кармен”, “Аиду”, “Фауста” или на концерты в Купеческий сад. В Купеческий шли, как правило, пешком через Владимирскую горку по крутым, выложенным кирпичом,

37.

36. Варвара Михайловна с детьми после смерти мужа. Киев. 1909 г.

37. «Фауст» — с детства и на всю жизнь...

38.

38. Татьяна Лаппа — Тася.

39. Александр Гдешинский — дружба с ним прошла у Михаила Булгакова через всю жизнь...

40. Киевский оперный театр.

прогулочным дорожкам. Мне кажется, тогда мы не пропускали ни одного концерта. Несколько раз я приезжала в Бучу, где в лесу у Булгаковых была просторная дача, которая на лето собирала всю их большую семью...»

Из воспоминаний Татьяны Николаевны Кисельгоф (в девичестве Лаппа) — первой жены М.А. Булгакова с 1913 по 1924 год.
(Запись А.П. Кончаковского)

39.

40.

Вот что написал о своем друге Михаиле Булгакове его сестре Надежде Александр Гдешинский:

«Что поражало в нем прежде всего — это острый, как лезвие, ум. Он проникал за внешние покровы мысли и слов и обнаруживал тайники души. Его прозорливость была необычайна. От него не было тайн. Беспощадный враг пошлости, лицемерия, косности и мещанства, он хотел видеть всех лучшими, чем они есть на самом деле, — эту мысль выразил он мне однажды. Он не только боролся с пошлостью, лицемерием, жадностью и другими человеческими пороками, он хотел сделать людей лучше. Проникая в чужую душу, он безошибочно отделял правду от

41.

41. Участники любительского спектакля «Принцесса Горошина». В основном это дети семей Булгаковых и Сынгаевских, связанные крепкой многолетней дружбой, а также ребяташки из соседних домов. Такие спектакли устраивались регулярно, и Миша Булгаков, один из самых активных участников, с тех пор «заболел» театром и уже навсегда остался верен этому увлечению, ставшему затем делом его жизни... На снимке он третий слева в первом ряду.

42.

42. Афиша гулянья в Буче, посвященного благоустройству поселка. Псевдоним Булгакова — АГАРИН.

лжи, уродливое от прекрасного и выносил беспощадный приговор самым страшным оружием — смехом! Но это одна сторона, а с другой стороны — это блестящий непобедимый юмор, это сверкание обаятельной неповторимой личности».

Переписка этих двух друзей, хранящаяся в Пушкинском Доме Санкт-Петербурга, к сожалению, практически неизвестна не только широкой публике, но и большинству исследователей.

«Сим заявляю, что я 26-го апреля 1913 года вступил в законный брак с дочерью действительного статского советника Николая Николаевича Лаппа Татьяной Николаевной Лаппа — девицей 21 года от роду, вероисповедания православного. Таинство брака в Киево-Подольской Добро Николаевской церкви совершил священник Александр Глаголев с причтом, а поручителями были: Студенты Б.И. Богданов и Платон Петрович Гдешинский, студент Константин Петрович Булгаков и ученик семинарии Александр Гдешинский.

7-го марта 1917 г. Доктор Булгаков».

Университетский документ

«...После венчания мы сели в белую карету и укатили на свою квартиру. Ее для нас сняли родители в доме № 25 по Рейтарской улице, а Варвара Михайловна с младшими детьми осталась в доме № 13 на Андреевском спуске. Вскоре мы сменили квартиру и снова перебрались на Андреевский спуск, в дом напротив Андреевской церкви... Михаил продолжал учебу на медицинском факультете университета, а для содержания семьи давал частные уроки гимназистам...»

Из воспоминаний Т.Н. Кисельгоф (Лаппа)

43.

43. Дом № 38 по Андреевскому спуску — напротив Андреевской церкви.

44.

44. Михаил Булгаков в своем первом врачебном кабинете.

45, 46. Татьяна Лаппа. 1913 г.

45. 46.

Глава 8. КИЕВ. ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Михаилу Булгакову повезло с фотографией. Прежде всего потому, что родилась она немногим более полувека до того, как родиться ему самому, и за это время успела настолько развиться, что стала неременной составляющей культурного бытия любого, уважающего себя города. А что Киев был истинно таковым, свидетельствует та же фотография, подробно зафиксировавшая его облик, житейские будни его обитателей, природу, события, лица. Многократно запечатлен на снимках образ и будущего писателя, и теперь мы можем видеть его воочию во всем разнообразии проявлений роста, становления характера, формирования личности. Входили в моду семейные альбомы, с их помощью вели домашнюю хронику, занимали ими гостей, тешили свое тщеславие, видя себя красивыми и импозантными, какими их умели представлять на «карточках» фотохудожники, священнодействующие в своих салонах и ателье и гордо именующие себя светописцами. Честь и хвала им за их творческий подвиг и бессознательное служение Истории, ибо они оказались со временем летописцами этого самого времени, оставившими потомкам зримый портрет ушедших десятилетий... К сожалению, мы никогда не узнаем их имен, потому что те, что обозначены на респектабельных паспарту, принадлежат владельцам фотоателье, которые далеко не всегда являлись мастерами-исполнителями, создававшими конкретную изобразительную продукцию. Но фотографии уже становилось тесно в стенах ателье, и она начала медленно, но со все нарастающим ускорением выходить «в народ», вербуя себе «жрецов» в среде наиболее образованных и любознательных поклонников научно-

47.

48.

49.

30 50.

технического и культурного прогресса, стремительно изменявшего все течение жизни удивительного двадцатого века. Так возникла славная плеяда фотомастеров «на общественных началах», именуемых далее фотолюбителями.

К счастью, в кругу друзей булгаковской семьи оказался именно такой человек...

«Василий Ильич Экземплярский — профессор кафедры нравственного богословия. Увлекался фотографией, и сделаны лучшие фотографии семьи Булгаковых. Собрал уникальную коллекцию фоторепродукций с изображением Иисуса Христа. Это собрание, скорее всего, как полагают, видел юный Михаил Булгаков. За работу “Л.Н.Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взгляде на жизненное значение заповедей Христовых” определением Синода от 26 августа 1911 года лишен кафедры и уволен со службы. Автор многих научных трудов. Оказал большое влияние на молодых Булгаковых».

А. Кончаковский, Д. Малаков.
«Киев Михаила Булгакова»

47. Киев. Крещатик со стороны Царской площади. 1915—1916 гг.

48, 49, 50. Групповые портреты семьи Булгаковых и близких их друзей.

51.

52

Здесь публикуются только несколько групповых портретов, сделанных Экземплярским. Их намного больше, и они широко представлены в процитированной выше книге. Думаю, что и там собрано далеко не все фотографическое отражение истории семьи Булгаковых, столь оно

велико — постепенно обнаруживаются новые снимки, дополняющие фотолетопись жизни и творчества Михаила Булгакова, человека поистине неисчерпаемого.

51. Чаепитие на даче в Буче под Киевом. 1907 г.

52. В.И. Экземплярский.

53. Вечеринка у Булгаковых в доме 13 по Андреевскому спуску. 1918 г. Снимал предположительно Николай Булгаков.

53.

Глава 9. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

54.
55.

54. И пошли на фронт маршевые роты...

55. А с фронта в санитарных поездах — раненые...

56. Михаил Булгаков в Саратовском госпитале.

57. А где-то в другом городе, тоже в госпитале, была сестрой милосердия Любовь Белозерская — будущая вторая жена Михаила Булгакова. Они встретятся через десять лет.

32

56.

57.

«У меня каким-то чудом сохранилась старая фотография, вернее, ее фрагмент, на котором запечатлен в белом халате молодой Булгаков. А история этого снимка такова. Лето 1914 года мы с Михаилом провели у моих родителей в Саратове. Там застало нас недоброе известие о начале войны. Вскоре в Саратов, расположенный далеко от фронта, стали прибывать первые раненые. Городские власти на деньги чиновников Казенной палаты устроили лазарет, патронессой которого стала моя мать — Евгения Викторовна. Врачей и сестер милосердия не хватало. Вот тогда-то моя мама и предложила зятю поработать некоторое время в лазарете. В это время и запечатлел его в белом халате какой-то фотограф-любитель в окружении выздоравливающих пациентов и среднего медперсонала лазарета».

Из воспоминаний Т.Н.Кисельгоф

Глава 10. ЛЕКАРЬ С ОТЛИЧИЕМ

58.

59.

ФАКУЛЬТЕТСКОЕ ОБЪЩАНІЕ.

Принимая съ глубокою признательностію даруемая мнѣ наукою права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемыхъ на меня симъ званіемъ, даю общаніе въ теченіе всей своей жизни ничѣмъ не помрачать чести сословія, въ которое нынѣ вступаю. Общаю во всякое время помогать, по лучшему моему разумѣнію, прибѣгающимъ къ моему пособію страждущимъ; свято хранить вѣрными мнѣ семейныя тайны и не употреблять во зло оказываемаго мнѣ довѣрія. Общаю продолжать изучать врачебную науку и способствовать всѣми своими силами ея процвѣтанію, сообщая ученому свѣту все, что открою. Общаю не заниматься приготовленіемъ и продажею тайныхъ средствъ. Общаю быть справедливымъ къ своимъ сотоваршамъ-врачамъ и не оскорблять ихъ личности; однакоже, если бы того потребовала польза больного, говорить правду прямо и безъ лицепріятія. Въ важныхъ случаяхъ общаю прибѣгать къ совѣтамъ врачей, болѣе меня свѣдущихъ и опытныхъ; когда же самъ буду призванъ на совѣщаніе, буду по совѣсти отдавать справедливость ихъ заслугамъ и стараніямъ.

*Михаилъ
Александровичъ
Булгаковъ*

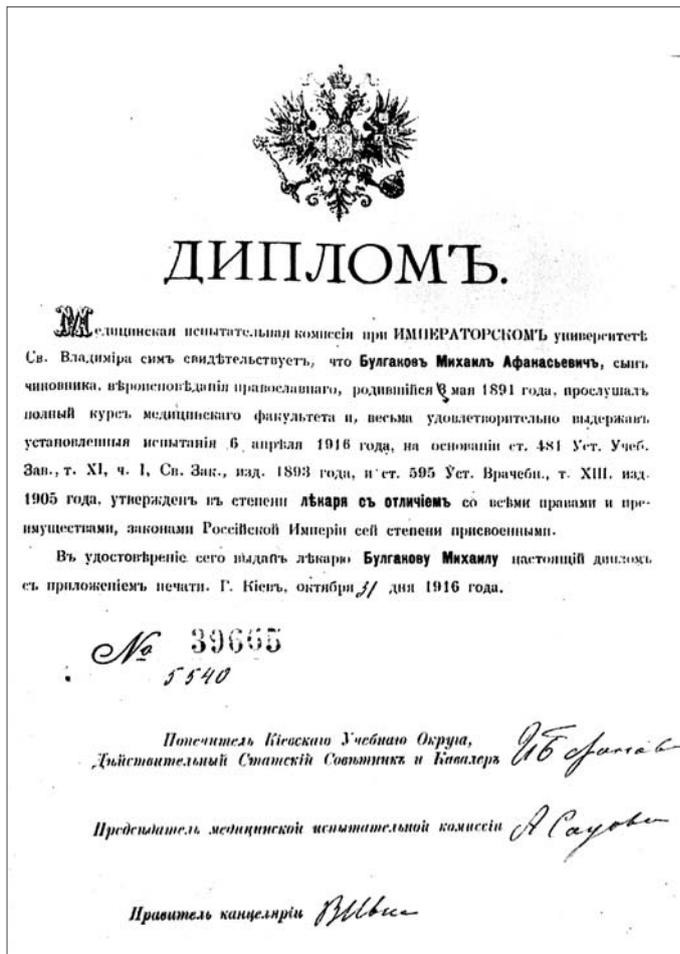
60.

58. Киевский университет.

59, Михаил Булгаков перед
завершением учебы.

60. 61. Без подписи

61.

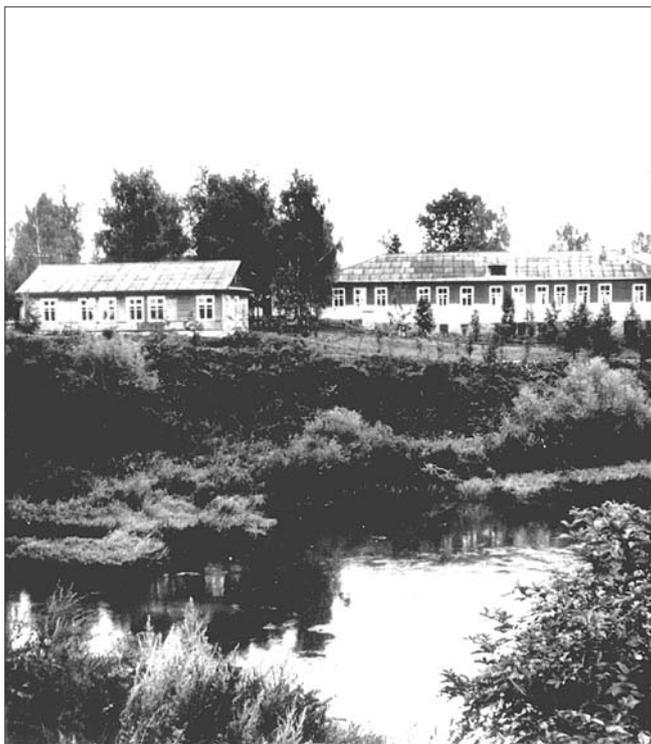

«...Уже перед самой революцией, в 1916 году, Михаил выдержал выпускные экзамены в Киевском Императорском университете Св. Владимира, получив звание “лекаря с отличием”... После сдачи выпускных экзаменов Михаил добровольцем поступил на службу в Киевский военный госпиталь. Вскоре его перевели поближе к фронту — в город Каменец-Подольский. Я поехала с мужем...

...Меня зачислили в санитарный отряд, и я стала учиться и помогать Михаилу в операционной... Михаил часто дежурил ночью,

а под утро приходил физически и морально разбитым; спал несколько часов, а потом опять госпиталь... старался помочь больным, облегчить их страдания... несколько раз медицинское начальство в присутствии медперсонала объявляло ему благодарности... А осенью Михаила вызвали в Москву. В штабе решили, что на фронте нужны опытные тыловые врачи, а молодежь должна занять их место. Так мы попали в Смоленскую губернию. Сначала в Никольскую больницу Сычевского уезда, а с осени 1917 года в город Вязьму — городскую уездную больницу, где Михаил проработал до февраля 1918 года... Жизнь врача, как мне кажется, правдиво изображена в цикле рассказов, ставших впоследствии известными под названием “Записки юного врача”. Конечно же, как и все его произведения, они достаточно автобиографичны...»

Из воспоминаний Т.Н. Кисельгоф (Лаппа)

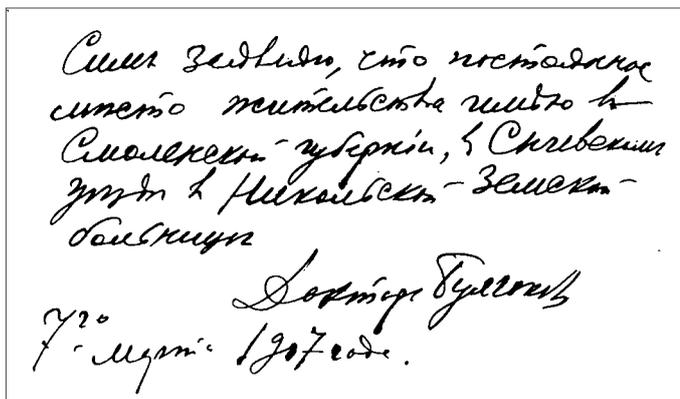
62.

Став писателем, Булгаков расстается с медициной только «официально» — она сопровождает его на протяжении всей жизни, врачебный опыт дает ему богатый материал и в творчестве — нет почти ни одного произведения, в котором бы медицина не присутствовала в том или ином аспекте. И он, следуя своему правилу — писать о том, что хорошо знает, всегда точен в описаниях болезней или лечебных процедур. В тех же случаях, когда своего опыта ему недостаточно, он обращается к коллегам-медикам за советом, благо со многими из них его связывает тесная мно-

голетняя дружба. И когда, работая над «Мастером и Маргаритой», ему надо проверить себя по части болезни Иванушки или клиники Стравинского, он призывает на помощь виднейших психиатров.

В Дневнике Елены Булгаковой мы читаем: «31 марта (1938). Вчера днем М.А. был у Цейтлина (невропатолога), сговаривался о чтении романа. М.А. нравится Цейтлин и как человек, и как блестящий психиатр.

63.

62. Сычовка. Базовое лечебное заведение, где часто бывал Михаил Булгаков в период работы в Никольской земской больнице.

63. Без подписи.

64.

7 апреля. Сегодня вечером — чтение. М.А. давно обещал Цейтлину и Арендту (Андрей Арендт — врач, потомок врача Пушкина, близкий друг Булгаковых. — Ю. К.), что прочитает им некоторые главы (относящиеся к Иванушке и его заболеванию).

8 апреля. Роман произ-

64. Вязьма. Городская уездная больница, в которой доктор Булгаков практиковал в 1917—1918 гг.

65. Профессор Алексей Васильевич Мартынов — в центре — со своими коллегами и студентами-медиками Московского университета. Конец 1920-х годов.

65.

вел сильное впечатление на всех. Было очень много ценных мыслей высказано Цейтлиным. Он как-то очень понял весь роман по этим главам...»

Несколькими годами раньше в Дневнике запись:

«5 февраля (1934). Умер профессор-хирург Мартынов Алексей Васильевич. Всесторонне образованный человек, очень любил и понимал музыку. М.А. относился к нему с чувством большого уважения.

Девять лет назад Мартынов оперировал М.А. (аппендицит)».

Мартынов был блестящим хирургом и педагогом — профессором Московского университета, его многочисленные ученики несколько десятилетий составляли мощный отряд отечественной хирургии.

Общение с таким человеком давало большой духовный заряд писателю Булгакову.

В Киевском мемориальном музее Михаила Булгакова на Андреевском спуске, 13 воссоздана обстановка дома семьи Булгаковых.

Среди других интерьеров реконструирован и медицинский кабинет молодого врача Михаила Булгакова.

Глава 11. РЕВОЛЮЦИЯ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Т.Н. Булгакова — Н.А. Булгаковой-Земской.
«30 октября 1917 г. (Вязьма).

«Милая Надюша, напиши, пожалуйста, немедленно, что делается в Москве. Мы живем в полной неизвестности, вот уже четыре дня ни откуда не получаем никаких известий. Очень беспокоимся, и состояние ужасное...»

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской.

*«31 декабря 1917 г.
(Вязьма).*

Дорогая Надя, поздравляю тебя с Новым годом и желаю от души, чтобы этот новый год не был похож на старый... В начале декабря я ездил в Москву... И вновь тяну ляжку в Вязьме... Я живу в полном одиночестве... Зато у меня есть широкое поле для раз-

66.
67.

66. Революционные дни
в Петрограде на Литейном...

67. И в Киеве на Владимирской...

68. Михаил Булгаков. 1916—1917 гг.

мышлений. И я размышляю. Единственным моим утешением является для меня работа и чтение по вечерам...

...Мучительно тянет меня вон отсюда в Москву или Киев, туда, где хоть и замирая, но все же еще идет жизнь... Недавно в поездке в Москву и Саратов мне пришлось видеть воочию то, что больше я не хотел бы видеть. Я видел, как толпы бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... Видел голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пи-

шут, в сущности, об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке... Идет новый год. Целую тебя крепко.

Твой брат Михаил...»

Кто натравил этих людей друг на друга? Кто столкнул их в кровавой междоусобице, когда брат на брата?

«...Большевики выдвинули лозунг “превращения войны империалистической в войну гражданскую”. Лозунг этот означал, что трудящиеся, в том числе вооруженные рабочие и крестьяне, переодетые в солдатские шинели, должны повернуть оружие против своей буржуазии и свергнуть ее власть, если они хотят избавиться от войны и добиться справедливого мира...»

«История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс»

Семя брошено и заалело кровавыми всходами... И с двух сторон шли на смерть не господ и вожди, а те же рабочие и крестьяне, и не за «идею»,

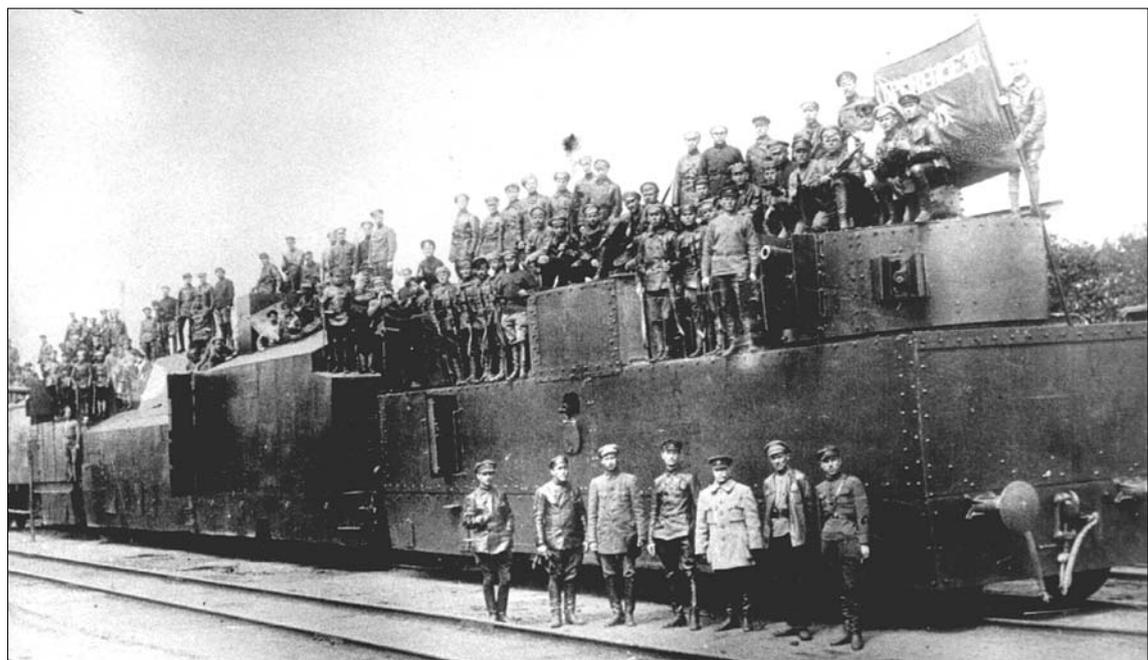

а по мобилизации, когда если не хочешь — расстрел. И уж буржуазии давно не осталось, а война — Гражданская — все шла. Ее ведь только развяжи, а потом не остановишь, и под конец регулярные части Красной армии громили революционных матросов в Кронштадте и взбунтовавшихся против большевистских реквизиций тамбовских и прочих крестьян... И покатались по стране расстрелы: Гражданская — против своего народа — продолжалась аж до сорок первого, пока не пришлось от внешнего врага отбиваться. А власть, что выронила из рук буржуазия, подхватила новая «классовая прослойка» — партийная номенклатура...

69.

69. Михаил Булгаков.
1916 г.

70. Личный состав
бронепоезда
№ 12 Красной армии.

70.

71. Отряд петлюровцев в Киеве. 1919 г.

«...То не серая туча со змеиным брюхом разливается по городу, то бурые, мутные реки текут по старым улицам — то сила Петлюры несметная на площадь старой Софии идет на парад... В синих жупанах, в смушковых, лихо заломленных шапках с синими верхами шли галичане. Два двухцветных прапора, наклоненных меж обнаженными шашками, плыли следом... Несчитаной силой шли серые обшарпанные полки сечевых стрельцов. Шли курени гайдамаков, пеших, курень за куренем, и, высоко танцуя в просветах батальонов, ехали в седлах бравые полковые, куренные и ротные командиры... За пешим строем, облегченной рысью, мелко прыгая в седлах, покатали конные полки... — Петлюра. Петлюра. Петлюра. Петлюра. Петлюра...»

«...На третьем пути стоял бронепоезд. Наглухо, до колес, были зажаты площадки в серую броню. Паровоз чернел многогранной глыбой, из брюха его вываливался огненный плат, разлегаясь на рельсах, и со стороны казалось, что утроба паровоза набита раскаленными углями. Он сипел тихонько и злобно, сочилось что-то в боковых стенках, тупое рыло его молчало и шурилось в приднепровские леса. С последней площад-

72. На полях Гражданской — конная атака.

73. Подавление восстания кронштадтских матросов.

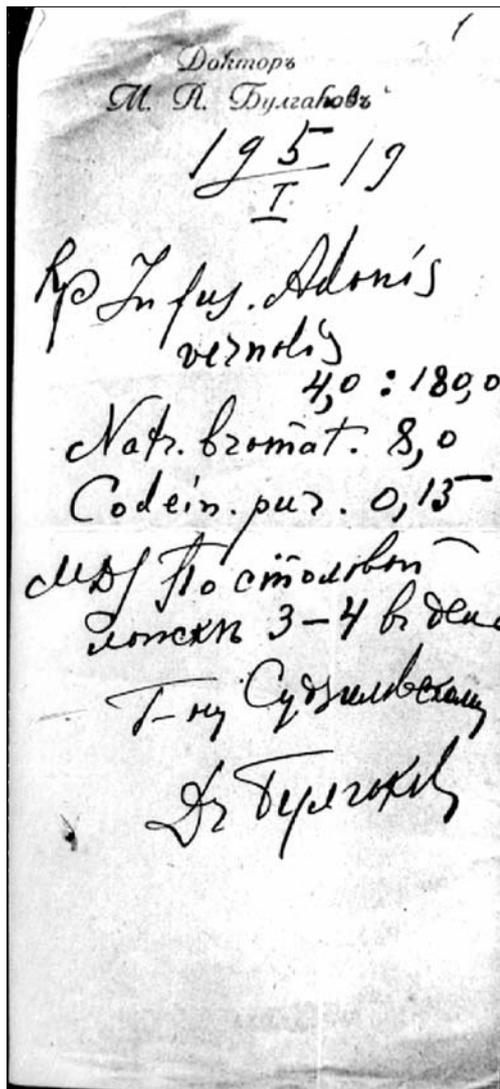

74.

75.

ки ввысь, черную и синюю, целилось широченное дуло в глухом наморднике верст на двенадцать и прямо в полочный крест... По платформе бегали взад и вперед, несмотря на жгучий мороз, фигуры людей в полушубках по колена, в шинелях и черных бушлатах... Человек и тень ходили от огненного всплеска броневоего брюха к темной стене первого боевого ящика, до того места, где чернела надпись: "Бронепоезд "Пролетарий"..."»

«...А зачем оно было? Никто не скажет. Заплатит ли кто-нибудь за кровь? Нет. Никто. Просто растает снег, взойдет зеленая украинская тра-

74. Татьяна Лаппа, в то время — Булгакова.

75. Рецепт, выписанный доктором Булгаковым.

Весьма таинственное воинство — махновцы...

Нестор Иванович — батька Махно, сельский учитель, о чем-то беседовавший с Лениным, а вот о чем! Поди-ка разберись в этом братоубийстве...

ва, заплетет землю... выйдут пышные всходы... задрожит зной над полями, и крови не останется и следов. Дешева кровь на червонных полях, и никто выкупать ее не будет. Никто».

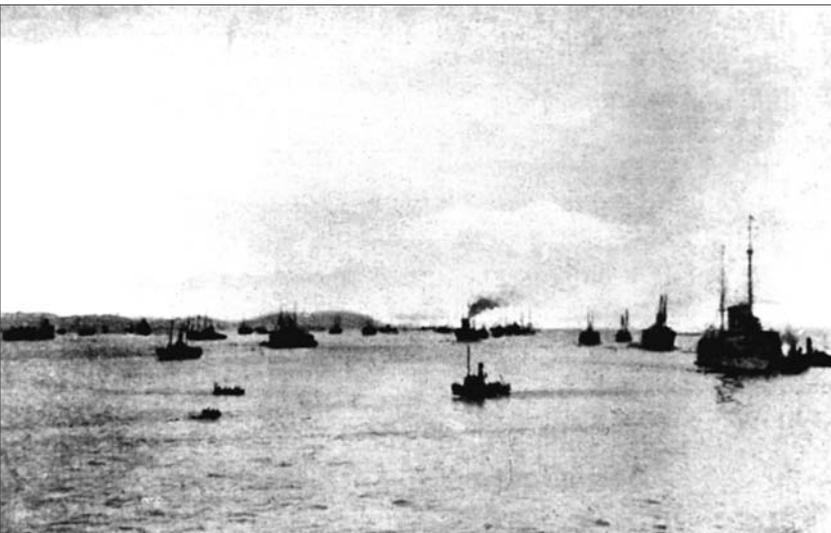
Михаил Булгаков. «Белая гвардия».

«...Вскоре Михаила мобилизовали как врача, кажется, “синезупанники”. Мне стало известно, что Михаил находится где-то на Никольской Слободке, и я отправилась туда, за Днепр. Вскоре я нашла его. Он не хотел покидать Киев. Когда возвращалась домой, он попросил принести ему на следующий день кое-что из белья и еды. Но той же ночью сам явился домой бледный, измученный, стал рассказывать, что его хотели отправить в Галицию, но он, рискуя жизнью, бежал: отстал от строя, спрятался за колоннами Рождественской церкви, переждал, пока опустеет Александровская улица. Бежал через Подол на Андреевский спуск, кто-то стрелял ему вдогонку, пули свистели рядом, но, к счастью, ни одна его не задела. Переволновавшись и, наверное, переохладившись, он сразу же слег в постель. Пришлось вызывать врача и лечить его...»

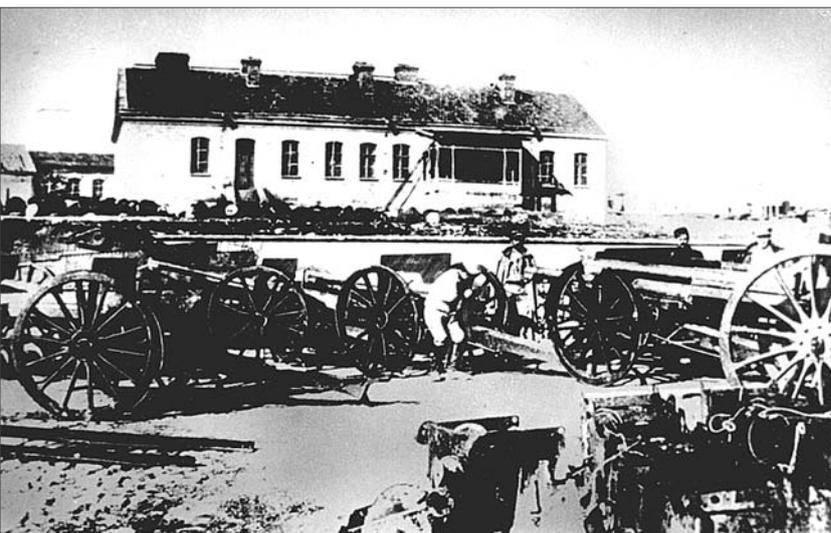
Т.Н. Кисельгоф (Лапша). Из воспоминаний

76. Эвакуация деникинских войск из Новороссийска. 1919 г.

77. 78.

77. Эвакуация врангелевских войск из Крыма. Севастополь. Ноябрь 1920 г.

78. Пристань в Севастополе после эвакуации белой армии.

...«Хлудов (вскрывает конверт. Прочитал, оскалился. Головану).

Летчика на Карпову Балку к генералу Барбовичу. Приказ — от неприятеля оторваться, рысью в Ялту и грузиться на суда!.. Другого — к генералу Кутепову: оторваться, в Севастополь и грузиться на суда. Фостикову — с кубанцами в Феодосию. Калинин — с донцами в Керчь. Чарноте — в Севастополь! Всем на суда! Ставку свернуть мгновенно, в Севастополь! Крым сдан!..»

Михаил Булгаков. «Бег»

Не на одном ли из этих кораблей ушли навсегда в изгнание оба брата Михаила Булгакова — Николай и Иван? И сколько еще чьих-то братьев и отцов покинуло Отечество, чтобы отдать свои силы и способности другим государствам, а были там, ей-богу, не худшие сыны России...

Гражданская война разбросала большую дружную семью, как, впрочем, и миллионы других семей.

Братья Михаила оказались в Париже, постепенно там обжились, Николай стал крупным бактериологом, профессором, младший Иван играл в русском оркестре на балалайке, чем добывал себе пропитание, на досуге писал стихи.

Им помогали хорошее домашнее воспитание и основательные знания, полученные в гимназии. Но поначалу им приходилось туго, как и всем русским эмигрантам.

79.
80.

79, 80. Николай Афанасьевич Булгаков. Париж.

81, 82. Иван Афанасьевич Булгаков. На групповом снимке — второй слева. Париж.

81.
82.

«С печалью я каждый раз думаю о Коле и Ване, о том, что сейчас мы никто не можем ничем облегчить им жизнь», — пишет М. Булгаков сестре в Киев в январе 1923 года. Позже, уже став известным драматургом, помогал им материально из своих гонораров за идущие за границей пьесы. Николай в ту пору уже оказывал брату содействие в улаживании театральных дел, что порой было необходимо. Мысли о братьях постоянно тревожили его, в письме П. Попову (1932 г.) он пишет: «С детства я терпеть не мог стихов (не о Пушкине говорю, Пушкин — не стихи!) и, если сочинял, то исключительно сатирические, вы-

зывает отвращение тетки и горе мамы, которая мечтала об одном: чтобы ее сыновья стали инженерами путей сообщения. Мне неизвестно, знает ли покойная, что младший стал солистом-балалаечником во Франции, средний — ученым-бактериологом все в той же Франции, а старший никем стать не пожелал. Я полагаю, что она знает. И временами, когда в горьких снах я вижу абжур, клавиши, Фауста и ее (а вижу я ее во сне в последние ночи вот уж третий раз. Зачем меня она тревожит?), мне хочется сказать: поедьте со мною в Художественный Театр. Покажу Вам пьесу. И это все, что могу предъявить».

Глава 12. ЛИТЕРАТУРА. ПЕРВЫЕ ШАГИ

БУЛГАКОВ МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ. АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в г. Киеве в 1891 году. Учился в Киеве и в 1916 году окончил университет по медицинскому факультету, получив звание лекаря с отличием.

Судьба сложилась так, что ни званием, ни отличием не пришлось пользоваться долго. Както ночью в 1919 году, глухой осенью, едуци в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты.

83.

84.

83. Свеча в бутылке — фантазия на тему...

84. Чернильница писателя Михаила Булгакова.

85. Обрывок газеты «Грозный», в которой были напечатаны «Грядущие перспективы» — первая статья Михаила Булгакова, где он дал долгосрочный прогноз будущих бед России.

Там его напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. В начале 1920 года я бросил звание с отличием и писал. Жил в далекой провинции и поставил на местной сцене три пьесы. Впоследствии в Москве в 1923 году, перечитав их, торопливо уничтожил. Надеюсь, что нигде ни одного экземпляра их не осталось.

В конце 1921 года приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда. В Москве долго мучился; чтобы поддерживать существование, служил репортером и фельетонистом в газетах и возненавидел эти звания, лишённые отличий. Заодно возненавидел редакторов, ненавижу их сейчас и буду ненавидеть до конца жизни.

В берлинской газете «Накануне» в течение двух лет писал большие сатирические и юмористические фельетоны. Не при свете свечи, а при тусклой электрической лампе сочинил книгу «Записки на манжетах». Эту книгу у меня купило берлинское издательство «Накануне», обещав выпустить в мае 1923 года. И не выпустило вовсе. Вначале меня это очень волновало, а потом я стал равнодушен.

Напечатал ряд рассказов в журналах в Москве и Ленинграде.

Год писал роман «Белая гвардия». Роман этот я люблю больше всех других моих вещей.

Москва, октябрь 1924 г.

Глава 13. ВЛАДИКАВКАЗ. ПОДОТДЕЛ ИСКУССТВ

ЮРИЙ СЛЕЗКИН — ИЗ ДНЕВНИКА 21 февраля 1932 г.

С Мишей Булгаковым я знаком с зимы 1920 года. Встретились мы во Владикавказе при белых. Он был военным врачом и сотрудничал в газете в качестве корреспондента. Когда я заболел сыпным тифом, его привели ко мне в качестве доктора. Он долго не мог определить моего заболевания, а когда узнал, что у меня тиф, испугался до того, что боялся подойти близко, и сказал, что не уверен в себе.

85.

86.

86. Писатели Ю. Слезкин — справа — и Н. Кондаков. Последний — уже в эмиграции — написал под псевдонимом Петр Пильский вступительную статью к булгаковскому сборнику «Роковые яйца», Рига, 1928 г., и «дописал» в рижском же издании «Белой гвардии» финал... Видимо, зная о подобном деянии, Булгаков помянул его в «Театральном романе»: «...между журналистов стоит этот жулик Кондюков Сашка... Скандалище колоссальное... И не успел он оглянуться, как этот прохвост Катькин возьми и плюнь ему прямо в рыло!...»

87. В этом здании помещался подотдел искусств.

87.

51

88.

По выздоровлении я узнал, что Булгаков болен паратифом. Тотчас же, еще едва держась на ногах, я пошел к нему с тем, чтобы ободрить его и что-нибудь придумать на будущее. Все это описано у Булгакова в его «Записках на манжетах». Белые ушли, организовался рев-

89.

88. Городской театр. Здесь шли первые пьесы Михаила Булгакова.

89. 90. Афиша литературного вечера с участием М. Булгакова.

90

**91. Театральная программка
«Братьев Турбиных».**

ком. Мне поручили заведование подотделом искусства. Булгакова я пригласил в качестве зав. литературной секцией. Там же, во Владикавказе, он поставил при моем содействии свои пьесы: «Самооборона» в одном акте и «Братья Турбины» — бледный намек на теперешние «Дни Турбиных». Действие происходило в революционные дни 1905 года в семье Турбиных, один из братьев был эфироманом, другой революционером... Все это звучало весьма слабо. Я, помнится, говорил к этой пьесе вступительное слово.

По приезде своем в Москву мы опять встретились с Булгаковым как старые приятели.

Жил тогда Миша бедно, в темноватой сырой комнате большого дома по Садовой, со своей первой женой Татьяной Николаевной. По стенам висели старые афиши, вырезки из газет, чудаческие надписи. Был Булгаков стеснен в средствах, сутулился, подымал глаза к небу, воздевал руки, говорил: «Когда же это кончится!..» Его манера говорить схвачена у меня в образе писателя в «Столовой горе». Она не была такая куца, какая вышла из-под руки цензуры. Булгаков хвалил роман и, очевидно, вполне искренне относился ко мне как к писателю и человеку. Вскоре появилась в Москве сменовеховская газета «Накануне» и открылось ее отделение в Гнездиновском переулке. Мы с Булгаковым начали сотрудничать там... Здесь Булгаков развернулся как фельетонист. На него обратили внимание. Издательство «Накануне» купило его «Записки на манжетах», да так и не выпустило...

ПОДОТДЕЛ ИСКУССТВ
1-й Советский Театр

СЕГОДНЯ

ПРОГРАММА

„Братья Турбины“

Драма в 4. д. М. Булгакова

Действующие лица:

Анна Владимировна Турбина т. Назанская
Алексей Васильевич Турбин т. Поль
Нася студент т. Демюр
Леля, ученица консерватории т. Нараманьян
Шура, горничная Турбина т. Покровская
Кэт Рында т. Ждановская
Женя Рында, скульптор т. Богословский
Саша Бурчинский, скрипач т. Колячев
Владимир Карлович Стронглер т. Демуров
Баранов, брат Шуры т. Тугаримов
Исеволод Аксай т. Микин
Шелухов т. Федоров
Александр Иосифович Риль т. Дивов
Третников, бывший студент т. Гюнтер
Сперчков т. Нир
Горничная Турбиной т. Лоос

Постановка **Августова.**

92. Владикавказ. Дом, в котором жил Булгаков.

Он читал там свои рассказы: «Рокковые яйца», «Собачье сердце». Последний так и не увидел свет — был запрещен. А рассказ хорош, но с большой примесью яда. Булгаков точно вырос в один-два месяца... Появился свой язык, своя манера, свой стиль... Вскоре он прочел нам первые главы из своего романа «Белая гвардия». Я его от души поздравил и поцеловал. Меня увлекла эта вещь, и я радовался за автора. Тут у Булгакова пошли «дела семейные», появились новые интересы, ему стало не до меня. Встречи наши стали все реже, а вскоре почти совсем прекратились, хотя мы остались по-прежнему на «ты».

«Мы расстались с тобой приблизительно год назад. Весной я заболел возвратным тифом, и он приковал меня... Чуть не издох, потом летом опять хворал.

Помню, около года назад я писал тебе, что я начал печататься в газетах. Фельетоны мои шли во многих кавказских газетах. Это лето я все время выступал с эстрад с рассказами и лекциями. Потом на сцене пошли мои пьесы. Сначала одноактная юмореска «Самооборона», затем написанная наспех, черт знает как 4-актная драма «Братья Турбины». Бог мой, чего я ещё не делал: читал и читаю лекции по истории литера-

туры (в Университ. народа и драмат. студии), читаю вступительные слова и проч., проч.

“Турбины” четыре раза за месяц шли с треском успеха. Это было причиной крупной глупости, которую я сделал: послал их в Москву... Как раз вчера получил о них известие. Конечно, “Турбиных” забракуют, а “Самооборону” даже кто-то признал совершенно излишней к постановке. Это мне крупный и вполне заслуженный урок: не посылай неотделанных вещей!

93. Владикавказ. 1920 или 1921 год. Группа работников культурного фронта. Среди них — Михаил Афанасьевич Булгаков (третий слева во втором ряду) и его жена Татьяна Николаевна (третья слева в ряду последнем).

Эту фотографию разыскал пятигорский стоматолог Сергей Бобров — талантливый литературовед, булгаковед Божьей милостью. Как известно, медицина рекрутировала в отечественную литературу немало замечательных писателей и исследователей. Сергею Боброву удалось найти много ценнейших материалов, среди которых немало фотографий. Некоторые из них он предоставил для опубликования в «Фотолетописи», за что ему честь, хвала и огромная благодарность.

Жизнь моя — мое страдание. Ах, Костя, ты не можешь себе представить, как бы я хотел, чтобы ты был здесь, когда “Турбины” шли в первый раз. Ты не можешь себе представить, какая печаль была у меня в душе, что пьеса идет в дыре захолустной, что я запоздал на 4 года с тем, что я должен был давно начать делать — писать.

В театре орали “Автора” и хлопали, хлопали... Когда меня вызвали после 2-го акта, я выходил со смутным чувством... Смутно глядел на загримированные лица актеров, на гремящий зал. И думал: «А ведь это моя мечта исполнилась... но как уродливо: вместо московской сцены сцена провинциальная, вместо драмы об Алеше Турбине, которую я лелеял, наспех сделанная, незрелая вещь”. Судьба-насмешница.

... И так я поживаю. За письменным столом, заваленным рукописями... Ночью иногда перечитываю свои раньше напечатанные рассказы (в газетах! в газетах!) и думаю: где же сборник? Где имя? Где утраченные годы? Я упорно работаю».

Из письма двоюродному брату Косте,
1 февраля 1921 г.

Глава 14. «ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТАХ». ВЛАДИКАВКАЗ

«Беллетрист Юрий Слезкин сидел в шикарном кресле. Вообще всё в комнате было шикарно, и поэтому Юра казался в ней каким-то диким диссонансом. Голова, оголенная тифом... Френч, молью обгрызенный, и под мышкой — дыра. На ногах серые обмотки... Во рту — двухкопеечная трубка. В глазах страх с тоской...

— Что же теперь будет с нами? — спросил я и не узнал своего голоса... — В самом деле. Что мы будем делать?..

Слезкин усмехнулся одной правой щекой. Подумал. Вспыхнуло вдохновение.

— Подотдел искусств откроем!..

...Сквозняк подхватил. Как листья летят. Один — из Керчи в Вологду, другой — из Вологды в Керчь...

Третий — Осип Мандельштам. Вошел в пасмурный день и голову держал высоко, как принц. Убил лаконичностью:

— Из Крыма. Скверно. Рукописи у вас покупают?..

— Но денег не пла... — начал было я и не успел окончить, как он уехал. Неизвестно куда...

94. Владикавказ. Улица Льва Толстого.

Беллетрист Пильняк. В Ростов, с мучным поездом, в женской кофточке... Оригинал — золотые очки...

Серафимович с севера.

Глаза усталые. Голос глухой. Доклад читает в цехе...

Уехал Серафимович... Антракт...

...Я читал вступительную статью “О чеховском юморе”. Но оттого ли, что я не обедаю вот уже третий день, или еще почему-нибудь, у меня в голове было как-то мрачно... Аплодисмент, впрочем, дружный...

Решили после “Вечера чеховского юмора” пустить “Пушкинский вечер”. Любовно с Юрием составляли программу...

Так я и знал!.. На столбе газета, а в ней на четвертой полосе: ОПЯТЬ ПУШКИН!

...Кончено. Все кончено! Вечера запретили...

...Идет жуткая осень. Хлещет косой дождь. Ума не приложу, что ж мы будем есть? Что есть-то мы будем?!

Голодный, поздним вечером иду в темноте по лужам. Все заколочено. На ногах обрывки носков и рваные ботинки. Неба нет. Вместо него висит огромная портянка...

Я с ума схожу, что ли?! Тень от фонаря побежала. Знаю: моя тень. Но она в цилиндре. На голове у меня кепка. Цилиндр мой я с голодухи на базар снёс... Но сердце и мозг не понесу на базар, хоть издохну. Отчаяние. Над головой портянка, в сердце черная мышь... Я голодаю...»

Михаил Булгаков. «Записки на манжетах»

95.—96. Борис Пильняк. Уничтожен сталинским режимом.

«— Сто тысяч... У меня сто тысяч!.. Я их заработал!

Помощник присяжного поверенного, из туземцев, научил меня... пьесу нужно написать. Из туземной жизни. Революционную. Продадим ее...

Через семь дней трехактная пьеса была готова... Что-то тупое и наглое глядело из каждой строчки этого коллективного творчества...

В туземном подотделе пьеса произвела фурор. Ее немедленно купили за 200 тысяч. И через две недели она шла...

... Бежать! Бежать! На 100 тысяч можно выехать отсюда. Вперед. К морю. Через море и море и Францию — сушу — в Париж!...

97.—98.

97.—98. Тот же Сережа Бобров прислал мне работу своего друга — замечательного владикавказского художника Геннадия Абрамова, запечатлевшего Михаила Булгакова с его соавтором Таджуддином Махмудовичем Пензулаевым на фоне Столовой горы. Об их совместном сочинительстве пьесы на местную «туземную тему» рассказано в «Записках на манжетах».

99.

100.

99. Афиша спектаклей
Владикавказского советского театра.
Забавное совпадение: впереди —
«Пламя», позади — «Красноармейцы»,
а посередине — «Самооборона»!

100. Батум, мысли об эмиграции. Но
судьба распорядилась по-иному...

60

Сгинул город у подножия гор. Будь ты проклят... Цихидзири. Махинджаури. Зеленый Мыс! Магнолии цветут. Белые цветы величиной с тарелку. Бананы. Пальмы!

Куда я еду? Куда? На мне последняя моя рубашка. На манжетах кривые буквы. А в сердце у меня иероглифы тяжкие. И лишь один из таинственных знаков я расшифровал. Он значит: горе мне! Кто растолкует мне остальные?..

...Через час я продал шинель на базаре. Вечером идет пароход. Он не хотел меня пускать. Понимаете? Не хотел пускать!..

Довольно! Пусть светит Золотой Рог. Я не доберусь до него. Запас сил имеет предел. Их больше нет. Я голоден, я сломлен! В мозгу у меня нет крови. Я слаб и боязлив. Но здесь я больше не останусь. Раз так... значит... значит.....Домой. По морю. Потом в теплушке. Не хватит денег — пешком. Но домой. Жизнь погублена. Домой!..

В Москву! В Москву!..»

Михаил Булгаков.
«Записки на манжетах»

101. «В Москву! В Москву!»

Глава 15. «ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТАХ». МОСКВА

102. Михаил Булгаков. Начало 1920-х годов.

«...Бездонная тьма. Лязг. Грохот. Еще катят колеса, но вот тише, тише. И стали. Конец. Самый настоящий, всем концам конце. Больше ехать некуда. Это — Москва. М-о-с-к-в-а...

В сущности говоря, я не знаю, почему я пересек всю Москву и направился именно в это колоссальное здание... Открыл одну дверь — ванная. А на другой двери — маленький клочок. Прибит косо, и край завернулся. Ли... А, слава богу. Да, Лито...

Потухшим взором я обвел лица, затем стены... Как-то косноязычно: — Это... Лито? — Да. Наз. секр. Господи! Лито. В Москве. Максим Горький... На дне. Шехерезада... Мать...

...Получив комнату, я почувствовал, что в меня влилась жизнь.

В Лито ввинтили лампу. Достал ленту для машины... Из провинции начали присылать рукописи...

...Что-то грозное начинает нависать в воздухе. У меня уже образовалось чутье. Под нашим Лито что-то начинает трещать... в дверь просунулась бабья голова в платке и буркнула: “Которые тут? Распишитесь”. Я расписался. В бумаге было: с такого-то числа Лито ликвидируется... Как капитан с корабля, я сошел последним... Потушил лампу собственноручно и вышел. И немедленно с неба повалил снег. Затем дождь. Затем не снег и не дождь, а так что-то лепило в лицо со всех сторон. В дни сокращений и такой погоды Москва ужасна. Да-с, это было сокращение...»

Михаил Булгаков. «Записки на манжетах»

103,

104.

103, 104. Москва того периода. НЭП.
Сухаревский рынок — знаменитая
Сухаревка...

«...Для того чтобы писать по ночам, нужно иметь возможность существовать днем. Как я существовал в течение времени с 1921 года по 1923-й, я Вам писать не стану. Во-первых, Вы не поверите, во-вторых, это к делу не относится. Но к 1923 году я возможность жить уже добыл... И тут произошел договор. Меня переводили на жалованье выше того, чем у обработчика, а я за это обязывался написать восемь небольших фельетонов в месяц. Так дело и пошло. И стал я писать...»

Михаил Булгаков. «Тайному другу»

В первые же дни после приезда в Москву Булгакову повезло — он устроился на работу в ЛИТО, о чем мы уже узнали из «Записок на манжетах», но... что это было за «везение», видно из его писем конца 1921 и начала 1922 года.

105.

106.

107.

105. Бородинский мост.

106. Мелкая торговля на Страстной площади.

107. Дом страхового общества «Россия» между Мясницкими и Сретенскими воротами. Здесь помещалось ЛИТО.

Сестре Наде — 23.10.21.

«...Игривый тон моего письма объясняется желанием заглушить тот ужас, который я испытываю при мысли о наступающей зиме... Может, помер, а может, и нет. Работы у меня гибель. Толку от нее пока немного. Но, может, дальше будет лучше... Уж очень устал. Бегаешь, как собака, а питаешься только картошкой...»

Матери В.М. Булгаковой-Воскресенской — 17.11.21.

«...Коротко могу сказать, что идет бешеная борьба за существование и приспособление к новым условиям жизни... Работать приходится не просто, а с остервенением. С утра до вечера, и так каждый без перерыва день. Идет полное сворачивание советских учреждений и сокращение штатов. Мое учреждение тоже попадает под него и, по-видимому, доживает последние дни. Так что я без места буду в скором времени... Конечно, при той иссушающей работе, которую я веду, мне никогда не удастся написать ничего путного, но дорога хоть мечта и работа над ней...»

108. Дворец труда — здесь находилась редакция газеты «Гудок» и множество других изданий и учреждений. Это здание описано у И. Ильфа и Е. Петрова в романе «Двенадцать стульев» — эпизод погони вдовы Грицацуевой за Остапом Бендером...

109. Михаил Афанасьевич и Татьяна Николаевна Булгаковы в своей комнате на Б. Садовой. Единственная известная ныне фотография, где они сняты вдвоем. На столе «груда листов» — по-видимому, рукописи «Белой гвардии». Фотография разыскана в архиве Булгакова, была повреждена до такой степени, что никто не обращал на нее внимания, и потребовалась большая реставрационная работа, чтобы вернуть ее к жизни...

ЛИТО, как нам известно, закрыли. Пришлось искать способы добычи пропитания...

Из дневника Михаила Булгакова:

«26.1.22. Вошел в бродячий коллектив актеров; буду играть на окраинах. Плата 125 за спектакль. Убийственно мало. Конечно, из-за этих спектаклей писать будет некогда, заколдованный круг... Питаемся с женой впроголодь».

«9.2.22. Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой голодаем... Валенки рассыпались...»

Не следует забывать, что Булгаков попал в Москву не юношей, начинающим жизненный путь, а уже тридцатилетним сложившимся человеком, к тому же семейным. Выручает упорство характера и огромная работоспособность — он поступает литературным сотрудником в газету «Гудок» и одновременно начинает сотрудничать в берлинской русской газете «Накануне», отделение которой в это время открывается в Москве — один за другим он шлет в Берлин свои очерки, фельетоны, которые там охотно печатают. В июле 1923 года он записывает в своем дневнике: *«Жизнь идет по-прежнему сумбурная, быстрая, кошмарная... “Гудок” два дня как перешел на Солянку во “Дворец труда”, и теперь днем я расстоянием отрезан от “Накануне” (до этого редакции этих газет располагались в десятке минут ходьбы друг от друга. — Ю.К.) «...Роман из-за “Гудка”, отнимающего лучшую часть дня, почти не подвигается».*

Роман, о котором здесь идет речь, — «Белая гвардия». Работа над ним осложняется и еще одним обстоятельством — ужасными квартирными условиями. Обратимся к его переписке еще раз и посмотрим, что говорит об этом он сам: *«...Самый ужасный вопрос в Москве — квартирный... Комната скверная, соседство*

110. Большая Садовая, 10. Здесь жил Булгаков первые годы по приезде в Москву.

тоже... Топить перестали в марте. Все переплеты покрылись плесенью...»

Булгаков квартиру эту — коммунальную № 50 на Б. Садовой — люто ненавидел, отзвуки этого мы

встречаем и во многих произведениях. Вот что говорит лирический герой его неоконченной, во многом автобиографичной повести «Тайному другу»: *«Я же лелеял одну мысль, как бы удрать из редакции домой, в комнату, которую я ненавидел всей душой, но где лежала груда листов...»*

«Уу, проклятая дыра!» — вспоминает мастер свою коммуналку («Мастер и Маргарита». — Ю. К.). Это ведь не важно, что говорит он о Мясницкой, — речь идет все о той же квартире № 50.

Но Булгаков не был бы Булгаковым, если бы, убоявшись всех препон, опустил руки: роман был написан и вскоре увидел свет — как раз в ту пору начал издаваться журнал «Россия», в первом номере которого и начала печататься «Белая гвардия». Но, увы, окончанию ее не суждено было появиться в этом журнале, второй его номер так и не вышел — он закрылся, как и многие другие его «сородичи»...

Булгакова заметили, о нем заговорили, его литературная карьера началась крупно и сразу. В сентябре 1923 года он записывает в своем дневнике: *«Среди моей хандры и тоски по прошлому иногда, как сейчас, в этой нелепой обстановке временной тесноты, в гнусной комнате гнусного дома, у меня бывают взрывы уверенности и силы. И сейчас я слышу в себе, как взмывает моя мысль, и верю, что я неизмеримо сильнее как писатель всех, кого я ни знаю. Но в таких условиях, как сейчас, я, возможно, пропаду...»* И месяцем позже еще одна запись, заслуживающая особого внимания: *«В минуты нездоровья и одиночества предаюсь печальным и завистливым мыслям. Горько раскаиваюсь, что бросил медицину и обрек себя на неверное существование. Но, видит Бог, одна только любовь к литературе и была причиной этого. Литература теперь — трудное дело. Мне с моими взглядами, волей-неволей выливающимися в произведениях, трудно печататься и жить...»*

111.

111. Портрет работы художника Куренного. 1923 г.

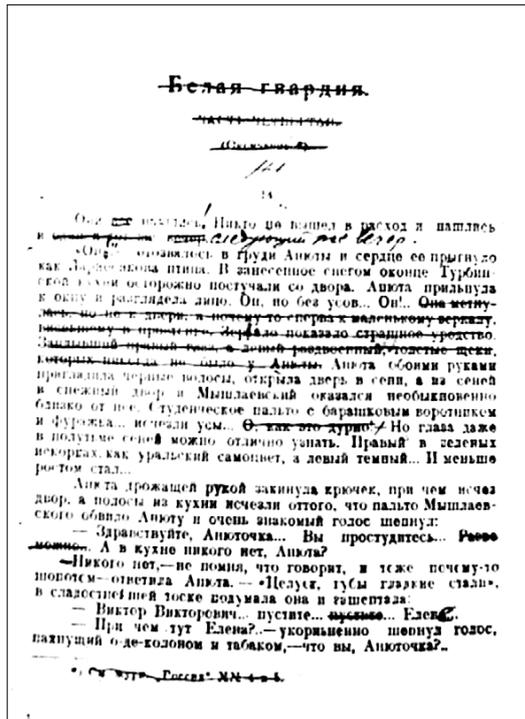
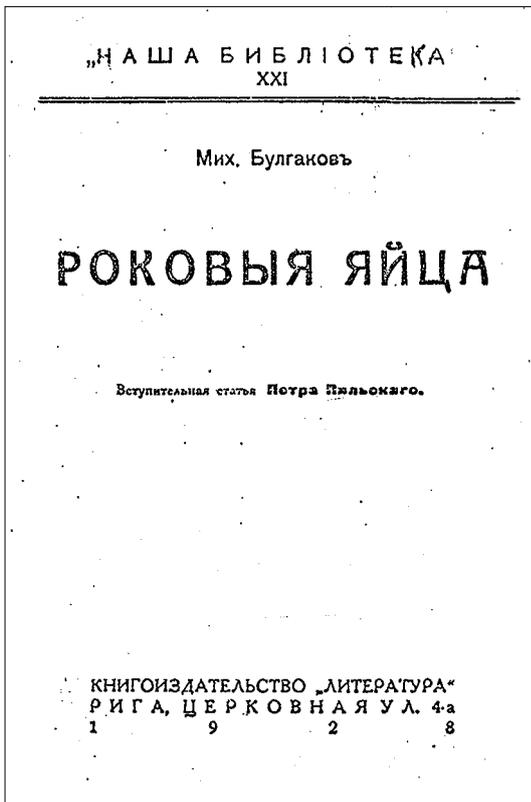
112. Монтаж по первому изданию «Белой гвардии» сделан, очевидно, самим писателем, назначение его неизвестно.

112.

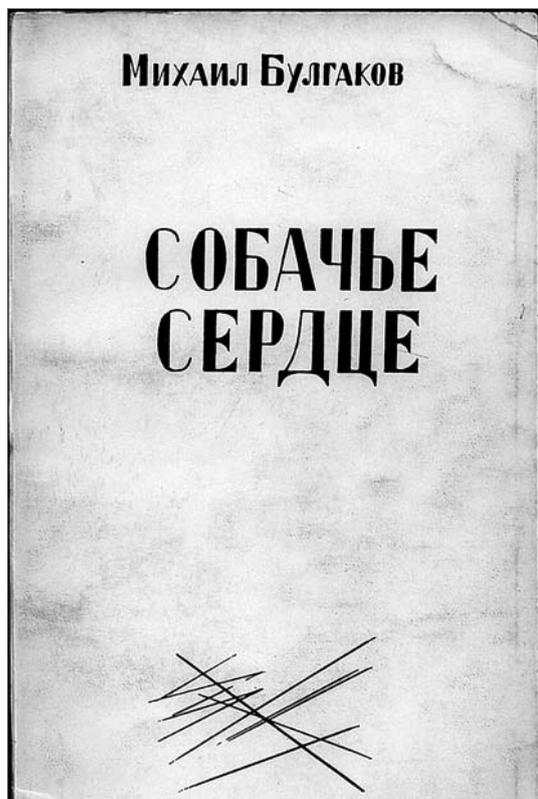
Какой точный анализ, какое ясное предвидение своей дальнейшей литературной судьбы.

113. Четвертая часть «Белой гвардии» — правка рукой автора.

113.

На фотографии под номером 86 вы видели Петра Пильского, автора предисловия к книге «Роковые яйца», теперь можете посмотреть и саму книгу, точнее ее титульный лист. В то время, когда Булгакова в России не публиковали, его произведения печатались за границей — Рига в ту пору была столицей буржуазной Латвии...

А это удивительное издание — «Собачье сердце» в «полной, искаженной редакции» — я купил в Хельсинки, в главном книжном магазине Стокмана, и только в Москве обнаружил, что в ней отсутствуют какие-либо выходные данные — ни даты, ни имени, ни местонахождения издательства не указано, и вообще ничего, кроме того, что автор обложки — Юрий Анненков. Написал письмо в этот магазин с вопросом — что, где, когда, — но они ответили, что понятия об этом не имеют... Конспирация! Только через несколько лет в результате «библиотечных раскопок» узнал, что это ремейк книги издательства «Посев»...

Глава 16. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА

114.—115. Афиша литературного диспута.

На афише этого литературного диспута, проходившего в Москве, в Колонном зале Дома союзов, не указан год, но, скорее всего, это 1926-й. Михаил Булгаков в это время входит в первый ряд писателей России, об этом свидетельствует само перечисление участников диспута, многие из которых, во всяком случае те, чьи портреты тут представлены, стали известны и на родине, и за ее пределами, они были лучшими в той литературе, что именовалась советской, а теперь даже и непонятно, как ее именовать... Правильнее всего называть ее русской или отечественной литературой. Судьбы их были нелегкими, о Булгакове и Пастернаке — гонениях на них — широко известно, а Исаак Бабель пал жертвой сталинских репрессий и погиб в застенках НКВД...

На этот ленинградский литературный вечер был приглашен и Булгаков, что свидетельствует о том, что он становится писателем уже не только московским, но и всесоюзным. На афише рядом с его именем (никто другой этого не удостоен был) указано: «Прибывший из Москвы... автор сборника «Дьяволиада» и романа «Белая гвардия»». Еще не загремел громкой славой мхатовский спектакль «Белая гвардия», переименованный в «Дни Турби-

116.—117.

118.

119.

ных», еще впереди радости и беды, а последних хватало не только ему, но и большинству писателей, пытавшихся говорить правду. Этот партийно-государственный принцип — держать творческую интеллигенцию за горло — существовал и при Сталине, и многие годы после него. Из пяти писателей, чьи портреты вы здесь видите, благополучно приспособился к режиму, служа ему, только один Алексей Толстой. Михаила Зощенко затравили, намного укоротив его жизнь, Евгений Замятин был вынужден эмигрировать и умер в Париже, Лидия Сейфуллина спилась и умерла, Анна Ахматова выдержала все издевательства — расстрел первого мужа, аресты сына и второго мужа, травлю в печати и с трибун

120. 121.

116.—117. Исаак Бабель.

118. Виктор Шкловский.

119. Всеволод Иванов.

120. Осип Брик.

121. Афиша большого литературно-художественного вечера, проходившего в зале Ленинградской филармонии 10 мая 1926 г.

122.

«высоких форумов», дожила до «оттепели» и до великой своей славы и почета (правда, неофициального), но жизнь, увы, уже утекла...

123.

125.

126.

124.

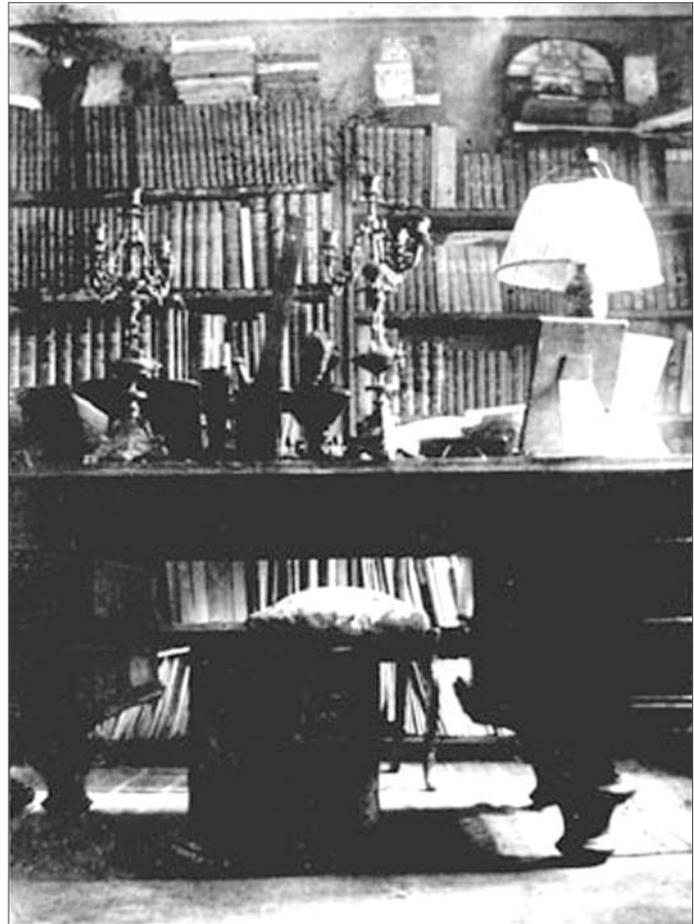
- 122. Анна Ахматова.
- 123. Алексей Толстой.
- 124. Михаил Зощенко.
- 125. Евгений Замятин.
- 126. Лидия Сейфуллина.

Глава 17. ОБРЕТЕНИЕ ДОМА

127.

«Михаил Афанасьевич... съездил на Большую Пироговскую, договорился с арендатором, вернее, с его женой, которая заправляла всеми делами. И вот надо переезжать... Устроились мы уютно. На окнах повесили старинные так называемые “турецкие шали”».

128.

127, 128. Любовь Белозерская стала второй женой Булгакова в 1924 году. Тогда же он впервые обрел свой дом — квартиру из трех комнат, маленькую, но отдельную.

129.

*Кабинет — царство Михаила Афанасьевича. Письменный стол (бес-
сменный “боевой товарищ”
в течение восьми с полови-
ной лет) повернут торцом
к окну. За ним, у стены,
книжные полки, выкра-
шенные темно-коричневой
краской. И книги: собрания
русских классиков — Пуш-
кин, Лермонтов, Некрасов,*

*обожаемый Гоголь, Лев Толстой, Алексей Константинович Толстой, До-
стоевский, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Лесков, Гончаров, Чехов. Были,
конечно, и другие русские писатели, но просто сейчас не припомню всех.
Две энциклопедии — Брокгауза-Ефрона и Большая Советская под редак-
цией О.Ю. Шмидта, первый том которой вышел в 1926 году, а восьмой,
где так небрежно написано о творчестве М.А. Булгакова и так неправди-
во освещена его биография, в 1927 году.*

*Книги — его слабость. На одной из полок — предупреждение: “Прось-
ба книг не брать”...*

*Мольер, Анатоль Франс, Золя, Стендаль, Гете, Шиллер... Несколько
комплектов “Исторического вестника” разной датировки. На ниж-
них полках — журналы, газетные вырезки, альбомы с многочисленными
ругательными отзывами, Библия.*

*1929 год. Пишется пьеса “Мольер”. Действует все тот же неуби-
тый или еще недобитый творческий инстинкт. Перезожаю с французско-
го биографии Мольера. Помню длинное торжественное стихотворение,
где творчество его отождествляется с силами и красотой природы...*

*М.А. ходит по кабинету, диктует текст, играя попутно то или
иное действующее лицо. Это очень увлекательное действие.*

*Здесь же, на Большой Пироговской, был написан “Консультант с ко-
пытом” (первый вариант в 1928 году), легший в основу романа “Мастер
и Маргарита”...Начал Воланд также с Патриарших прудов, где не Ан-
нушка, а Пелагеюшка пролила на трамвайные рельсы роковое постное
масло. Сцена казни Иешуа была так же прекрасно-отточенно написана,
как и в дальнейших вариантах романа».*

Л. Белозерская-Булгакова. «О, мёд воспоминаний...»

Глава 18. ПЕРВЫЕ И ПОСЛЕДНИЕ ИЗДАНИЯ

130.

«Некоторые мои доброжелатели избрали довольно странный способ утешать меня. Я не раз слышал уже подозрительно елейные голоса: “Ничего, после вашей смерти всё будет напечатано!” Я им очень благодарен, конечно!»

Михаил Булгаков. Из письма П. Попову

«...Один человек с очень известной литературной фамилией и большими связями, говоря со мной по поводу другого моего литературного дела, сказал мне тоном полувверенности:

— У вас есть враг.

Тогда еще фраза эта заставила меня насторожиться... Есть десятки людей в Москве, которые со скрежетом зубным произносят мою фамилию. Но всё это в мире литературном или околотеатральном, всё это слабое, всё это дышит на ладан. Где-нибудь в источнике подлинной силы как и чем я мог нажать врага? И вдруг меня осенило! Я вспомнил фамилии! Это — А. Турбин, Кальсонер, Рокк и Хлудов (из “Бега”). Вот они мои враги! Недаром во время бессон-

130. Москва, Большой Гнездниковский переулок, справа — дом Нирензее, где помещалась редакция «Накануне». В повести «Дьяволиада» в это «ущелье» падает теряющий рассудок герой произведения... В этом же доме через несколько лет произойдет знакомство писателя с его будущей женой Еленой Сергеевной. Впрочем, будет существовать и еще один вариант этого знакомства...

131.

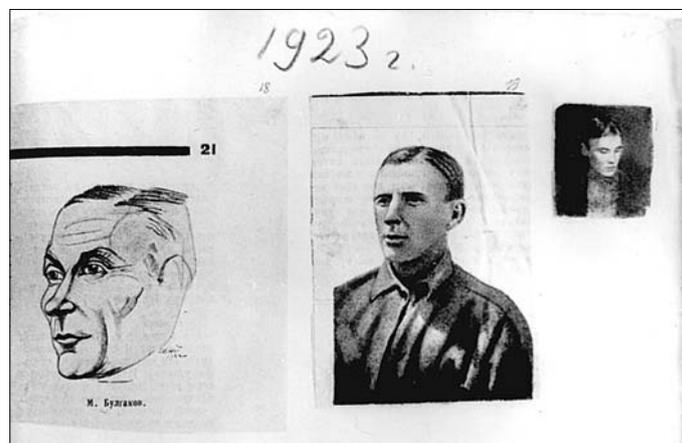
ниц приходят они ко мне и говорят со мной: "Ты нас породил, а мы тебе все пути преградим. Лежи, фантаст, с загражденными устами". Тогда выходит, что мой враг — я сам...»

Михаил Булгаков. Из письма В. Вересаеву

132.

131. Первые издания произведений Булгакова, которым суждено стать последними — с 1927 года и по 1940-й — тринадцать лет! — в России не будет опубликовано ни одного произведения писателя, да и после его смерти пройдет полвека, прежде чем читатели получат возможность познакомиться со всем литературным наследием великого Мастера.

132. Рисованные портреты, собранные писателем в альбоме с вклеенными погромными рецензиями и статьями...

Глава 19. ПРЕЧИСТЕНКА

133.

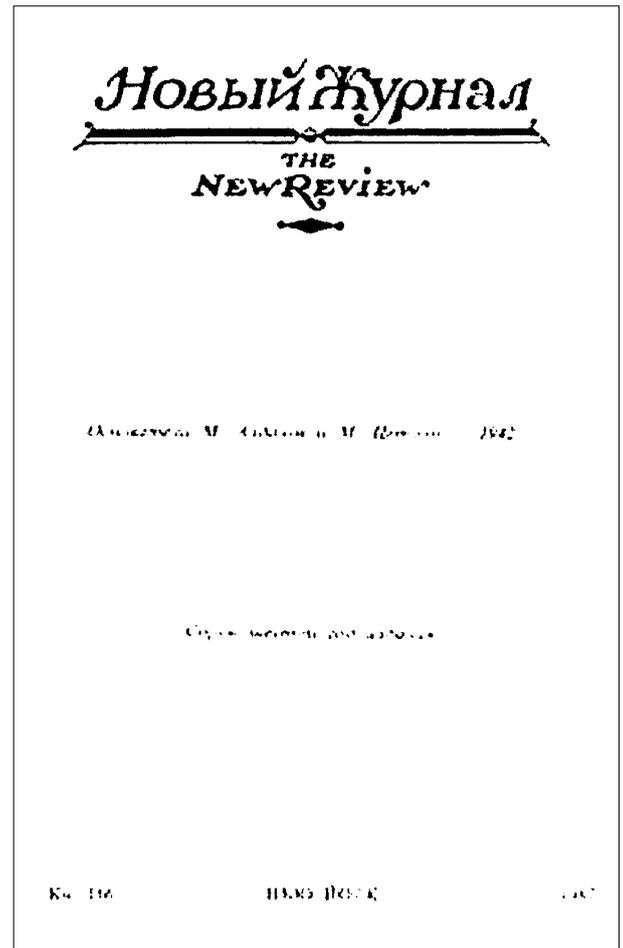
Пречистенка — это особое понятие, включающее в себя не столько одноименную улицу и прилегающие к ней переулки, сколько тех многочисленных представителей московской интеллигенции, что в силу каких-то особых причин селились здесь с давних пор. Некоторые из мемуаристов приписывают Булгакову нелюбовь к этим людям, стремление отмежеваться от них, что является неправдой: здесь жило множество друзей писателя, это была та среда, в которой он чувствовал себя как рыба в воде, не случайно же он читал в домах у этих людей свои новые произведения и всегда находил благодарных слушателей. Не будем разбирать, откуда пошло это «мемуарное поверие», — просто предостережем читателей от веры этим «воспоминателям». Булгаков и пречистенка — это особая тема, великолепно раскрытая ее знатком Наталией Шапошниковой в большой статье «Москва и москвичи вокруг Булгакова», опубликованной в «Новом журнале» (Нью-Йорк, 1987) и подписанной псевдонимом Н.Б. во избежание неприятностей у себя на родине.

133. Так выглядела Пречистенка в 1920—1930-е годы.

133а. Обложка «Нового журнала». Нью-Йорк, 1987 г.

134. Наталия Шапошникова.

135.

135. Булгаковский дворик.

136.

136. Писатель Сергей Сергеевич Заяцкий. В его квартире Михаил Булгаков читал начало «Белой гвардии» и там познакомился с супругами Ляминами, у которых проходили чтения в дальнейшем.

137.

137. Групповой портрет пречистенцев — плохо сохранившийся отпечаток. По всей видимости, снимал Булгаков — его место между Любовью Евгеньевной и Ляминим «вакантно», а «штатный» их фотограф — Наталия Ушакова — в кадре. Лямин же тут поразительно похож на Булгакова, вот только шевелюра отсутствует...

«Наш дом угловой по М. Левшинскому; другой своей стороной он выходит на Пречистенку... № 30. Помню надпись на воротах: “Свободенъ отъ постоя”, с твердыми знаками. Повяло такой стариной... Прелесть нашего жилья состояла в том, что все друзья жили в этом же районе. Стоило перебежать улицу, пройти по перпендикулярному переулку — и вот мы у Ляминых...

Еще ближе — в Мансуровском переулке — Сережа Топленинов, обаятельный и компанейский человек, на все руки мастер, гитарист и знаток старинных романсов...

Шагнуть через Остоженку — и вот они, чета Никитинских, кузина и кузен Коли Лямина...»

Л. Белозерская-Булгакова. «О, мёд воспоминаний...»

Глава 20. ОБРЕТЕНИЕ ДРУЗЕЙ

138.

Уже в начале своего московского периода Булгаков не чурается общения в литературных кругах: многие писатели тогда собирались где-нибудь на квартире и читали друг другу свои новые произведения, иногда они объединялись в кружки, а чаще просто собирались неорганизованно... Об одном таком судьбоносном чтении пишет в своих воспоминаниях Л. Белозерская-Булгакова:

«К 1925 году относится знакомство

139.

138. Наталья Абрамовна Ушакова-Лямина — художница и домашний фотограф.

139. Николай Николаевич Лямин — филолог, знаток западной литературы.

140.

140. Этот портрет, сделанный Натальей Ушаковой, очень нравился Булгакову — он усматривал нечто мистическое в «третьей руке», а это просто — написто «шевелёнка» при выдержке в секунду-две...

М.А., а затем и длительная дружба с Николаем Николаевичем Ляминим. Вот сборник “Дьяволиада” (“Недра”, 1925 г.) с трогательной надписью: “Настоящему моему лучшему другу Николаю Николаевичу Лямину. Михаил Булгаков, 1925 г., 18 июля, Москва”. Познакомились они у писателя Сергея Сергеевича Заяицкого, где Булгаков читал отрывки из “Белой гвар-

141.

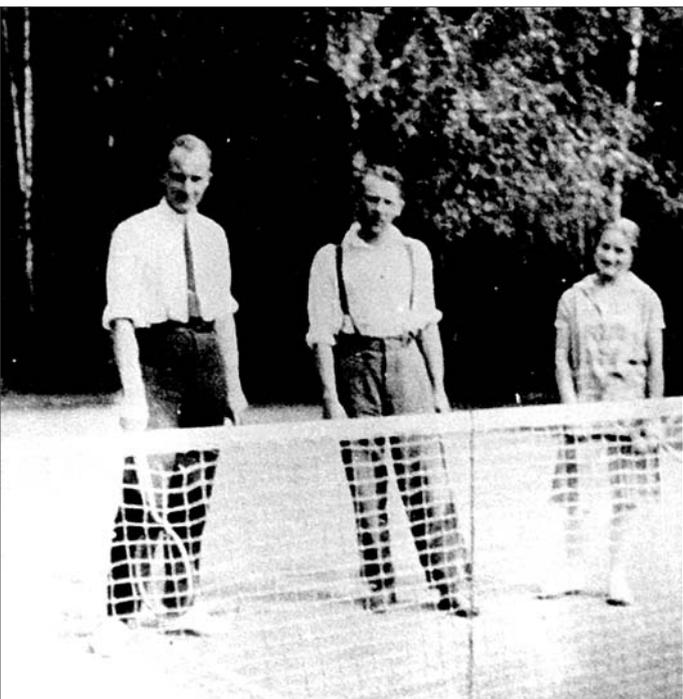
142.

143.

141. Семейное фото Ушаковых — будущая художница Наташа крайняя справа на руках у матери. Начало 1900-х... 142, 143, 144. На прогулке в Останкине — тогда пригород Москвы. 1926 год. Михаил и Любовь Булгаковы, Сергей Топленинов — в очках — и Николай Лямин — галстук-бабочка. Пятого члена компании мы не видим — это Наталия Ушакова, она по другую сторону фотоаппарата.

145.

стер и Маргарита”. Мне он сказал перед первым чтением, что слушать его будут люди “высокой квалификации” (я еще не была вхожа в этот дом). Такое выражение, совершенно несвойственное М.А., заставило меня особенно внимательно приглядываться к слушателям...»

Наталия Ушакова заслуживает этого небольшого экскурса в ее прошлое: вклад этой женщины в иконографию Михаила Булгакова больший, чем кого-

84 147.

146.

ди”. В дальнейшем всё или почти всё, что было им написано, он читал у Лямыных... “Белую гвардию” (в отрывках), “Роковые яйца”, “Собачье сердце”, “Зойкину квартиру”, “Багровый остров”, “Мольера”, “Консультанта с копытом”, легшего в основу романа “Ма-

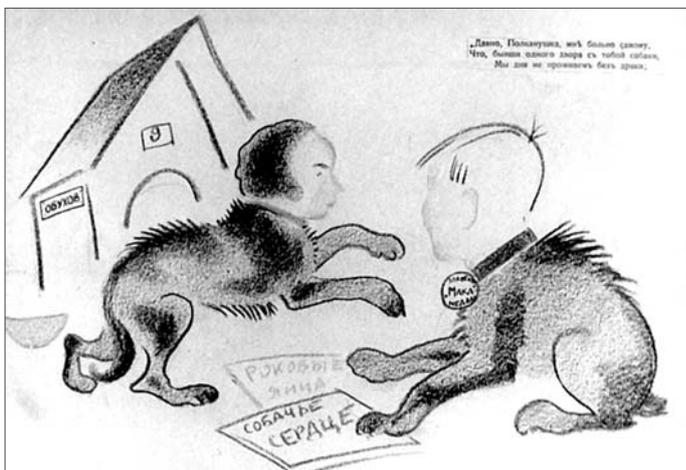
стер и Маргарита”. Мне он сказал перед первым чтением, что слушать его будут люди “высокой квалификации” (я еще не была вхожа в этот дом). Такое выражение, совершенно несвойственное М.А., заставило меня особенно внимательно приглядываться к слушателям...»

либо иного, — ею сделано очень много фотографий писателя и его окружения, причем практически все они на высоком профессиональном уровне, хотя она была просто фотолюбителем, правда, очень добротным. А рисунки ее можно увидеть, пролистав еще несколько страниц... Это были такие преданные друзья, что, когда спустя годы Михаил Афанасьевич расстанется с Любовью Евгеньевной, они и с ней сохранят дружбу — до последних своих дней — и также

145, 146, 147. На теннисном корте в Крюкове — по необъяснимому стечению обстоятельств Михаил Булгаков на всех снимках оказался центральной фигурой...

148. Постоянные партнеры Булгакова в шахматных баталиях — Лямин и Топленинов — на этот раз играют между собой, причем сами же за себя и «болеют». Фотошутка.

149—152.

149. Домашняя книжка «Мука-Маки».
150. Из альбома «Басни Крылова».
151. Иллюстрация к книжке Маяковского.
152. Михаил Булгаков несет дрова.

Рисунки Натальи Ушаковой

153.

была масса развлечений, но и тут Булгаков успевает сочетать отдых с литературным трудом — работает над пьесой «Зойкина квартира» для театра Вахтангова, актрисой которого в этом году стала младшая дочь Понсовых —

Елена. Кроме

постоянных дачников сюда на денек наезжали многие творческие люди, главным образом артисты МХАТа и вахтанговцы, включавшиеся в общую развлекательную стихию, где всюю фонтанировала булгаковская выдумка — равных ему в этом не было... Всем, кто бывал в тот год на этой даче, на всю жизнь запомнилась царившая здесь дружеская жизнерадостная атмосфера.

154.

155.

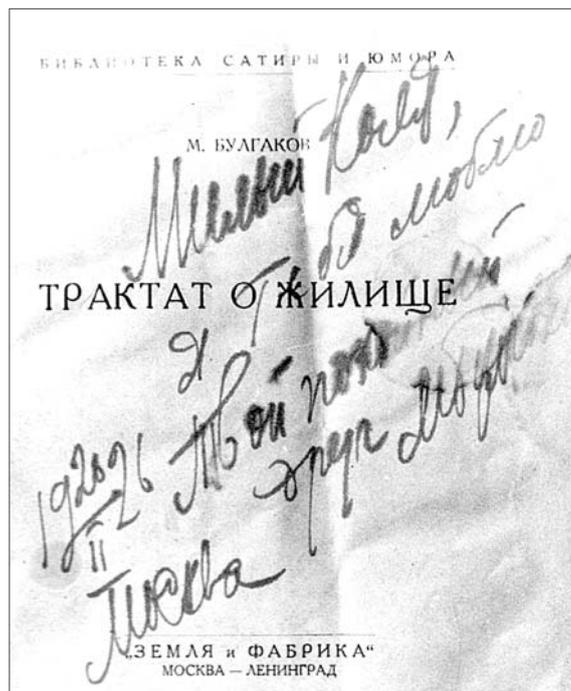
153, 154. Михаил Афанасьевич и Любовь Евгеньевна в компании друзей, в которой два фотографа, снимающие по очереди. Поэтому на одном снимке нет Бориса Шапошникова, а на другом — Наталии Ушаковой.

155. За этим столом под лампой, где мы видим супругов Ляминых, обычно восседал Михаил Булгаков, читающий свои новые произведения, зачастую еще незаконченные — в отрывках.

Это была компания веселых творческих людей, кроме литературных чтений они выпускали смешные домашние книжки и альбомы, рисовали в них обычно Наталия Ушакова и Сергей Топленинов. Вот что пишет об этом в своих воспоминаниях Л. Белозерская-Булгакова:

156. Дарственная надпись Николаю Лямину на книгу «Трактат о жилище»: «Милый Коля, я тебя люблю. Твой покойный друг М. Булгаков. 20 февраля, 1926. Москва». Слово «покойный» имеет какой-то особый смысл в данном контексте, но какой — остается тайной друзей.

157. Дом № 12 по Савельевскому переулку, примыкающему к Остоженке, где жили Лямины. При первой встрече с Лидией Яновской я ей сказал, что знаю, куда, в какую коммуналку попадает Иванушка Бездомный во время погони за Воландом и его свитой, и назвал дом № 7 по Савельевскому переулку — и квартиру, в которой жил профессор западной литературы Константин Локс. «Переулок точно тот, — удивилась Яновская, — а вот дом другой...» — и дала мне координаты Наталии Ушаковой, с которой я вскоре познакомился и подружился...

156.

157.

158.

были рассматривать его как признак ниспровержения революции. В это же время мы оба попали в детскую книжку Маяковского «История Власа, лентяя и лоботряса» в иллюстрациях той же Н.А.Ушаковой. Полюбуйтесь: вот мы какие, родители Власа. М.А. ворчал, что некрасивый».

Как уже говорилось, после знакомства с Ляминными Булгаков стал читать свои произведения у них дома. Но этот период для него связан и с литературным кружком «Зеленая лампа». Это был своеобразный литературный

158. Комната Ляминных, овеянная легендами... Это всё, что осталось у Николая Николаевича после того, как его «уплотнили», лишив большой и удобной квартиры.

88

159. Наталия Ушакова и Любовь Булгакова. Середина 1920-х гг.

159.

«На обложке книги “Мука-Маки” изображен Михаил Афанасьевич в трансе: кошки мешают ему творить. Он сочиняет “Багровый остров”. А вот еще там же один маленький портрет Михаила Афанасьевича. Он в пальто, в шляпе, с охажкой дров (у нас печное отопление), но зато в монокле. Понятно, что карикатура высмеивает это его увлечение. Ох, уж этот монокль! Зачастую он вызывал озлобление, и некоторые склонны даже

салон, имевший свое местонахождение в квартире Лидии Васильевны Кирьяковой, литератора, работавшей в ряде солидных издательств. В 1927 году она была арестована по обвинению «в организации антисоветской группировки с целью антисоветской пропаганды». ОГПУ явно старалось раздуть громкое «дело» на пустом месте. На допросе Л. Кирьякова заявила: *«Наш литературный кружок назывался “Зеленая лампа”. Вступительных взносов не существовало... “Зеленая лампа” нигде зарегистрирована не была, устава не имела... я не придавала значения собранию “Зеленой лампы” как кружку и смотрела на него как на собрание знакомых... На политические темы разговоров никогда не велось, и текущие события обсуждению и критике не подвергались».*

160.

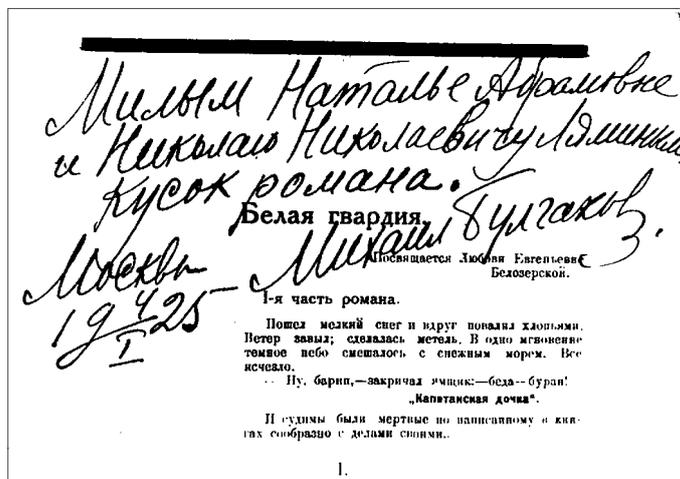
На Булгакова, как, впрочем, и на всех других известных писателей, и не только писателей, ОГПУ вело свои «досье». В связи с «делом» «Зеленой лампы» в его досье была занесена и такая запись: *«В 1925 году Булгаков вошел в антисоветскую нелегальную литературную группу “Зеленая лампа”, основное ядро которой состояло из бывших общественно-политических деятелей при Колчаке, и состоял в этой группе до ее ликвидации в 1927 году».*

161.

Когда в 1926 году Михаил Булгаков был вызван в ОГПУ, задавали ему вопросы и о «Зеленой лампе». Он

160. Михаил Булгаков. Рисунок художницы И. Колесовой. Сангина. 1926 г.

161. Дарственная надпись Ляминам.

не отрицал, что читал там и в других литературных собраниях повесть «Собачье сердце», не являющуюся ни антисоветским, ни вообще политическим сочинением. В том же году к нему домой нагрянули с обыском, в результате которого изъяли и саму эту повесть, и его личные дневники. Остается загадкой, почему всё это ему со временем вернули, а не уничтожили, по своему обыкновению. Сейчас многие материалы ОГПУ, касающиеся Булгакова, опубликованы в широкой печати и стали достоянием общественности... Но это сейчас, а в те годы Булгаков писал В. Вересаеву: *«...Имеются в Москве две теории. По первой (у нее многочисленные сторонники), я нахожусь под непрерывным и внимательнейшим наблюдением, при коем учитывается всякая моя строчка, мысль, фраза, шаг. Теория лестная, но, увы, имеющая крупнейший недостаток. Так, на мой вопрос: “А зачем же, ежели всё это так важно и интересно, мне писать не дают?” — от обывателей московских вышла такая резолюция: “Вот тут-то самое и есть. Пишите Вы Бог знает что и поэтому должны перегореть в горниле лишений и неприятностей, а когда окончательно перегорите, тут-то и выйдет из-под Вашего пера хвала”»*...

Глава 21. ДРУГ, ЖЕНА, ПОМОЩНИК

«Как-то Анна Петровна Остроумова-Лебедева выразила желание написать акварельный портрет М. А.

Он позирует ей в той же шапочке с голубой оторочкой, на которой нашиты коктебельские камешки. Помнится, портрет тогда мне нравился.

В 1968 году мне довелось увидеть его после перерыва в несколько десятиле-

162.

163.

тий, и я удивилась, как мог он мне так нравиться! Не раз во время сеансов Анна Петровна — хорошая рассказчица — вспоминала поэта Брюсова. Он говорил ей о том, что, изучая оккультные науки, он приот-

162. Михаил Булгаков. Акварель. Работа художницы А.Остроумовой-Лебедевой.

163. Машинопись «Собачьего сердца», побывавшая в ГПУ.

164. Л. Белозерская-Булгакова.
«О, мёд воспоминаний...»

крыл завесу потустороннего мира и проник в его глубины. Но горе непосвященным, возвещал он, кто без подготовки дерзнет посягнуть на эти глубины... Признаюсь, я не без придыхания слушала Анну Петровну. М.А. помалкивал. А вот сегодня, в 1968 году, я держу в руках книгу Эренбурга "Люди, годы, жизнь" и читаю: "Окруженный поэтами, охваченными мистическими настроениями, он (Брюсов. — Л. Б.) начал изучать "окультурные науки", знал все особенности инкубов и суккубов, заклинания, средневековую ворожбу". И те далекие беседы во время сеансов обретают иную окраску и иное звучание».

«На большом подъеме в эти годы была написана пьеса "Бег" (1928 г.), которую совершенно произвольно наши литературоведы называют продолжением "Дней Турбиных". Сам Михаил Афанасьевич никогда не рассматривал ее как продолжение "Дней Турбиных". Хотя пьеса была посвящена основным исполнителям "Турбиных" и ему мечталось увидеть их на сцене в "Беге", все же драматургическое звучание этой вещи совершенно иное, камертон дан на иной отправной ноте. Хватка драматурга окрепла, вкус установился, диапазон писателя расширился, и его изобразительная палитра расцвела новыми красками. В "Днях Турбиных" показано начало Белого движения, в "Беге" — конец. Таким образом, вторая пьеса продолжает первую только по времени. Впрочем, в мою задачу не входит полемика с теми, кто думает иначе. "Бег" — моя люби-

Бессмертье — тихий, светлый брег;
Наш путь — к нему стремление.
Покойся, кто свой кончил бег!..

Жуковский

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Серафима Владимировна Корзухина — молодая петербургская дама.
Сергей Павлович Голубков — сын профессора-идеалиста из Петербурга.
Африкан — архиепископ симферопольский и карасубазарский, архиепископ именованного воинства, он же химик Махров.
Пансий — монах.
Дряхлый игумен.
Баев — командир полка в Конармии Буденного.
Буденовец.
Григорий Лукьянович Чарнота — заложник по происхождению, кавалерист, генерал-майор в армии белых.
Барабанчикова — дама, существующая исключительно в воображении генерала Чарноты.
Люська — походная жена генерала Чарноты.
Крапилин — вестовой Чарноты, человек, погибший из-за своего красноречия.
Де Бризар — командир гусарского полка у белых.
Роман Валерьянович Хлудов.
Голован — есаул, адъютант Хлудова.
Командант станции.
Начальник станции.
Николаевна — жена начальника станции.
Олька — дочь начальника станции, 4-х лет.
Парамон Ильич Корзухин — муж Серафимы.
Тихий — начальник контрразведки.
Скунский } служащие в контрразведке.
Гурий }
Белый главнокомандующий.
Личико в кассе.
Артур Артурович — тараканий царь.
Фигура в котелке и в интендантских погонах.

125

мая пьеса, и я считаю ее пьесой необыкновенной силы, самой значительной и интересной из всех драматургических произведений писателя Булгакова.

К сожалению, я сейчас не вспомню, какими военными источниками кроме воспоминаний генерала Слащова пользовался М. А., работая над «Бегом». Помню, что на одной из карт были изображены все военные передвижения красных и белых войск и показаны, как это и полагается на военных картах, мельчайшие населенные пункты.

Карту мы раскладывали и, сверяя ее с текстом книги, прочерчивали путь наступления красных и отступления белых, поэтому в пьесе так много подлинных названий, связанных с историческими боями и передвижениями войск: Перекоп, Сиваш, Чонгар, Курчулан, Алма-найка, Бабий Гай, Арабатская стрелка, Таганаш, Юшуть, Керман-Кемальчи...

165. «Бег» — разворот из книги «Михаил Булгаков. Пьесы».

Чтобы “надышаться” атмосферой Константинополя, в котором я прожила несколько месяцев, М.А. просил меня рассказывать о городе. Я рассказывала, а он как художник брал только самые яркие пятна, нужные ему для сценического изображения».

Л. Белозерская-Булгакова.
«О, мёд воспоминаний...»

1987 год. В конце жизни Л. Белозерская-Булгакова участвовала в составлении книги пьес, в которую вошел и «Бег», — в работе над ним она оказала писателю большую помощь много лет назад. Готовой книги она уже не увидела, не дожив до ее выхода нескольких месяцев...

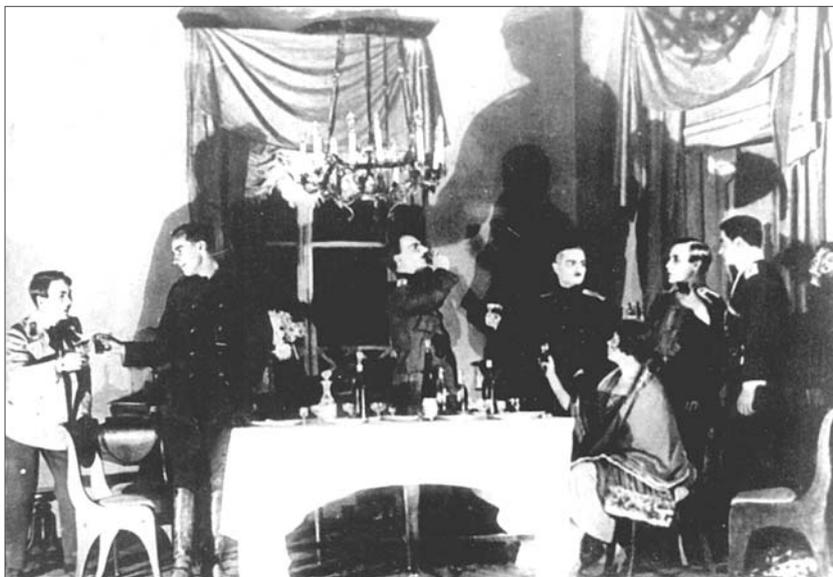
165. Любовь Евгеньевна в эти годы.

Глава 22. МХАТ. «ДНИ ТУРБИНЫХ»

«Булгаков был нужен театру не меньше, чем театр ему. И не было театра, которому бы он был так остро, так настоятельно необходим, как Художественному. В 1924 году МХАТ начал новый период своей истории. Его основной коллектив вернулся после двухлетних зарубежных гастролей и соединился с группой, остававшейся в России... Нужна была драматургия — новая, как жизнь, остросоциальная, как самое время, и добротная, как та драматургия, на которой сложился и вырос Художественный театр — театр Чехова и Горького... Драма называ-

166.

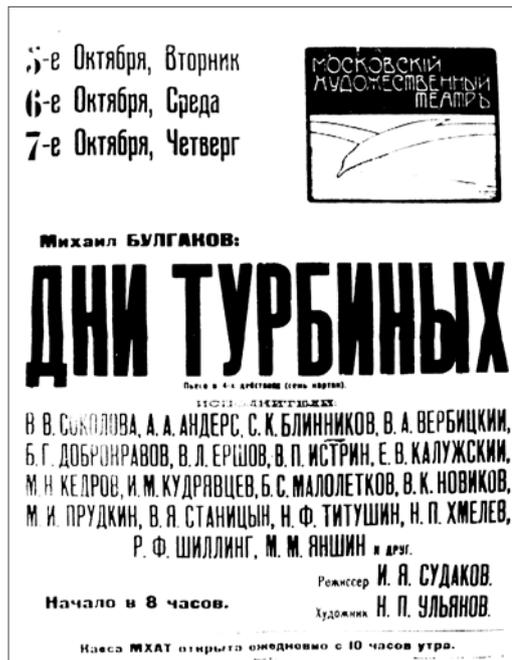
167.

166, 167. Сцены из спектакля.

168.

169

168. Эскиз декорации «Гимназия», сделанный Л. Белозерской-Булгаковой.

169. Премьерная афиша «Дней Турбиных».

лась «Белая гвардия», была автором датирована так: «Июнь — сентябрь 1925, Москва»... Даже первый вариант пьесы «Белая гвардия» собственно инсценировкой не был. Булгаков с самого начала строил другое — драматургическое — произведение, с совершенно новой — сценической — структурой... Репетиции были праздником творчества. Пьеса обкатывалась, шлифовалась на ходу... И вместе с пьесой складывались — выростали — замечательные актеры, будущее Художественного театра... Название пьесы Булгакова решили заменить. По требованию театра драматург представил несколько вариантов... Только в конце августа было принято новое название — «Дни Турбиных». И еще какое-то время указывалось в скобках: «Белая гвардия»... Главрепертком колебался: разрешать? не разрешать? Станиславский пришел за кулисы бледный, сказал: «Если не разрешат эту постановку, я уйду из театра»...

В конце сентября постановка была разрешена (с оговоркой: только для Художественного театра), и 5 октября 1926 года состоялась премьеры...»

В конце сентября постановка была разрешена (с оговоркой: только для Художественного театра), и 5 октября 1926 года состоялась премьеры...»

170. Монтаж на тему спектакля МХАТа «Дни Турбиных», опубликованный в журнале «Новый зритель» — фото-фельетон с враждебной интонацией. Одна из попыток опорочить спектакль. Заголовок вмонтированной статьи: «Против булгаковщины. Белая гвардия сквозь розовые очки».

Репертуар театров с 2 по 7 ноября

НАЗВАНИЕ ТЕАТРОВ	Вторник, 2 ноября	Среда, 3 ноября	Четверг, 4 ноября	Пятница, 5 ноября	Суббота, 6 ноября	Воскресенье, 7 ноября
Малый	Премьера! «Лето в разлуке»	Домашнее место	Горе от ума	Смерть Ивана Ильича	Лето в разлуке	
Им. Сафонова	Медвежья свадьба	Смерть Петра I	За океаном	Брат парижанина	Анна Кристи	Святая Кречинская
МХАТ 1	Дни Турбиных	Царь Федор	Дни Турбиных	Николай I и декабристы	Горькое сердце	
Малая сцена МХАТ	Продвижение славы	На великом суду	Дама-негодяйка	Продвижение славы	Евгений Петрович	Продвижение славы
МХАТ 2	Гамлет	Егоф-аска-тея дракман-чана	Укрощение строптивой	Сверчок на печи	В 1824 году	Эрик XIV
Государственная Музыкальная студия	Пушкинский спектакль	Периода	Пушкинский спектакль	Дочь Ано (бесслатный)	Периода	
Студия Малого театра	Положения Баллазинова	Кино-Роман	В глухом парижском доме	Положения Баллазинова		
Намерный	Саломея	Жирофе-Жирофа	Розента	Жирофе-Жирофа	Космата обезьяна	Розента
Имени В. З. Мейерхольда.	Воздушной роговосс		Лес		Рыча, Китай.	
ГОСЕТ	Спектакля нет	X заповедь	137 детских домов	3 изюминки	X заповедь (закрыт, спектакль)	200 тысяч
Студия им. Е. Б. Вахтангова	Зойкина квартира	Припещера Турандот	Зойкина квартира	Вириса (без слатки)	Марин де-Лор	
Театр Революции	Божья Криворыльская	Озеро Лав	Премьера «Жизнь и смерть»	Конец Криворыльской (без слатки)		
Театр им. М. Г. С. П. С.	Цемент	Овод	Цемент	1881 год	Шгорж (без слатки)	Шгорж
1 Рабочий театр Пролеткульта	—	—	Путь дороги	—	Путь дороги	
Театр Сатиры						
Театр Б. Корш	Матам Сан-Иен	Горючки славой	Премьера! Чудеса в решете	Слепая и канифоль (без слатки)	Матам Сан-Иен	
Семперантэ	Забавы короля	Поэтика м-ра Даун	Грибасы	Воронье гнездо	Поэтика м-ра Даун	Грибасы

**ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ
„ЖИЗНЬ ИСКУССТВА“**

170а. Репертуарная таблица, в которой присутствуют две пьесы Булгакова — «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира».

171.

“Дни Турбиных” с успехом шли во МХАТе, давая отличные сборы при постоянном аншлаге, но продолжалось это только до начала 1929 года. 2 февраля Сталин написал свой “знаменитый” ответ на письмо драматурга Билль-Белоцерковского, содержание которого нам до сих пор неизвестно, так как оно находится в архиве Сталина, до сих пор не рассекреченном. Но, судя по

ответу, это был политический донос, облаченный в благообразный наряд. И хотя ответ Сталина был

опубликован только двадцать лет спустя, те, “кому надо”, узнали его содержание своевременно, ибо уже через месяц было опубликовано постановление

Главреперткома (высшая театральная цензура) о снятии с репертуара всех пьес Булгакова. Об ответе Сталина мы поговорим через несколько страниц, а тут отметим, что для Булгакова это было тяжелейшим ударом. И только

173.

171. Н. Хмелев —
Алексей Турбин.

172. В. Соколова — Елена.

173. М. Прудкин —
Шервинский.

174. И. Кудрявцев —
Николка.

172.

174.

175.

176.

через три года “Дни Турбиных” были в экстренном порядке возобновлены — стоило только Сталину спросить: “А что это у вас “Дни Турбиных” не идут?” И на ответ, что они запрещены, возразить: “Вздор, хорошая пьеса, ее нужно ставить, ставьте...”»

177.

175. Б. Добронравов — Мышлаевский.

176. М. Яншин — Лариосик.

177. Фотография на память. Участники первых спектаклей. Первые исполнители ролей в «Днях Турбиных».

178.

В своем письме П. Попову 30 января 1932 года Булгаков пишет: «...в силу причин, которые мне неизвестны и в рассмотрение коих я войти не могу, Правительство СССР отдало по МХТ замечательное распоряжение пьесе «Дни Турбиных» возобновить. Для автора этой пьесы это значит, что ему — автору — возвращена часть его жизни. Вот и все». Известно, что Сталин побывал на «Днях Турбиных» пятнадцать раз (по другим источникам — 17)! Почему? Что он там для себя выискивал или хотел понять? Ответ на этот вопрос до сих пор не найден.

В судьбе этого спектакля есть нечто мистическое — до войны он прошел 987 раз, — то есть без 13 тысячу. 22 июня 1941 года вагоны с декорациями, костюмами и реквизитом сгорели в Минске, куда театр приехал на гастроли, при бомбежке товарной станции. После войны «Турбины...» были поставлены М. Яншиным — бывшим Лариосиком — в Театре имени Станиславского в 1954 году — через 13 лет! Пьеса живет и поныне. Только за рубежом она шла по всей Европе — в Париже, Ницце, Гааге, Мадриде, Праге, Берлине, Варшаве, Кракове, Лодзи, Белостоке, Вроцлаве, Лондоне, а также в США и Китае. Но эти сведения давние, теперь география этой и других булгаковских пьес многократно расширилась...

Глава 23. В ЛУЧАХ СЛАВЫ

179.

Обе эти фотографии очень известны, два портрета: один — с папиросой, другой — без оной и крупноплановый. Этот второй — «портрет с рассыпавшимися волосами», — столь любимый Еленой Сергеевной, женой писателя, его Маргаритой, был ей подарен Михаилом Афанасьевичем в весьма оригинальном обрамлении — он вклеил его в томик романа «Дни Турбиных» («Белая гвардия»), изданный в Париже издательством «Конкорд» в 1927 году. О первом было точно известно, что автор его — Роман Кармен, в ту пору фоторепортер «Огонька», и дата — 1926 год. Честно говоря, я не сразу сообразил, что и второй принадлежит «кисти» Кармена, и только спустя годы понял, что сделаны оба портрета в один и тот же день и час, и именно им. Определил это по почерку фотографа, по освещению, хотя резкая тень здесь не сразу бросается в глаза. А вот то, что это выкадровка, мне в голову не пришло, полагал, что портрет просто снят крупным планом. И только через десять лет фотография эта мне попалась целиком, правда, это была репродукция, притом весьма низкого качества. В результате этой находки подтвердилась — бесспорно — моя правота: достаточно лишь взглянуть на оба снимка, чтобы убедиться: это «близнецы-братья».

Любовь Евгеньевна Белозерская — в ту пору жена писателя — в своих воспоминаниях пишет: *«Одним из первых посетителей нашего нового дома был лучезарный юноша Роман Кармен, с матерью которого мы по-*

179, 180, 181. Михаил Булгаков.
16 октября 1926 г.

180.

181.

знакомились в Коктебеле. Он только что начинал свой творческий путь. Он, насколько мне помнится, снял М.А.».

Слова — «насколько мне помнится» — своеобразный кивок в сторону своего возраста, ведь воспоминания свои она писала спустя многие годы после того, как она рассталась с Булгаковым. В одной из наших бесед она подтвердила: да, эти портреты сделаны Римой Карменом (Рима — его «повседневное» имя, предназначенное, однако, только для своих). Позже я получил письмо от Лидии Яновской, в котором она сообщала: *«Юрий Михайлович! Разбирая свой бесконечный архив, в тетради записей бесед с Белозерской — очень старой тетради, вероятно, 1974 г. — нашла такое: “Фото с бабочкой и папирсой — 16. X. 1926 г.”. Это, конечно, запись со слов Л.Е. и относится к снимку Р. Кармена. Выходит, она датировала этот снимок с точностью до числа...»*

С Романом Карменом мне довелось познакомиться в ту пору, когда он уже занимал «недосягаемую высоту» в кинодокументалистике, — около сорока лет назад, и я, будучи фотолаборантом «Огонька», печатал фотографии для его книг и статей — и с «нормальных» негативов и со срезов киноплёнки. Может быть, и эти портреты печатал, не помню, ведь тогда о Булгакове мне было известно лишь то, что он автор пьесы «Дни Турбиных»...

Портреты эти сделаны в дни, когда на писателя обрушилась громкая слава: 5 октября — за несколько дней до этой съёмки — состоялась премьера «Дней

182. Роман Кармен. Середина 1920-х гг.

Турбиных» во МХАТе, на вы-
ходе была «Зойкина квартира»
в Вахтанговском... И смотрит
на нас с фотографий улыбаю-
щийся счастливый человек —
Художник, которого признали,
высоко оценив его творчество.
Мы видим Мастера, перед кото-
рым распахнулся мир и которо-
му есть еще много чего сказать
этому миру...

Но на страну уже над-
вигается «великий перелом»,
сломавший и саму страну,
и судьбу писателя, и мы никогда не увидим больше, чтобы он выглядел та-
ким победоносным и радостным, — ни на одной фотографии...

Глава 24. «ЗОЙКИНА КВАРТИРА» У ВАХТАНГОВА

183.

«В 1926 году Театр имени Вахтангова пригласил М.А. Булгакова для читки пьесы “Зойкина квартира”... Пьеса была необыкновенно талантлива. Великолепный диалог, искрящийся юмор, характеры, образы — это была настоящая сатирическая комедия... Мне очень хотелось сыграть Аметистова, но я знал, что Попов (режиссер) наметил на эту роль другого актера... И вот настал день заседания Художественного совета (я в заседании не принимал участия). Случилось так, что по окончании художественного совета я оказался в фойе театра. Ко мне подошел Михаил Афанасьевич Булгаков и сказал, что роль Аметистова поручена мне... “Я просил художественный совет, чтобы эту роль исполняли вы. Художественный совет и режиссер согласились со мной...”

Мне было двадцать шесть лет, и можно понять, как я был счастлив и как дорого для меня было доверие Булгакова...

...В разговоре с председателем домкома Аметистов, чтобы доказать, что он истинно советский человек, расстегивал френч, под которым была ярко-красная рубашка. Этот трюк всегда проходил под аплодисменты, а родился он неожиданно. Однажды костюмеры вместо синей рубашки, которую я всегда надевал под френч, принесли красную. На сцене я неожиданно вспомнил, что на мне красная рубашка... распахнул френч и выдернул ее как красный флаг... Самой же интересной и яркой сценой была, пожалуй, так называемая “сцена тоски” с графом Обольяниновым.

В последнем акте, мучаясь тревожными предчувствиями, сидели в гостиной два человека — граф Оболянинов и проходимец Аметистов. С графом Аметистов

184.

185.

183. Михаил Булгаков. 1926 г.

184. Афиша премьеры спектакля «Зойкина квартира».

185. Сцена из спектакля.

вел себя как дворянин, у которого советская власть отобрала имение (имения у Аметистова, конечно, никогда не было). Граф садился за пианино и пел романс: “Ты придешь ли ко мне, дорогая”. Музыцируя, граф неожиданно переходит на “Боже, царя храни”... Тогда Аметистов вскакивал верхом на пианино, как на лошадь, брал под козырек и, ощущая себя на параде в присутствии высочайшей особы, истошно патристическим голосом кричал: “Ура!!”... Михаил Афанасьевич принял и горячо похвалил Козловского и меня, считая, что мы до конца раскрыли авторский замысел».

Рубен Симонов. «Мои любимые роли»

186.

186. Эскиз С. Топленинова
к «Зойкиной квартире».

187. Сцена из спектакля.

188. Р. Симонов — Аметистов,
А. Козловский — Обольянинов.

187.

188.

Глава 25. «БАГРОВЫЙ ОСТРОВ» В КАМЕРНОМ ТЕАТРЕ

В 1928 году Александр Таиров поставил в своем театре «Багровый остров», спектакль получился веселый, искрометный, с прекрасной музыкой и необычными декорациями. Успех был полный, и, как водится, критика обрушила на театр и драматурга потоки грязи. И вскоре пьеса была снята, что неудивительно: занимательный сюжет только усиливал едкую сатиру на Главрепертком, а иначе говоря — на театральную цензуру.

В своем письме Правительству СССР М. Булгаков писал: *«Советская пресса, заступаясь за Главрепертком, написала, что “Багровый остров” — пасквиль на революцию... пасквиль на революцию, вследствие*

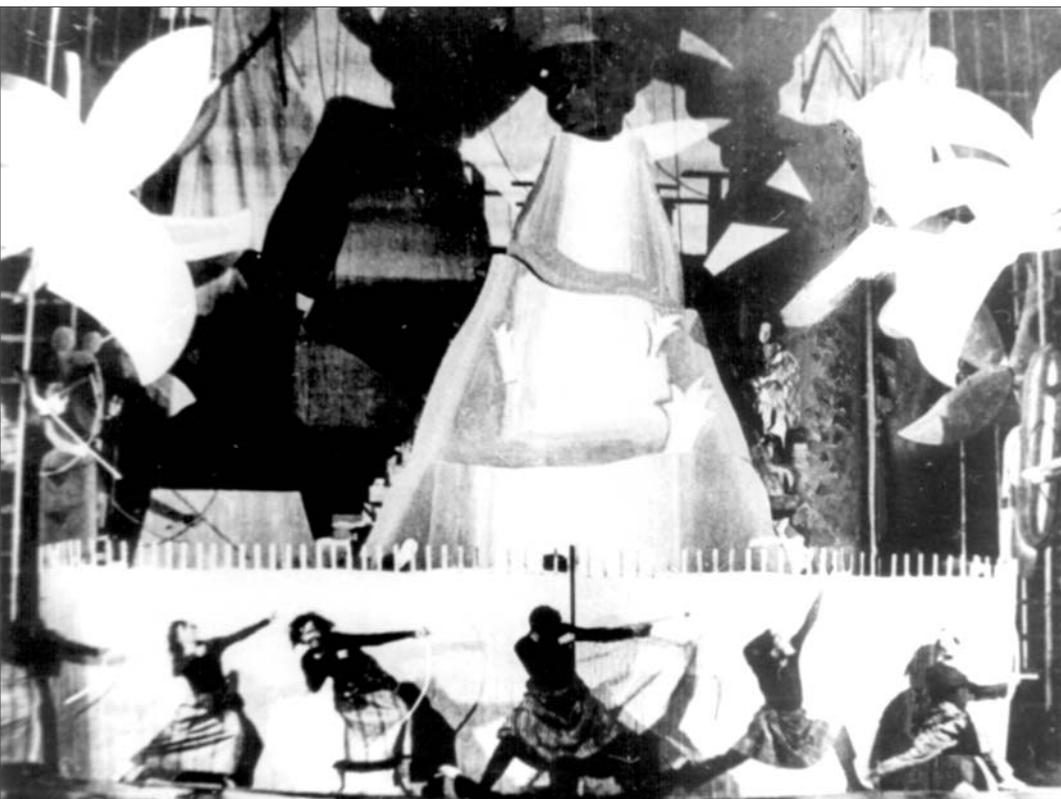
189. 190.

чрезвычайной грандиозности ее, написать НЕВОЗМОЖНО. Памфлет не есть пасквиль, а Главрепертком — не революция... Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существо-

189. Александр Таиров — художественный руководитель Камерного театра, режиссер-постановщик «Багрового острова».

190. Рецензия на спектакль — как всегда, недоброжелательная...

191.

вала, — мой писательский долг, так же как и призывы к свободе печати...»

191. Сцена из спектакля — атакуют красные арапы.

192. Михаил Булгаков работает над «Багровым островом». Шарж Наталии Ушаковой.

193. Вадим Рындин — художник, оформлявший

192.

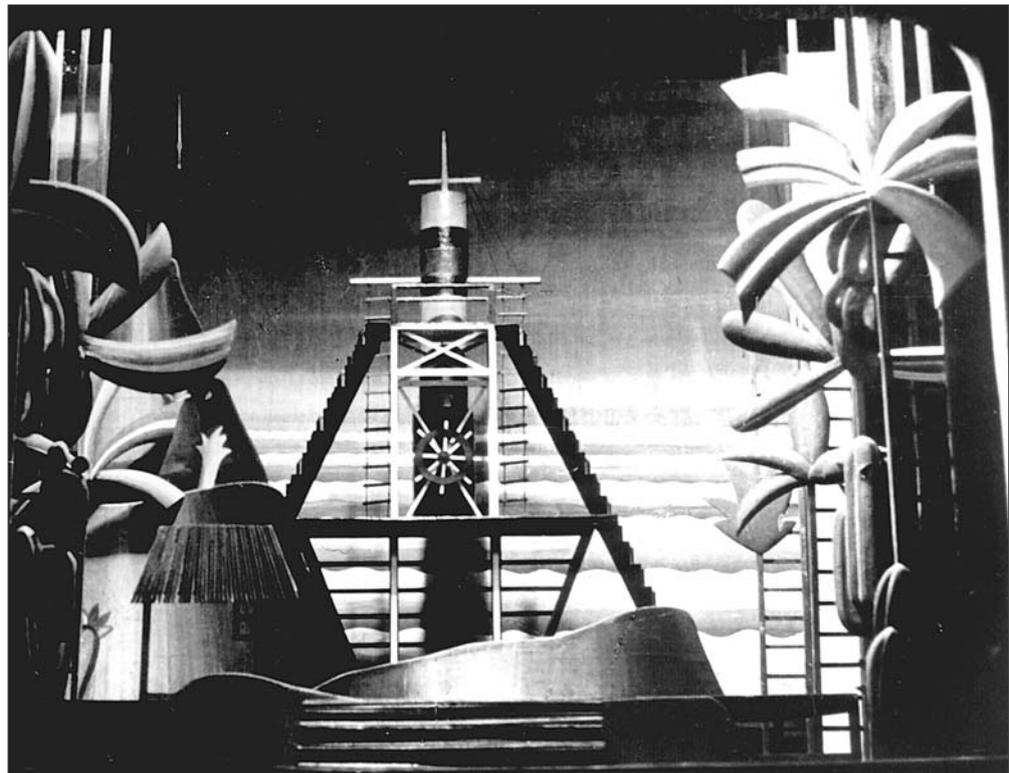

108

193.

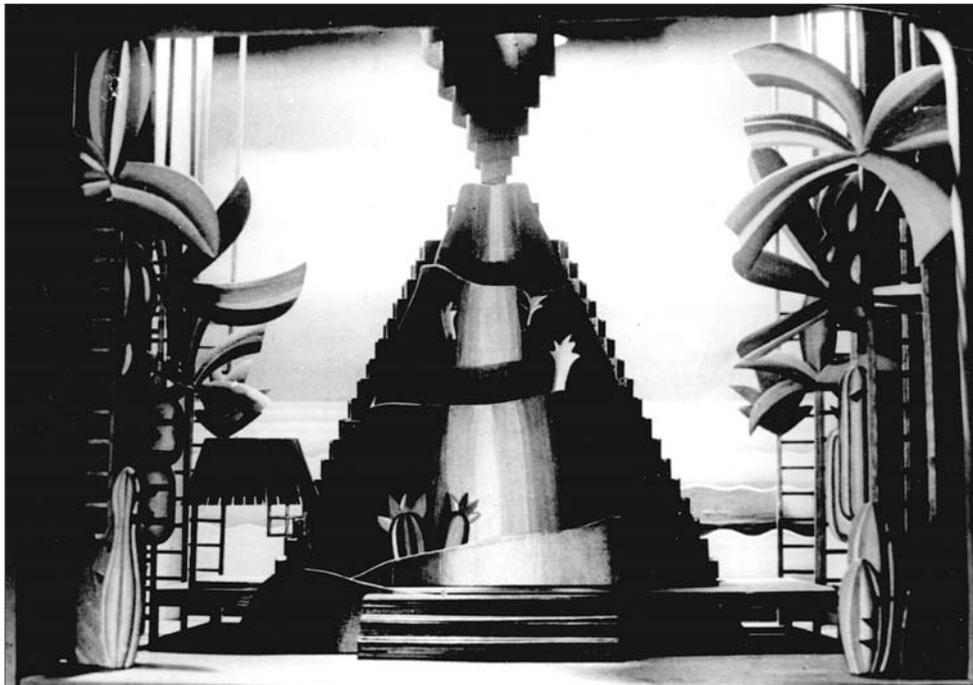

«Багровый остров».
194, 195. Декорации «Корабль»,
«Вулкан» — как, впрочем,
и остальные,
«Багровый остров». созданные
Рындиным, были не только
оригинальны, живописны
и остроумны, но и удивительно
точно передавали дух
булгаковской пьесы с ее
сарказмом, озорством, пародией
на экзотику и примитивное
понимание исторических
событий. И если пьеса и не была
пасквилем на революцию, то
пародией и даже карикатурой
на театральные порядки того
времени была безусловно...
И попутно на многие
литературные произведения,
в которых «партийность»,
«классовость» и упоение
революционной тематикой порой
доводились до полного абсурда.

194.

195.

Глава 26. КОРОТКИЕ ПЕРЕДЫШКИ

196. М. Булгаков и режиссер Л. Баратов на отдыхе. 1927 г. 197, 198, 199, 200. М. Булгаков во время отдыха на Кавказском побережье. Вторая половина 1920-х гг.

197.

196.

Известно, что работал Михаил Булгаков с огромной нагрузкой, хотя здоровье у него было далеко не богатырским. Практически всю жизнь кроме отдельных коротких периодов его основному литературному творчеству мешала мелкая рутинная работа, обеспечивающая (далеко не всегда в полной мере) пропитание его семье. Здесь мы видим его в те короткие передышки, когда он мог позволить себе поехать на Кавказ, где он любил отдыхать, в отличие от Крыма, к которому относился весьма скептически, хотя иногда бывал и там...

Представленные здесь снимки показывают писателя в наиболее благополучный пе-

198.

риод его жизни — он только что стал известным драматургом, смог оставить работу в «Гудке», избавиться от других обременительных обязанностей и почувствовать себя на время свободным человеком. Этот счастливый отрезок жизни, к сожалению, оказался слишком мал — менее трех лет...

199.

200.

Глава 27. ЛЮБОВЬ ЕВГЕНЬЕВНА

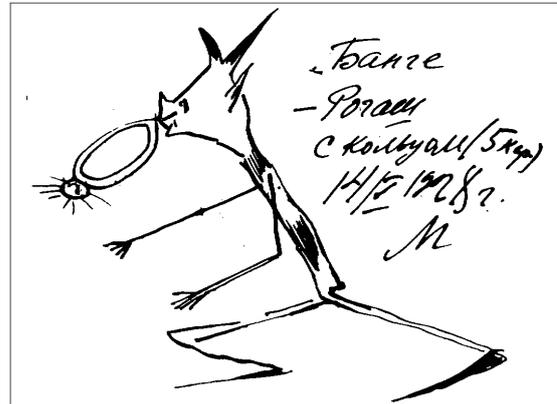

201.

201. Любовь Булгакова. 1920-е гг.

202. У Булгаковых был свой добрый семейный домовый по имени Рогаш. На шутовском рисунке, сделанном Михаилом Афанасьевичем, Рогаш несет кольцо с бриллиантом в 5 каратов, которое, к сожалению, существовало только в их воображении. Банге — это одно из домашних имен Любви Евгеньевны, возникшее из ряда трансформаций: Люба—Любанга—Банга. Впоследствии Булгаков присвоит кличку Банга — с ударением на последнем слоге — собаке Пилата — его верному телохранителю.

202.

203.

203. Одно из ее увлечений — конный спорт.

204.

205.

204. Любимый пес Бутон.

205. Он же, нарисованный Булгаковым. В скобках автор сообщает: «Не закончен — повернулся». Вообще-то Бутон — это имя слуги Мольера...

206. М.А. и Л.Е. Булгаковы на лыжной прогулке с артистами Художественного театра. 1928 г.

206.

207.

208.

207. Дружеский шарж неизвестного художника
«Мака (домашнее имя М. Булгакова) вспоминает коктейбельцев...»

208. Поэт Максимилиан Волошин.

«Этой зимой (1928 г.) мы ходили на лыжах с Художественным театром... Лучшее всех из нашей компании ходил на лыжах Иван Михайлович Кудрявцев (в “Турбинах” — Николка), как-то очень легко, невесомо, как “ангел по облакам”, по выражению Михаила Афанасьевича...»

Наступало лето, а куда ехать — неизвестно. В воздухе прямо носилось слово “Коктебель”: многие говорили о том, что поэт Максимилиан Волошин совершенно безвозмездно предоставил всё свое владение в Коктебеле в пользование писателей. Мы купили путеводитель по Крыму д-ра Саркисова-Серазини. О Коктебеле было сказано, что природа там крайне бедная, унылая. Прогулки совершать некуда. Даже за цветами любители ходят за много километров. Неприятность от пребывания в Коктебеле усугубляется еще тем, что здесь дуют постоянные ветры. Они действуют на психику угнетающе, и лица с неустойчивой нервной системой возвращаются после поездки в Кокте-

бель еще с более расстроенными нервами. Цитирую вольно, но в основном правдиво.

Мы с М.А. посмеялись над беспристрастностью д-ра Саркисова-Серазини. И несмотря на “напутствие” друга Коли Лямина, который говорил: “Ну, куда вы едете? Крым — это сплошная пошлость. Одни кипарисы чего стоят!”, мы решили: едем все-таки к Волошину. И вот через Феодосию — к конечной цели. В отдалении от моря — селение. На самом берегу — дом поэта Волошина. Яд волошинской любви к Коктебелю начал отравлять меня... Но М.А. оставался непоколебимо стойким в своем расположении к Крыму... И все-таки за восемь с лишним лет совместной жизни мы три раза ездили в Крым...»

Л. Белозерская-Булгакова. «О, мёд воспоминаний».

Глава 28. ПРОЗОРЛИВЫЙ ФОТОГРАФ

«Моисей Соломонович Наппельбаум был по профессии фотограф-художник. Так он сам себя называл... В поисках лучшей жизни он, оставив в Минске семью, уехал в Америку и прожил там несколько лет. Но Америка ему не понравилась, и перед самой войной он вернулся в Минск. Летом 1917 года, когда отменили черту оседлости, он с семьей переехал в Петроград. Это был крупный, красивый мужчина с волнистыми кудрями и большой черной бородой. Всем своим обликом старался он показать, что он художник. Он носил просторные бархатные куртки, какие-то пелерины... Свои фото он ретушировал так, что в них появлялось что-то рембрандтовское. Он действительно был замечательным мастером портрета... Это был добрый, благожелательный человек, очень трудолюбивый, любящий свое дело, свою семью, искусство и деятелей искусства».

209.

Николай Чуковский. «Салон Наппельбаумов»

Далее Николай Чуковский рассказывает о литературном салоне в доме М. Наппельбаума, просуществовавшем с 1921 по 1925 год. Там собирались поэты, стихи многих из которых потом вошли в золотой фонд русской литературы. Моисей Наппельбаум создал целую галерею портретов выдающихся деятелей литературы и искусства — некоторые из них вы видите в этой книге, и в их числе портрет Михаила Булгакова. Портрет великолепный, передающий внутреннее состояние писателя в этот нелегкий для него период жизни. Человек в общем-то необразованный, Наппельбаум, однако, каким-то особым чутьем угадывал, кто есть кто и кто кем будет... Несмотря на многочисленные разгромные рецензии, он поверил в Булгакова, может быть, и про-

210.

читав эту заметку о новой пьесе «Бег», невзирая на слово «анафемский», весьма двусмысленное. Любопытно, что, за неимением в ту пору подходящего титула, ему присвоили звание заслуженного артиста республики...

211.

209. Моисей Наппельбаум.

210. Заметка в газете о пьесе «Бег».

211. Михаил Булгаков. 1928 год.

Глава 29. СТОЛКНОВЕНИЕ С ВЛАСТЬЮ

212.

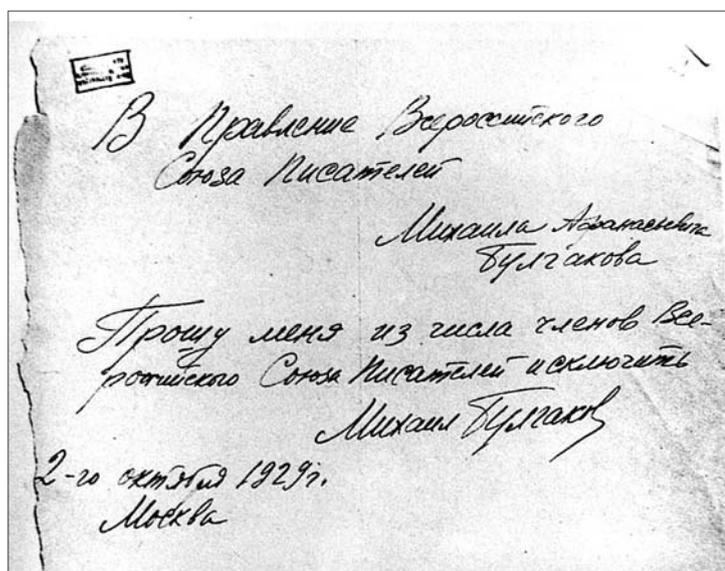
212. Максим Горький и Иосиф Сталин. Начало 1930-х.

213.

213. Заявление об исключении из Союза писателей.

212.

Успехи Михаила Булгакова на литературном поприще не остались незамеченными как доброжелателями, так и завистниками, воспылавшими лютой ненавистью к «счастливчику». Это уже была пора, когда излюбленными жанрами числящих себя «пролетарскими писателями» посредственностей

ОТВЕТ БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКОМУ

Или, например, «Бег» Булгакова, который тоже нельзя считать проявлением или «словом», или «правдой» опасности. «Бег» есть проявление попытки вызвать жалость, если не sympathy, и некоторым словом антисоветской выжидательности, — стало быть, попытка оправдать или полуоправдать белоцерковское дело. «Бег», в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление.

3) Почему так часто ставят на сцену пьесы Булгакова? Потому, должно быть, что спох пьесо, годных для постановки, похлещает. На безрыбьи даже «Дни Турбиных» — рыба. Конечно, очень легко «критиковать» и требовать запрета в отношении неурядечливой литературы. Но самое легкое нельзя считать самым хоро-

Что касается собственно пьесы «Дни Турбиных», то она не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: «если дано такое люди, как Турбины, вынужденны сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит, большевики непобедимы,

Вспомните «Батюшкин остров», «Заговор рабских» и тому подобную макулатуру, почему-то охотно пропускаемую для действительного буржуазного Камерного театра.

5) Что касается «слухов» о «либерализме», то лучше не говорить об этом, — предоставьте заниматься «слухами» московским куличикам.

И. Сталин

2 февраля 1929 г.

кроме погромных газетных статей стали и прямые доносы. Причем шли доносы по разным каналам, начиная с партийных и кончая литературными.

Одним из наиболее настырных «обличителей», опасным еще и тем, что успел укрепиться в глазах властей, был Федор Гладков, автор конъюнктурных произведений (о которых ныне уже накрепко забыли, да и имени его никто не вспоминает) написал Максиму Горькому, недавно вернувшемуся на родину из Италии, следующее: *«Когда я слышу таких писателей, которые чванятся своей “культурой”, как Булгаков, Клычков или бывший большевик Эренбург, мне горько, мне невыносимо от их, извините за выражение, блевотины, которую они изрыгают на наше “бытие”, на людей,*

которые, жертвуя собой, строят новую жизнь на основах высокой культуры и справедливости». Нам неизвестно, что ответил ему на это Горький, и ответил ли вообще, но следует помнить, что Горький высоко ценил талант Булгакова, и даже пытался ему помогать, как это было, в частности, с пьесой «Бег», которой он предрек «анафемский успех», забыв, что «анафема» кроме того значения, что он в него вкладывал, означает и церковное проклятие...

И не прошло трех месяцев, как Сталин в своем ответе драматургу Билль-Белоцерковскому назвал «Бег» антисоветским явлением. А письмо Билль-Белоцерковского Сталину было явным политическим доносом. Из ответа же следует, что в этом письме Билль-Белоцерковский обвиняет в антисоветизме руководство Государственного Большого театра, призывает запретить пьесу

«Дни Турбиных» и другие, потому что их слишком «часто ставят на сцене». Это было плохо прикрытое желание уничтожить «удачливого» конкурента руками партийного вождя, используя при этом революционную демагогию и якобы заботу о чистоте пролетарской литературы как части партийного дела.

Коротко суть ответа Сталина в части, касающейся непосредственно Булгакова, сводилась к следующему:

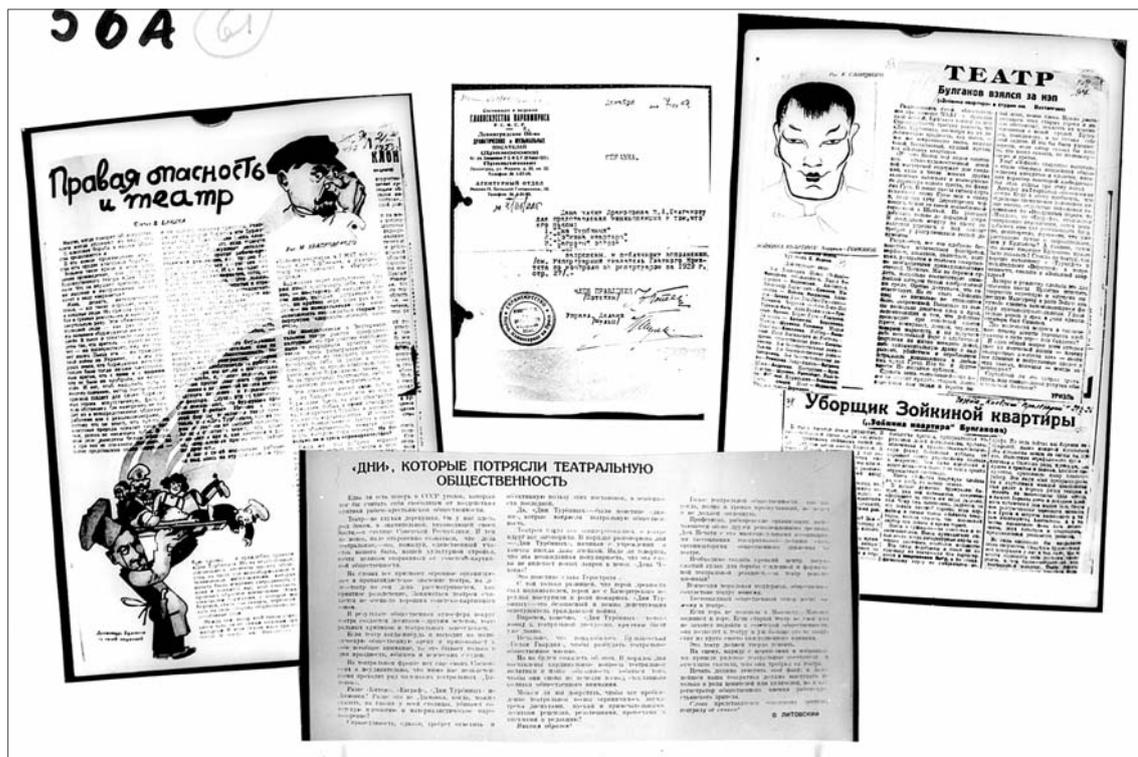
«Бег» — попытка оправдать или полуоправдать белогвардейское дело, он представляет антисоветское явление...

Пьеса «Дни Турбиных» не так уж плоха, она приносит больше пользы, чем вреда, оставляя впечатление, что большевики непобедимы, но вообще-то «на безрыбье даже “Дни Турбиных” рыба».

«Багровый остров» он называет макулатурой, «почему-то охотно пропускаемой для действительно буржуазного Камерного театра».

И, мол, вообще «дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру» путем создания настоящих, интересных, художественных пьес советского характера... Как известно, не дожидаясь создания таких пьес, булгаковские смахнули со сцен одним махом. Словом, своего Билль-Белоцерковский добился, но тем не менее

214.

120

214. Разгромные газетные статьи и справка о запрещении всех пьес Булгакова.

215. Иосиф Сталин в сопровождении чекистов идет из Большого театра в Кремль.

сам сцены не завоевал и в историю российской литературы вошел только этим письмом, вернее ответом на него, потому что письмо это, как мы уже знаем, народным массам до сих пор не предъявлено...

Максиму Горькому недвусмысленно, и не только в этом случае, было указано его место, и он, будучи человеком умным, сообразил, что, вернувшись, попал в западню, после чего утерять категоричность своих суждений, если они шли в разрез с установками партии, и обрел осторожность, о чем свидетельствует его отказ напечатать в курируемой им серии книг «Жизнь замечательных людей» повесть Булгакова «Жизнь господина де Мольера».

215.

П Р А В И Т Е Л Ъ С Т В У

С.С.С.Р. *рай*
радо *будем*
книгу *работы* *уже*
мне *Г.В.* 12/1/49
 Михаила Афанасьевича Булгакова
 Москва, В. Пироговская, 35-а, к. 61

«Я обращаюсь к Правительству СССР со следующим письмом:

1.

После того, как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен как писатель, стали раздаваться голоса, подавшие мне один и тот же совет:

Сочинить "коммунистическую пьесу" [в кавычках я привожу цитату], а, кроме того, обратиться к Правительству СССР с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и уверения в том, что отныне я буду работать, как преданный идее коммунизма писатель-попутчик.

Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале.

Этого совета я не послушался. Наверяд ли мне удалось бы предстать перед Правительством СССР в выгодном свете, написав лихвое письмо, представляющее собой неоправданный и к тому же наивный политический курбет. Попыток же сочинить коммунистическую пьесу я даже не производил, зная заведомо, что такая пьеса у меня не выйдет.

Созревшее во мне желание прекратить мои писательские мучения заставляет меня обратиться к Правительству СССР с письмом правдивым.

2.

Произведи анализ моих альбомов вырезок, я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных было - 3, враждебно-ругательных - 298.

Последние 298 представляют собой зеркальное отражение моей писательской жизни.

Героя моей пьесы "Дни Турбиных" Алексея Турбина печатно в стихах называли "СУКИНЫМ СЫНОМ", а автора пьесы рекомендовали, как "одержимого СОБАЧЬЕЙ СТАРОСТЬЮ". Обо мне писали, как о "литературном УБОРЩИКЕ", подбиранием обидки после того, как "НАВЕВАЛА дивила гостей".

Л. Белозерская-Булгакова в своих воспоминаниях пишет: *«Горький, прочитав рукопись Булгакова, сказал главному редактору Александру Николаевичу Тихонову (Сереброву): “Что и говорить, конечно, талантливо. Но если мы будем печатать такие книги, нам, пожалуй, попадет”...»*

Я тогда как раз работала в “ЖЗЛ”, и А.Н. Тихонов, неизменно дружески относившийся ко мне, тут же, по горячим следам, передал мне отзыв Горького».

Какая уж тут могла быть с его стороны помощь Булгакову — самому бы уцелеть...

«...По мере того как я выпускал в свет свои произведения, критика в СССР обращала на меня всё большее внимание, причем ни одно из моих произведений, будь то беллетристическое произведение или пьеса, не только никогда и нигде не получило ни одного одобрительного отзыва, но, напротив, чем большую известность приобретало мое имя в СССР и за границей, тем яростнее становились отзывы прессы, принявшие наконец характер неистовой брани...»

М. Булгаков. Из письма И. Сталину, М. Калинин, А. Свидерскому, А.М. Горькому. Июль 1929 г.

«...Произведя анализ моих альбомов вырезок, я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных было 3, враждебно-ругательных — 298...»

М. Булгаков. Из письма Правительству СССР. 28 марта 1930 г.

«“Годом катастрофы” в повести “Тайному другу” Булгаков называет 1929 год. Год, вошедший в историю страны с названием, звучавшим сначала победно, потом трагически: “Год великого перелома”. Но писатель имел в виду не жизнь страны, а всего лишь свою собственную судьбу. Впрочем, судьбы истории и больших писателей обычно связаны. В тот год были сняты со сцены все пьесы Михаила Булгакова. Журнал “Современный театр” сообщил: “Главискусство решило снять со сцены пьесы Булгакова “Дни Турбиных” в МХТ и “Багровый остров” в Камерном театре. Третья пьеса того же автора “Зойкина квартира” уже снята с репертуара театра им. Вахтангова”. Перед тем был запрещен уже репетировавшийся в Художественном театре “Бег”. И Ричард Пикель — тот самый Пикель, которому через очень короткое время суждено было стать одной из первых жертв в дьявольской мясорубке обвинений и расстрелов 30-х годов, — пока находившийся на высоте Ричард Пикель объявил удовлетворенно: “В этом сезоне зритель не увидит булгаковских пьес... Снятие булгаковских пьес знаменует собой тематическое оздоровление репертуара”. (“Известия”. 1929. 15 сент.). В день, когда Булгаков надписывал кни-

гу “милой, милой Лене... Сергеевне!”, “Дни Турбиных” уже не шли.

А для Елены Сергеевны “год катастрофы” стал годом любви и надежд. У нее была редкая способность — радоваться и в отчаянии. Она видела не только беду любимого, но чудо бесконечного рождения замыслов, в гениальности которых не сомневалась. Ее жизнь вдруг обрела счастливый смысл.

Теперь она все чаще бывает в квартире Булгаковых на Большой Пироговской. С счастливой готовностью пишет под диктовку Булгакова своим быстрым, твердым и разборчивым почерком. Потом перевозит на Пироговку свой “ундервуд” и под диктовку же перепечатывает новую, у нее на глазах возникшую пьесу “Кабала святош” — пьесу «из музыки и света», как выразился ее автор.

Лидия Яновская. «Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания»

Однако и “Кабале святош” не суждено было увидеть сцену — она, как и все остальные, была запрещена. Тогда он пошел на крайнюю меру — решил обратиться в самую высокую инстанцию и написал свое, ныне широко известное, письмо «Правительству СССР»:

«...Я прошу Советское правительство принять во внимание, что я не политический деятель, а литератор и что всю мою продукцию я отдал

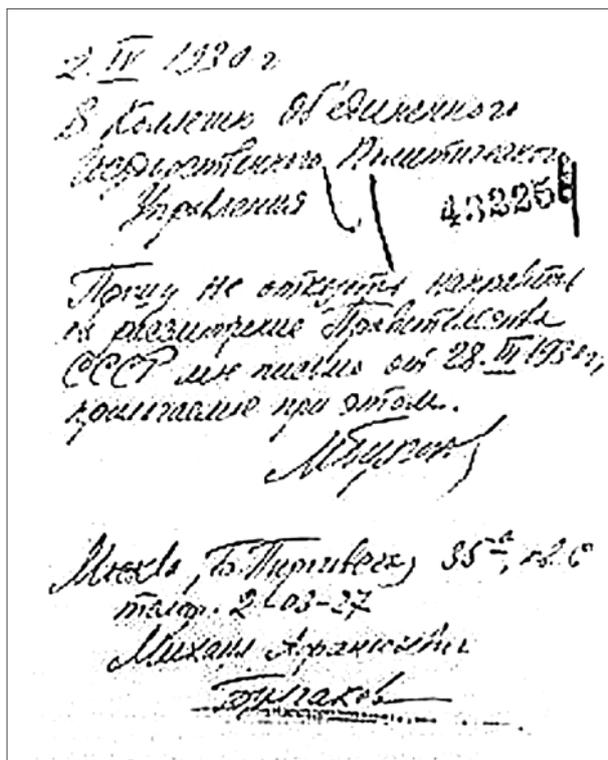

124

218.

219.

220.

218. Михаил Булгаков.
1930-е годы.

219. Елена Сергеевна Шиловская,
впоследствии третья жена писателя.

220. Заявление в коллегия ОGPU

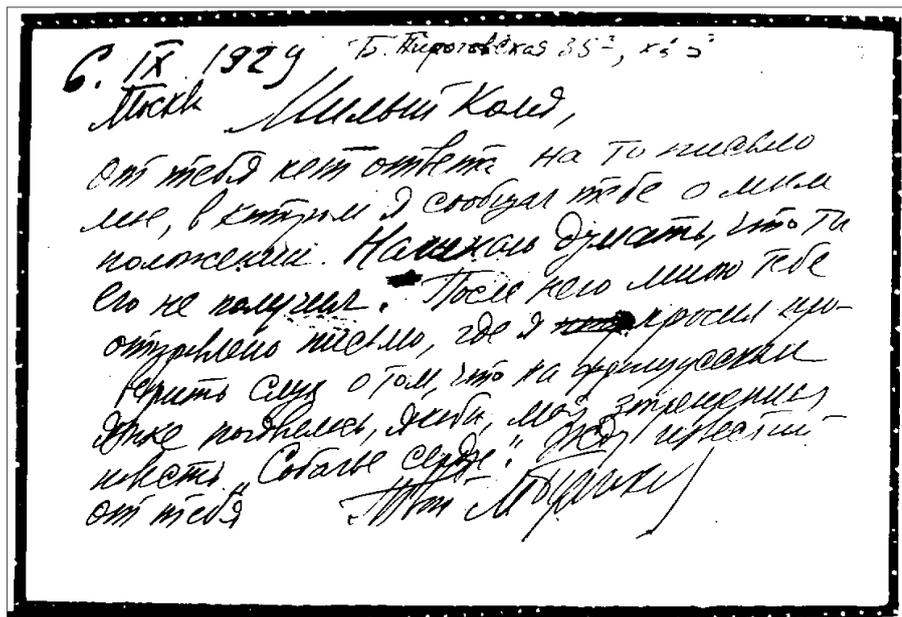
советской сцене... Я прошу Правительство СССР приказать мне в срочном порядке покинуть пределы СССР в сопровождении моей жены Любови Евгеньевны

Булгаковой... Я обращаюсь к гуманности Советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя в отечестве, великодушно отпустить на свободу... Если же и то, что я написал, неубедительно... Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный театр... Если меня не назначат режиссером, я прошу на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя — я прошу на должность рабочего сцены...»

Письмо перепечатала на своей машинке Елена Сергеевна, и они вместе отнесли его в кремлевскую приемную, где и сдали его...

Процитируем еще один отрывок из этого письма — очень и очень важный отрывок: «Если же и то, что я написал, неубедительно и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера. Я именно и точно и подчеркнуто прошу О КАТЕГОРИЧЕСКОМ ПРИКАЗЕ, О КОМАНДИРОВАНИИ, потому что все мои попытки найти работу в той единственной области, где я могу быть полезен СССР, как исключительно квалифицированный спе-

217. Письмо
 Михаила
 Булгакова
 брату Николаю
 в Париж...

циалист, потерпели фиаско... Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером...»

Запомним этот отрывок и вернемся к нему через несколько страниц, когда речь пойдет о том, каков же ответ был на это письмо — крик души...

Текст письма: 6.9.1929. Б. Пироговская 35а, кв. 6. Москва

Милый Коля, от тебя нет ответа на то письмо мое, в котором я сообщал тебе о моем положении. Начинаю думать, что ты его не получил. После него мною тебе отправлено письмо, где я просил проверить слух о том, что на французском языке появилась якобы моя запрещенная повесть «Собаке сердце». Жду известий от тебя.

Твой М. Булгаков

Глава 30. ИЛЬЯ ИЛЬФ СНИМАЕТ БУЛГАКОВА

221.

Вначале было два снимка. Один — уже опубликованный. Другой — неизвестный. Во всяком случае, до этой поры мы его не встречали.

Дата съемки — 17 апреля 1930 года, день похорон Маяковского. Двор Клуба писателей на Поварской улице. По-видимому, перед началом траурного митинга. На первом снимке — художник Михаил Файнзильберг — брат Ильи Ильфа,

писатели — братья Евгений Петров и Валентин Катаев, Серафима Суок — жена поэта Нарбута, писатель Юрий Олеша и поэт Иосиф Уткин. На втором снимке — Валентин Катаев, Михаил Булгаков и Юрий Олеша. И такое ощущение, что перед нами выкадровка. Снимки сделаны практически с одной точки, с интервалом в несколько секунд — Катаев и Олеша в тех же позах, Евгений Петров и Серафима Густавовна в кадре отсутствуют, появился Михаил Булгаков. Валентин Катаев, Михаил Булгаков, Юрий Олеша, Илья Ильф очень дружили в прошлом, когда в начале 20-х годов работали в знаменитом «Гудке». Теплые отношения Ильфа и Булгакова, полные ровного доверия и понимания, сохранились до конца дней Ильфа. На этих снимках его очень недостает. Может быть, Ильфа не было в этот день здесь? Нет, на похоронах Маяковского он был. Ильфа на снимках так недостает, что хочется посмотреть налево, направо, обернуться назад: где же Ильф? Да ведь Ильфа на снимках нет, потому что Ильф снимает! Впрочем, это была не более чем догадка Лидии Яновской, предложившей мне принять участие в совместном исследовании.

222.

«Лейку» Ильф приобрел в самом конце 1929 года. Виктор Ардов рассказывал: *«Он снимал с утра до ночи: родных, друзей, знакомых, товарищей по издательству, просто прохожих, забавные сценки, неожиданные повороты и оригинальные ракурсы обычных предметов...»*

Евгений Петров жаловался с комической грустью:

«Было у меня на книжке восемьсот рублей, и был чудный соавтор. Я одолжил ему мои восемьсот рублей на покупку фотоаппарата. И что же? Нет у меня больше ни денег, ни соавтора... Он только и делает что снимает, проявляет и печатает. Печатает, проявляет и снимает...»

В набросках к неосуществившейся книге «Мой друг Ильф» Евгений Петров записал: *«Ильф купил фотоаппарат. Из-за этого работа над романом была отложена на год». Речь идет о «Золотом теленке».*

«На год» — немного преувеличенно. Но в январе, феврале и марте 1930 года записные книжки Ильфа полны рабочими записями по фотографии. В конце апреля, вскоре после похорон Маяковского, Ильф и Петров едут на Турксиб. Последовавшие за этим их очерки о Турксибе уже иллюстрированы фотографиями Ильфа. Зимой 1935—1936 года путешествие по Америке, а затем — один из первых вариантов «Одноэтажной Америки» — двенадцать фотоочерков Ильфа и Петрова в «Огоньке» — «Американские фотографии» со снимками Ильи Ильфа...

Итак, Ильф мог быть автором этих двух фотографий. Но доказательства? Мы обратились к Александре Ильф, дочери писателя. Увы, негативов и снимков Ильфа у нее не оказалось. Но она дала телефон младшего брата Ильфа — В. Файнзильберга, который вспомнил фотографию сразу, при первом же телефонном разговоре. *«Постараюсь найти, звоните».* И через две недели: *«Приезжайте, нашел!»* Это было в январе 1986 года. Вениамин Арнольдович достает конвертик с негативом: узкая пленка — 24 × 36 мм, правда,

негатив не оригинальный — репродукция, но весьма приличного качества. Да, та самая группа... Смотрю под лупой, и... дух захватывает: да это же полный кадр фотографии № 2, где присутствует Михаил Булгаков! Фактически перед нами негатив доселе неизвестного снимка.

Откуда снимок? Вениамин Арнольдович говорит, что репродукцию делал собственноручно, с фотографии, которая находилась дома у Ильфа. Кто автор снимка? Трудно сказать. На похоронах Маяковского Ильф был, это определено. И аппарат у него в ту пору был. Правда, в тот день снимали и другие.

223.

Но ведь на снимке Валентин Катаев — последний, кто еще оставался из всей группы. 4 февраля 1986 года звоню ему в Переделкино. Валентин Петрович отвечает охотно.

— *Помню тот день и фотографию эту знаю — на ней брат Ильфа, мой брат Евгений Петров, я сам, Серафима Густавовна, Олеша и Уткин. Помнится, была еще одна фотография, где мы только троим — я, Булгаков и Олеша... Почему на снимках*

нет Ильфа? Не знаю, но он там был... Не он ли снимал? Вот этого я не помню — снимали несколько человек, не исключено, что в их числе был и Ильф, скорее всего, так оно и было, но исторически ручаться не могу — прошло ведь больше полувека... Ильф вообще очень много снимал, только не помню, имел ли он уже фотоаппарат? Имел? Тогда еще более вероятно, что это его фотография...

По-прежнему все еще на уровне предположений. Теперь начинаются поездки в Центральный государственный архив литературы и искусства — ЦГАЛИ.

В фонде Ильфа и Петрова имеются фотографии, но из тех, что нас интересуют, только одна — № 1. Зато есть никогда не публиковавшийся снимок, сделанный в тот же день. На нем здание Клуба писателей, по диагонали свешиваются траурные полотнища, на балконе за колоннами — оркестр. По характеру печати снимок очень похож на № 1 и одновременно на все фотографии, сделанные, безусловно, Ильфом: печать мягкая, чувствуется, что автор избегает черноты, излишнего контраста. Снимки напечатаны на разных сортах бумаги, но между ними есть одно общее — и тот, и другой усыпаны мельчайшими белыми точками. Похоже, что печатались на одном увеличителе — и там, и там края «подплывают» особенно заметно, резкость теряется в нижних углах. Подписи на обороте обоих снимков сделаны одним почерком... Вот и все, что пока удастся установить, — неопределенность остается, все зыбко и недоказательно...

Но здесь ведь имеется и фонд Юрия Олеши. Вот альбом Юрия Карловича — он очень интересен, но необходимой для нас информации нет. Конверт с надписью: «Фотографии Ю.К. Олеши в группе с М.А. Булгаковым и В.П. Катаевым на похоронах В.В. Маяковского». В конверте три отпечатка разных размеров — 10 × 15, 13 × 18, 15 × 20 — одной и той же фотографии № 2. Два из них на матовой бумаге, явные репродукции, тре-

224.

тий, несомненно, напечатан с оригинального негатива, бумага глянцевая, «форматка» 13 × 18 см.

Сравниваю — кладу рядом фотографию из фонда Ильфа и Петрова, ту, где на балконе оркестр. Та же глянцевая «форматка», по характеру эмульсии одна от другой неотличимы, та же «полумягкая» печать, точно такие же мельчайшие белые точки рассыпаны по всему полю снимка... Безусловно, это выкадровка из той же фотографии, которую я нашел у В. Файнзильберга.

На обороте светлыми синими чернилами написано: «Похороны Маяковского, 1930 г. Катаев, Булгаков, Олеша». И ниже — другим почерком, очень похожим на тот, что на снимке «оркестровом» и № 1 в фонде Ильфа и Петрова, — темно-синим карандашом: «сн. Ильф».

Снимал Ильф! Тут нужно заметить, что в ту пору было принято под фотографиями писать не «фото такого-то», а «снимал такой-то».

Так завершился этот без малого двухгодичный поиск, раскрывший авторство Ильи Ильфа и позволивший ввести в научный обиход еще одну фотографию, представляющую несомненную ценность для истории русской литературы.

Сообщение об этом мы с Лидией Яновской опубликовали в журнале «Советское фото».

221. Фотография № 1.

222. Фотография № 2. На похоронах Маяковского, покончившего жизнь самоубийством.

223. Илья Ильф. Автопортрет. 1930 г. Назавтра Булгакову позвонит Сталин...

224. М. Файнзильберг, В. Катаев, М. Булгаков, Ю. Олеша, И. Уткин

Глава 31. ЗВОНОК СТАЛИНА. ЯКОБЫ МИЛОСТЬ

Из воспоминаний Л.Е. Белозерской-Булгаковой:

«...Однажды, совершенно неожиданно, раздался телефонный звонок. Звонил из Центрального Комитета партии секретарь Сталина Товстуха. К телефону подошла я и позвала М.А., а сама занялась домашними делами. М.А. взял трубку и вскоре так громко и нервно крикнул “Любаша!”, что я опрометью бросилась к телефону (у нас были отводные от аппарата наушники).

На проводе был Сталин. Он говорил глуховатым голосом, с явным грузинским акцентом и себя называл в третьем лице. “Сталин получил, Сталин прочел...” Он предложил Булгакову:

— Может быть, вы хотите уехать за границу? (Незадолго перед этим по просьбе Горького был выпущен за границу писатель Евгений Замятин с женой.) Но М.А. предпочел остаться в Союзе».

Из Дневника Е.С. Булгаковой:

«...18 апреля часов в 6—7 вечера он прибежал, взволнованный, в нашу квартиру (с Шиловским) на Большом Ржевском и рассказал следующее.

Он лег после обеда, как всегда спать, но тут же раздался телефонный звонок, и Люба его подозвала, сказав, что из ЦК спрашивают.

М.А. не поверил, решил, что розыгрыш (тогда это проделывалось), и, взъерошенный, раздраженный, взялся за трубку и услышал:

— Михаил Афанасьевич Булгаков?

— Да, да.

225. Михаил Булгаков.
Начало 1930-х годов. Портрет работы
художника Николая Радлова.

— Сейчас с вами товарищ Сталин будет говорить.

— Что? Сталин? Сталин?

И тут же услышал голос с явным грузинским акцентом:

— Да, с вами Сталин говорит. Здравствуйте, товарищ Булгаков (или — Михаил Афанасьевич — не помню точно)

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.

— Мы ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь... А может быть, правда — вас пустить за границу?

— Что, мы вам очень надоели?

М.А. сказал, что он настолько не ожидал подобного вопроса (да он и звонка вообще не ожидал), что растерялся и не сразу ответил:

— Я очень много думал в последнее время — может ли русский писатель жить вне родины. И мне кажется, что не может.

— Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?

— Да, я хотел бы. Но я говорил об этом, и мне отказали.

— А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся. Нам бы нужно встретиться, поговорить с вами...

— Да, да! Иосиф Виссарионович, мне очень нужно с вами поговорить.

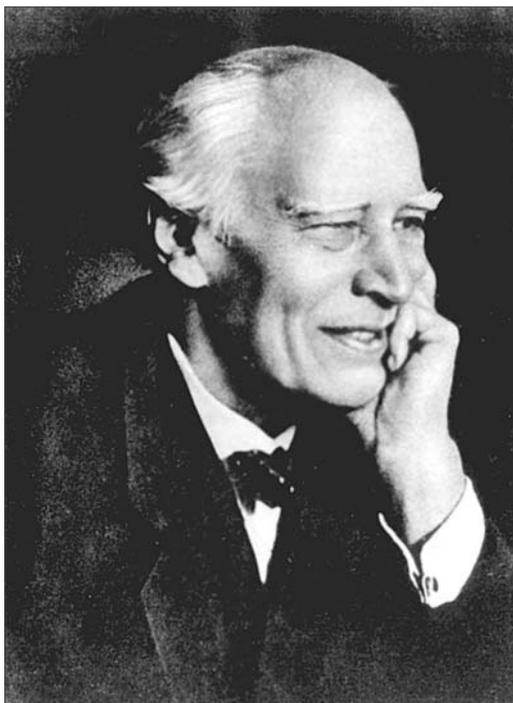
— Да, нужно найти время и встретиться, обязательно. А теперь желаю вам всего хорошего.

Но встречи не было. И всю жизнь М.А. задавал мне один и тот же вопрос: почему Сталин раздумал? И всегда я отвечала одно и то же: “А о чем он мог бы с тобой говорить? Ведь он прекрасно понимал, после того твоего письма, что разговор будет не о квартире, не о деньгах, — разговор пойдет о свободе слова, о цензуре, о возможности художнику писать о том, что его интересует. А что он будет отвечать на это?”».

МХАТ, разумеется, отреагировал немедленно...

«Дорогой и милый Михаил Афанасьевич. Вы не представляете себе, до какой степени я рад Вашему вступлению в наш театр! Мне пришлось поработать с Вами лишь на нескольких репетициях “Турбиных”, и я тогда почувствовал в Вас — режиссера (а м.б. и артиста?!). Мольер и многие другие совмещали эти профессии с литературой!

От всей души приветствую Вас, искренно верю в успех и очень бы хотел поскорее поработать вместе с Вами. До скорого и приятного свидания. Думаю вернуться в середине октября. Искренно Вас любящий К. Станиславский».

226.

Из письма Станиславского М. Гейтцу, директору МХАТа, 2 сентября 1930 г.:

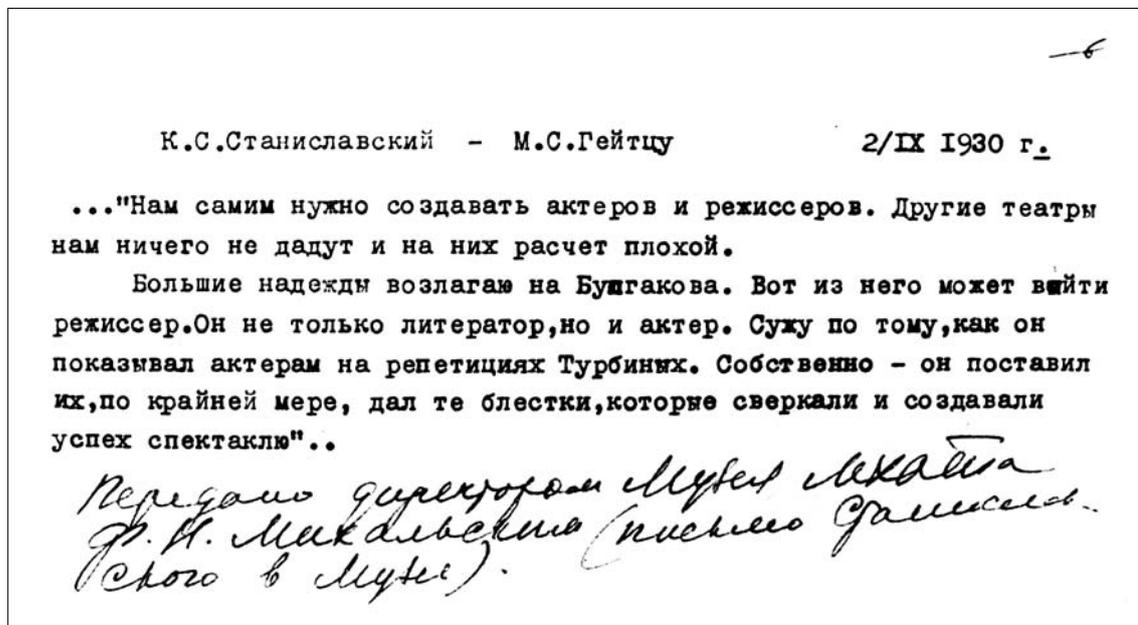
...«Нам самим нужно создавать актеров и режиссеров. Другие театры нам ничего не дадут, и на них расчет плохой. Большие надежды возлагаю на Булгакова. Вот из него может выйти режиссер. Он не только литератор, но и актер. Сужу по тому, как он показывал актерам на репетициях “Турбинных”. Собственно — он поставил их, по крайней мере, дал те блески, которые сверкали и создавали успех спектаклей»...

226. Константин Сергеевич Станиславский.

227. Письмо Станиславского директору МХАТа.

228. Письмо Станиславского Михаилу Булгакову из Баденвайлера, Шварцвальд, 4 сентября 1930 года.

227.

Viljo Johänklir
Friedrichstr 2
Badenweiler
Schwanzwoll.

Дорогой и любезный
Михаил Булгаков

Все же представляете себе до ка-
кой степени я рад Вашему участ-
ствию в нашем театре!
Мне пришлось поработать с Вами
на нескольких репетициях
Музыка и я тогда почувствовал
в Вас — режиссер (а не артист!!)
Может и мой друг совмещает
эти профессии с успехом!
От всей души приветствую Вас,
исключительно благо в успехе и о чем бы
какими способами поработать вместе
с Вами
До свидания и приятного свидания.
Всегда верный в средние округа
Иванович Вас любящий

1930.
4/11 Badenweiler

Н. Станиславский

228.

В своем Дневнике Елена Булгакова записала:

«Вот фигура, между прочим, была этот

Гейтц! Производил впечатление уголовного типа».

Вернемся к разговору со Сталиным, который спросил: «Вы где хотите работать? В Художественном театре?» — «Да, я хотел бы, — ответил Булгаков. — Но я говорил об этом, и мне отказали».

Обратимся снова к Дневнику Елены Сергеевны: «На следующий день после

разговора М.А. пошел во МХАТ и там его встретили с распростертыми объятиями. Он что-то пробормotal, что подаст заявление... — Да боже ты мой! Да пожалуйста!.. Да вот хоть на этом (и тут же схватили какой-то лоскут бумаги, на котором М.А. написал заявление). И его зачислили ассистентом-режиссером в МХАТ»...

Праздный вопрос: кто ему накануне отказывал — не кто иной, как тот же директор театра Гейтц! И поэтому нельзя без улыбки читать письма Станиславского с восторгами оттого, что они наконец-то заполучили в свой театр Михаила Булгакова. Вспомним, что Станиславский был в театре царь и бог и, даже будучи в отъездах за границу, имел с ним связь — и почтовую, и телефонную... Но простим великим их слабости, время все-таки было страшное.

А вот чему нельзя улыбаться, так это сталинскому «трудоустройству» писателя. В письме Булгаков ставит вопрос очень конкретно: ***«Если же... меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера...»***

Ответ был столь же конкретным — назначение в театр подтверждало: да, его обрекают на пожизненное молчание в СССР — чего уж тут сомневаться — не просто дали понять, а ответили ясней ясного...

И уже не было ни одной публикации в СССР до конца его жизни!

Глава 32. ЛЮБОВНЫЙ МНОГОУГОЛЬНИК

229. Страстная площадь. 1920-е годы. Вдали дом Нирензее, где, как утверждают, произошло знакомство Булгакова с Еленой Сергеевной.

230. Так выглядел Большой Ржевский переулоч в те годы, когда там бывал Булгаков.

Как произошло знакомство Михаила Булгакова с Еленой Шиловской, известно, хотя какая-то мистика здесь все-таки при- мешалась. Если послушать Елену Серге- евну, то это произошло в двух разных ме- стах. Впрочем, чему тут удивляться, если даже в Библии такой важный вопрос, как сотворение человека, раздваивается — в первой главе это происходит по-одному, а во второй — по-другому...

Но, как бы это ни происходило, в ре- зультате распались две семьи, и возникла одна новая. Елена Сергеевна как-то об- молвилась, что в пьесе «Адам и Ева» Бул- гаков изобразил их любовный треуголь- ник, что в общем-то неточно, — это был многоугольник, вершинами которого ста- ли несколько судеб: в сложные взаимоот- ношения были вплетены Евгений Шилов- ский — ее муж, жена Булгакова Любовь Евгеньевна, дети Шиловских Женя и Се- режа... И только по прошествии времени отношения эти не то чтобы нормализова- лись, но более-менее отрегулировались.

Но послушаем самих участников этих событий.

«В 29—30-х годах мы с М.А. поеха- ли как-то в гости к его старым знако- мым, мужу и жене Моисеенко (жили они в доме Нирензее в Гнездниковском переулке). За столом сидела хоро- шо причесанная интересная дама — Елена Сергеевна Нюренберг, по мужу Шиловская. Она вскоре стала моей приятельницей и начала запросто и часто бывать у нас в доме. Так на нашей семейной орбите появилась эта женщина, ставшая впоследствии третьей женой М.А. Булгакова».

Л.Е. Белозерская-Булгакова. «О, мёд воспоминаний»

«На днях будет еще один 32-летний юбилей — день моего знаком- ства с Мишей. Это было на масляной, у одних общих знакомых. По Киеву

они были знакомы с Мишей, но он их не любил и хотел закончить бывать у них. С другой стороны, и Евгений Александрович, живя какое-то время в Киеве, познакомился с ними, но бывал у них только тогда, когда я уезжала куда-нибудь летом и он оставался один. А мне почему-то не хотелось с ними знакомиться. Но тогда они позвонили и, уговаривая меня прийти, сказали, что у них будет знаменитый Булгаков, — я мгновенно решила пойти. Уж очень мне нравился он как писатель. А его они тоже как-то соблазнили, сказав, что придут интересные люди, словом, он пошел. Сидели мы рядом... у меня развязались какие-то завязочки на рукаве... я сказала, чтобы он завязал мне. И он потом уверял всегда, что тут и было колдовство, тут-то я его и привязала на всю жизнь. На самом деле ему, конечно, больше всего понравилось, что я, вроде чеховского дьякона в “Дуэли”, смотрела ему в рот и ждала, что он еще скажет смешного. Почувствовав такого благодарного слушателя, он развернулся вовсю и такое выдал, что все просто стонали, высказывал из-за стола, на рояле играл, пел, танцевал — словом, куражился вовсю. Глаза у него были ярко-голубые, но, когда он расходился так, они сверкали как бриллианты. Тут же мы условились идти на следующий день на лыжах. И пошло».

Елена Булгакова. Из письма брату Александру 13 февраля 1961 г.

...«И знаете, что меня поразило, что я, молодая и, казалось бы, счастливая женщина, писала Оле в Америку, где она тогда (в 1922—23 годах) была с МХАТом: ты знаешь, Оленька, я не могу объяснить почему, но я очень тоскую, ведь я люблю Женю (отца), ведь я обожаю малыша (Женичку), но в душе все время тоска, я не вижу смысла в моей жизни, мне недостает чего-то. Надо, наверно, чем-то другим заполнить ее. Откуда были эти мысли? И чувства? И, читая их, я понимала, почему у меня была тогда такая смелость, такая решительность,

232.

что я порвала всю эту налаженную, внешне такую беспечную, счастливую жизнь и ушла к Михаилу Афанасьевичу на бедность, на риск, на неизвестность».

Е. Булгакова. Из письма племянникам
27 октября 1968 г.

Но Елена Сергеевна рассказывала и по-другому — выходило, что познакомились они у Уборевичей — Иероним Уборевич был командующим Московским военным округом и жил в одном доме с Шиловскими. Когда в Ташкенте в 1942 году она встретила его дочь (на короткий срок освобожденной из ГУЛАГа), то сказала ей:

— Я ведь у твоей мамы познакомилась с Михаилом Афанасьевичем...

Но, как бы то ни было, дату она называет точную — 28 февраля 1929 года.

Потом она напишет родителям в Ригу:

«...не знаю, рассказала ли Вам Оленька о том, что произошло полтора года назад в моей жизни. Но из того, что случилось сейчас, Вы поймете, насколько это серьезно. Я расхожусь с Евг. Ал. и выхожу замуж за Михаила Афанасьевича Булгакова. Мы будем жить втроем: он,

234.

я и Сережа. Женичка остается с Евг. Ал. Расстаемся мы с Евг. Ал. исключительными друзьями, друзьями на всю жизнь. Я буду постоянно приходить домой, т.е. к Женичке, Евг. Ал. и Оленьке, которую Евг. Ал. очень просит остаться жить у него. Ему было бы очень больно, если бы ты, Оленька, не согласилась на это. Как ты сама понимаешь, Оленька, с Любашей у меня тоже самые тесные и любовные отношения... В смысле бытовом — М.А. этим летом выплатил деньги за квартиру. Она скоро будет готова... Вы сами понимаете, мои любимые, что сейчас на душе у меня и тревога, и боль. Но вместе с тем полтора года разлуки мне доказали ясно, что только с ним жизнь моя получит смысл и окраску».

231. Елена Шиловская.

232. Михаил Булгаков.

233. Женя и Сережа Шиловские.

234. Евгений Шиловский.

С первых же дней их супружества Елена Сергеевна становится творческим спутником Михаила Булгакова, пишет под его диктовку, участвует во всех его встречах со многими людьми, ведет его архив, записывает в свой дневник всё, имеющее хотя бы малейшее отношение к его творчеству, и, кроме того, берет на себя его деловую переписку и вообще деловую сторону его жизни...

14 марта 1933 года Михаил Булгаков делает на ее имя доверенность:

«Настоящим доверяю жене моей Елене Сергеевне Булгаковой производить заключение и подписание договоров с театрами и издательствами на постановки или печатание моих произведений как в СССР, так и за границей, а также получение причитающихся по этим договорам сумм и авторского гонорара за идущие уже мои произведения или напечатанные».

235.

236.

Осенью того же года он пишет своему брату Николаю в Париж: *«Я счастлив тем, что Елена взяла на себя всю деловую сторону по поводу моих пьес и этим разгрузила меня. Я выдал ей нотариальную доверенность на ведение дел по поводу моих произведений. В случае, если бы она написала тебе вместо меня, прошу ее сообщения договорные или гонорарные принимать как мои».*

235. Большая Пироговская, дом 35а.

236. Так стал выглядеть Большой Ржевский переулок после того, как снесли церковь Ржевской Божьей Матери заодно с окружавшими ее деревьями, а на их месте воздвигли здание Верховного суда СССР. Правда, «генеральский» дом уже можно разглядеть...

237. Свидетельство о браке М.А. и Е.С. Булгаковых.

237.

КОПИЯ

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Отдел Актов Гражданского Состояния

СССР
Народный Комиссариат
Внутренних дел
Управление НКВД по М/О
БЮРО АКТОВ
ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ
Фрунзенского района
№ 22/III 1940 г.
гор. Москва

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ № 3842.

Гр. БУЛГАКОВ Михаил Афанасьевич _____
/фамилия/ /имя/ /отчество/
гр-ка НОРЕНБЕРГ Елена Сергеевна _____
/фамилия/ /имя/ /отчество/

вступили в брак, о чем в книге записей актов гражданского
состояния о браке четвертого октября 1932 года произведе-
на соответствующая запись. _____
/прописью и цифрами год, число и месяц/

Б у л г а к о в ы
/он/ /фамилия после заключения брака/ /она/

/ПЕЧАТЬ/ Зав. бюро ЗАГС/подпись/ Делопроизводитель /подпись/

Гар. Руб. 31 декабря 1935 г. Я. Варе
В. С. нотариус 1-ой Рижской государственной нотариальной
конторы, свидетельствую верность этой копии с подлинником ее. При сме-
ним копии с подлинником, в последнем поправоч, при этом, зачеркнутых слов
и других особенностях не оказалось _____

Взыскано госпшлины идеи руб. По реестру № 2.746.

Нотариус В. Варе

С той поры и до последнего своего дня Елена Сергеевна неукоснительно и любовно следовала тексту этой доверенности, расширив свои обязанности настолько, насколько это вообще в человеческих силах.

Глава 33. ТАИНСТВЕННЫЕ ПИСЬМЕНА

238. Томик «Дней Турбиных» — «Белой гвардии»; портрет работы Романа Кармена вклеен самим Булгаковым.

Книга эта была издана в 1927 году (первый том, а второй — в 1929-м) в Париже издательством «Конкорд», а в России с этого года и до смерти писателя, как уже было сказано, не было издано ни одного его произведения! Появятся они только через четверть века после того, как не стало Михаила Булгакова...

Портрет работы Романа Кармена, рассказ о котором мы начали в главе «В лучах славы», — выкадровка, он сразу стал каноническим, приобретя «статус» самостоятельного фотографического произведения. В данном случае кадрировка является «окончательной редакцией» снимка, сделанной са-

мим автором. Даря этот томик Елене Сергеевне, Булгаков вклеил в него свою фотографию. И Елене Сергеевне сразу понравился «портрет с рассыпавшимися волосами», как она его называла, и он стал для нее главным во всей иконографии писателя...

«В эту пору Булгаков уже не вел дневников... Елена Сергеевна еще не вела. Но сохранилась реликвия, ставшая подобием дневничка и запечатлевшая легким пунктиром судьбу их отношений: два томика “Белой гвардии” (Париж, 1927—1929, на русском языке) с несколькими надписями и записями автора.

На форзаце первого томика Булгаков сделал любезную надпись: “Милой Елене Сергеевне, тонкой и снисходительной ценительнице. Михаил Булгаков. 7.XII.1929 г. Москва”. И рядом теми же чернилами: “...Мама очень любит и уважает вас...” “Дни Турбиных”. 1 акт”.

(Подобную надпись — косвенное и насмешливое объяснение в любви — Булгаков сделает несколько лет спустя Я.Л. Леонтьеву — на машинописи «Дней Турбиных»: “Мама очень любит и уважает Вас...” (Действие 1-е) так же, как и Михаил Булгаков”.)

Потом пришел второй томик и также был подарен Елене Сергеевне. Должно быть, она потребовала надпись, и Булгаков, любовно подбравшая ее, написал, опять-таки цитируя самого себя: “Пишишь, пане” и “Милая, милая Лена Сергеевна! Ваш М. Булгаков. Москва. 1930 год. 27 сентября”...

Вскоре на форзаце первого тома сделал новую запись: “Это — не рядовое явление. Том. Страница. 3.X.1930 г. М. Булгаков”. (Что и кого цитировал он на этот раз, осталось тайной их двоих.)

Теперь они много времени проводили вместе. В томиках “Белой гвардии”, подаренных ей, появились три новые записи, помеченные одним числом.

“Муза, муза моя, о лукавая Талия! 5.II.31 г. М. Б.” — начертал он на титульном листе второго томика, цитируя “Кабалу святош”. И в середине первого тома — там, где кончается глава 9-я и нижняя половина страницы пуста, — крупно: “Я Вас! 5.II.31 г. М.Б.». И затем на обороте последней страницы: “Справка. Крепостное право было уничтожено в... году. Москва. 5.II.31 г.”. Какое событие, оскорбительно потрясшее его, трижды помечено этой датой?

Любовь Евгеньевна уже догадывалась об их близости, надеялась, что это всего лишь очередное увлечение, что это пройдет, и, как умела, защищалась от унижения, придумывая себе тоже какой-то роман.

Но настал день, когда истина открылась Шиловскому. Была безобразная сцена...

Шиловский предъявил требование: прекратить всякие свидания, прекратить переписку, даже телефонные разговоры. Это требование они приняли...

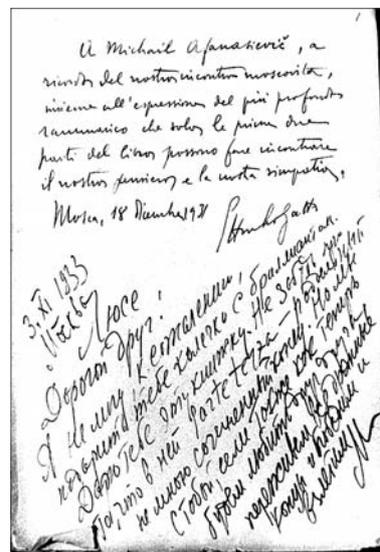
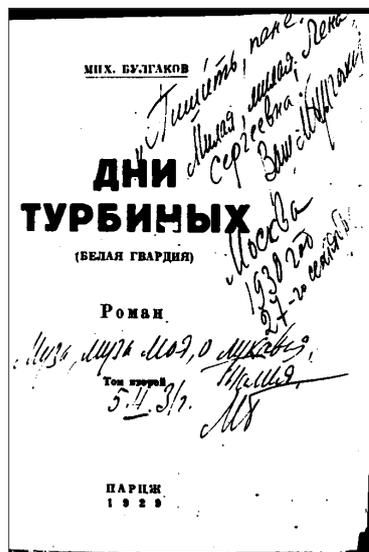
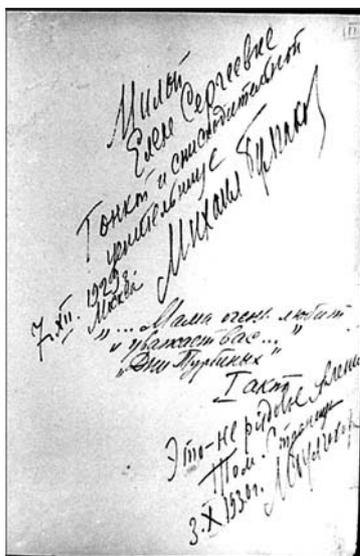
Они не виделись полтора года... Булгаков и Елена Сергеевна встретились снова, на этот раз навсегда, около 1 сентября 1932 года. И об этой встрече Елена Сергеевна рассказывала:...“когда я первый раз вышла на улицу, я встретила его, и первой фразой, которую он сказал, было: “Я не могу без тебя жить”. И я ответила: “И я тоже”.

Итак, они встретились.

И снова двухтомничек “Белой гвардии” сыграл роль дневника. На обороте последнего листа первого тома Булгаков сделал две новые записи: “Несчастье случилось 25.II.1931 года” (конечно, дата их разрыва) и “А решили пожениться в начале сентября 1932 года. 6.IX.1932 г.” В середине томика, на с. 66, в главе 15-й, там, где слова романа: “...и в сентябре произошло уже не знамение, а само событие...”, поставил звездочку — знак отсылки — и наискосок, через весь текст:

“С каким-то сентябрьским событием, дорогая Люся, тебя и поздравляю! В ночь на 7-е сентября. Москва. 1933 год”.

1933 год... Ошибка в дате? Или их первая годовщина? Впрочем, он сделает здесь еще одну запись — в середине второго томика, на с. 73: “3.XI.1934 г. Мое самое большое желание выучиться по-английски; тогда я говорил бы тебе: I...” (вероятно: I love you).

Вернувшись в Москву, я получила от него этот таинственный подарок. Он протянул мне тоненькую тетрадку, написанную его характерным почерком и открытую на первой странице. Выглядела она так:

Тайному другу.

1

Открытка.

Бесценный друг мой! Итак, Вы настаиваете на том, чтобы я сообщил Вам в год катастрофы, каким образом я сделался драматургом...

Потом шло первое письмо, и в нем начинался рассказ.

Но слишком была заполнена жизнь Михаила Афанасьевича работой, причем всегда срочной. Инсценировка “Мертвых душ”, “Жизнь Мольера”, “Кабала святош”, работа ассистентом-режиссером во МХАТе... И тетрадка лежала без движения. До 1936 года».

Елена Булгакова. «Записи, наброски»

Глава 34. ПРОЩАНИЕ С ЛЮБАШЕЙ

242.

243.

«Вот понемногу я и дошла до последних страниц воспоминаний и до последних дней нашей совместной жизни — ноябрь 1932 года. Не буду рассказывать о тяжелом для нас обоих времени расставания. В знак этого события ставлю черный крест, как написано в заключительных строках пьесы Булгакова “Мольер”».

Такими словами завершает Любовь Евгеньевна Белозерская своё повествование «О, мёд воспоминаний...»

Увы, повторилось то же, что и с Татьяной Николаевной: он ушел к другой. И не потому покидал он этих замечательных женщин — а они обе были, безусловно, таковыми, — что они становились ему несносны. Отнюдь нет. Просто ему нужна была Маргарита — единственная и неповторимая муза-вдохновительница в его трудном творческом бытии. А ею смогла стать только Елена Сергеевна — Люся. Может быть, потому, что и ей нужен был только он — единственный и неповторимый, ее судьба, ее Мастер...

А еще за полгода до той роковой встречи, когда ничто не предвещало душевного урагана, подарил Михаил Афанасьевич своей Любаше портрет с очень простой надписью и понятной только им одним подписью: «От Ту-То-К». Пока расшифровать ее никому не удалось. Последнюю попытку сделала Лидия Яновская в последний год жизни Любви Евгеньевны:

« — Любовь Евгеньевна, что такое Ту-то-ка? »

— Ту-то-ка? — блеснула она глазами. Помолчала. И вдруг сказала так: — Спрячьте карандаш. Спрячьте, спрячьте. Я хочу проверить вашу память. Ту-то-ка...

И она произнесла три совершенно неожиданных для меня слова. Конечно, они относились к Булгакову. Но не вязались ни с чем, знакомым мне ранее. Я хорошо расслышала их. Уловила их густое, низкое звучание. И... с ужасом почувствовала, как, не останавливаясь, они проходят через мой мозг, проходят насквозь и, проплывая через комнату, уходят в окно...

— Голубушка, Любовь Евгеньевна, — закричала я. — Повторите!

— Нет, — твердо и даже весело сказала она. — Нужно было запомнить.

Так и не повторила. Она не была ни жестокой, ни злой. Она была очень добра ко мне, и ее душевная теплота не раз согревала меня... Просто она была женою Булгакова! Она знала вкус розыгрыша и тайны. Почти открытой, почти схваченной и все-таки ускользающей тайны...»

Л. Яновская. «ТУ-ТО-КА».

«Расставшись с М.А. в 1932 году, нового гнезда Л.Е. не свила. Так и прожила оставшуюся жизнь одна, в маленькой квартирке, среди булгаковской мебели, которую покупали вместе, среди его фотографий, книг с автографами, его писем и записочек к ней. Одну из них я помню: “Крещу тебя”, — написал Булгаков, не застав ее дома. В начале 80-х годов к Любви Евгеньевне приехали две симпатичные молодые сотрудницы из Ленинградского литературного музея. Всю юность она прожила на Мойке, любила град Петра нежной любовью, поэтому и решила отдать туда драгоценные свидетельства дружбы и уважения Булгакова к некогда “свет-

лему парню Любочке». В 1987 году Любови Евгеньевны не стало...»

Галина Панфилова-Шнейтер.

«Крещу тебя...».

(По страницам записной тетради).

244.

Добавим к этому, что после смерти Елены Сергеевны Булгаковой (1970 г.) Любовь Евгеньевна как бы приняла эстафету памяти писателя — собирала все издания — и его произведений и о нём самом, выходявшие за рубежом, способствовала их появлению — с риском нажать большие неприятности посылала материалы в американские издания. Там, в издательстве «Ардис», впервые увидела свет ее повесть о совместной жизни с Михаилом Булгаковым «О, мёд воспоминаний...», с ее легкой руки в нью-йоркском «Новом журнале» была опубликована великолепная статья Наталии Шапошниковой «Москва и москвичи вокруг Булгакова», подписанная с целью конспирации псевдонимом Н.Б., где за вторым инициалом была спрятана девичья фамилия ее бабушки — Бравич. Такие были времена... Она давала отповедь недобросовестным «воспоминателям», осмелевшим с уходом Елены Сергеевны, — некоторые из них занялись прямой фальсификацией с целью выдать себя за доверенных лиц и чуть ли не за душеприказчиков Михаила Булгакова... У Любови Евгеньевны, последние годы прикованной к постели из-за перелома шейки бедра, часто можно было встретить молодых людей, объединенных общей любовью к творчеству великого писателя, за что они и получили название «булгаковцы»; они помогали ей, чем могли, а она давала им читать книги, которых они в ту пору нигде не могли бы найти... Верным ее другом до конца дней стала Галина Георгиевна Панфилова, сотрудница музея МХАТа, — пятнадцать лет

245.

246.

она заботилась о ней, сообщала последние новости культурного бытия столицы, приносила продукты, готовила еду... Здесь, в доме № 35а по Большой Пироговской, в квартире 27, я впервые увидел ее — она принесла судки с горячей пищей, и я, быстро закончив беседу с Любовью Евгеньевной, тут же ретировался, дабы не мешать их домашним делам. Мы даже и не познакомились в возникшей спешке. Это произошло позже, когда я получил от нее письмо-отклик на мою публикацию. Но об этом разговор впереди...

242. Михаил Булгаков. 1928 г.

243. Любовь Евгеньевна. 1930-е гг.

244. Л.Е. Белозерская на выставке, посвященной 85-летию М.Булгакова, в музее МХАТа, 1976 г.

245. В Калугу, в гости к высланному «на 101-й километр» Н. Лямину приехали друзья — супруги Поповы — Павел Сергеевич и Анна Ильинична Толстая, Любовь Евгеньевна Белозерская (вторая справа), на заднем плане — доктор Я.М. Лобач. Наталии Абрамовны Ушаковой-Ляминой на снимке нет — она снимает... 1940 или 1941 г.

246. Л.Е. Белозерская в студии Суриковского училища знакомится с дипломной работой студента Олега Абазиева — скульптурным портретом писателя. 1977 г.

Глава 35. ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

247.

249.

250.

Как это нередко бывает в подобных случаях, перед друзьями возникла проблема: как строить свои отношения с Любовью Евгеньевной и Еленой Сергеевной — женой бывшей и женой настоящей? Выбор был очень нелегким, если учесть, что обе женщины — прекрасные люди, не испытывавшие друг к другу враждебных чувств. И если со стороны Елены Сергеевны и угадывалась некоторая ревность, она ее умела не показывать. И подавляющее большинство друзей осталось верными Любви Евгеньевне и без колебаний приняли в свои сердца Елену Сергеевну...

И Лямины, и Поповы, и Топлениновы, и Ермолинские были рядом с Булгаковыми до конца дней Михаила Афанасьевича. Об Анне Ахматовой требуется рассказать особо, что и будет сделано далее. Некоторые из друзей исчезли с горизонта, в те годы люди вообще нередко исчезали без следа...

Трогательная дружба связывала Булгаковых с Марикой, которая до последних минут жизни Михаила Афанасьевича дежурила попеременно с Еленой Сергеевной и Еленой Афанасьевной у постели умирающего писателя. Ее

портрет и портрет с надписью «Маррону милому...» сделаны в одном ателье — на Петровке. Булгаков, которому понравился его портрет с моноклем, повел туда и Марику. Утверждение, что с моноклем его снимал М. Наппельбаум, неверно: оба портрета сделаны явно в обычном бытовом ателье, о чем свидетельствует типичная для этих заведений ретушь, не свойственная Наппельбауму, и вообще это «не его почерк», имевший четко выраженный характер. Вызывает сомнение и дата — 1926 год, ибо атрибуция основывается на воспоминаниях А. Эрлиха, документально никак не подтвержденных. У Наппельбаума Булгаков снимался в 1928 году, но без монокля и в шляпе, это очень известная фотография — ее мы видим в главе «Прозорливый фотограф», — других портретов Булгакова в архиве Наппельбаума, бережно сохраненном его потомками, нет.

248.

Кроме того, дарственная надпись на этом портрете, сделанная также сестре Вере и ее мужу, датирована 1929 годом, а Марике — ноябрь 1928 года,

155

**Первая встреча
Мастера и
Мargarиты.**

*Рисунок Нади
Рушевой*

то есть именно в тот год, когда она приехала к Булгаковым в Москву. Более ранних дат на этом снимке мне обнаружить не удалось. Да и для того, чтобы повести Марику в то же ателье, сам он в нем должен был сниматься не два года назад, а недавно, что более логично. Отсюда можно предположить, что портрет этот сделан, скорее всего, в том же 1928 году...

247. Анна Ахматова.

248. Михаил Булгаков, Владимир Долгорукий (литературный псевдоним — Владимиров), Сергей Топленинов и инженер Петр Васильев у дома, где жили М.А. и Л.Е. Булгаковы в Лёвшинском переулке.

249. Портрет, подаренный Марике — Марии Артемьевне Ермолинской (Чемишкиан).

250. Марика, или, как ее называл Булгаков, Маррон...

Глава 36. ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

251.

Елена Сергеевна Булгакова — урожденная Нюренберг — родилась двумя годами позже Михаила Афанасьевича — в 1893 году, в Риге. В ту пору Латвия входила в состав Российской империи со всеми вытекающими отсюда последствиями — православием как официальной верой, российским государственным устройством, системой образования. Отец ее — Сергей Маркович Нюренберг — учитель, а затем государственный служащий, занимал подобающее общественное положение, мать — Александра Александровна — происходила из семьи священника, была образованна в соответствии с требованиями времени, что помогало ей умело воспитывать своих четверых детей и вести хозяйство.

Елена, оба ее брата — Александр и Константин — и старшая сестра Ольга окончили гимназию и были

хорошо подготовлены к самостоятельной жизни. Елена свободно владела немецким и французским языками, умела печатать на пишущей машинке, что в ту пору считалось важным профессиональным навыком. По-разному сложились их судьбы. Александр оказался в Германии, где и прожил свою жизнь, Константин пропал бесследно после того, как в Латвию в 1940 году пришли советские войска. Ольга вышла замуж за человека по фамилии Бокшанский, потом с ним развелась, поселилась в Москве, где стала работать в Художественном театре секретарем Немировича-Данченко, вышла замуж за актера этого театра Евгения Калужского. Елена приехала в Москву

252.

254.

253.

и вышла замуж за военного человека, но, прожив с ним два года, полюбила другого, тоже военного. В этом втором своем браке родила двоих сыновей и, несмотря на «отличную партию», разрушила этот, казавшийся таким счастливым, брак ради писателя Михаила Булгакова, против которого ополчилась не только литературная критика, но и власть в самом высшем ее воплощении. Сестры были очень дружны и прошли рядом через всю жизнь, с братом Александром связь прервалась на несколько десятилетий, пока не сгинул с лица земли «отец всех народов». И только в шестидесятые годы Елена Сергеевна смогла встретиться с братом и познакомиться с его сыном

255.

256.

Оттокаром, родившемся в Германии. Разговор о них на этих страницах вполне уместен, и не только потому, что это родные Елены Сергеевны, а и потому, что все они в большей или меньшей степени имеют отношение к творческому наследию Михаила Булгакова. Но более подробно мы вернемся к этому в дальнейшем...

Фотографии могут рассказать своим особым языком очень многое о человеке и его времени. Например, почему между Еленой Сергеевной и Михаилом Афанасьевичем так быстро установился душевный и духовный контакт: они выросли на одних и тех же основах культуры и искусства — с детства любили книги, музыку, театр — как самодеятельный, домашний, так и «всамделишный», их становление проходило хотя и в разных по колориту архитектурных стилей и бытовому настрою аборигенов городах, но на одних и тех же духовных ценностях. Оба относились к одному и тому же слою населения — к интеллигенции, с легкой руки «основоположников невежества» переименованному вскоре в «прослойку». Вот только непонятно было, между чем и чем...

Точность, аккуратность, граничащие с педантизмом, были привиты и тому и другому с юных лет: одному — медициной, другой — «домашней канцелярией» отца, где она печатала его труды по налоговым вопросам. Эти

навыки помогут ей, когда она станет вроде бы домашним, а как потом выяснится, всемирным литературным архивистом и биографом великого писателя, рассказавшим в своих дневниках больше, чем было бы под силу самому дотошному исследователю...

251. Дом, в котором родилась и провела детские годы Елена Нюренберг, в будущем Булгакова.

252. Елена Нюренберг. Рига. 1907 г.

253. Ее старший брат Александр в бытность гимназистом.

254. Елена Нюренберг в домашнем спектакле (справа).

255, 256. Она же в профиль и анфас...

257. Елена Сергеевна Шиловская. 1928 г.

У домашних альбомов есть существенный недостаток — хозяева знают всех изображенных на снимках лиц и посему не дают себе труда надписывать на каждой фотографии, «кто есть кто». И когда какая-нибудь фотография становится историческим документом, отсутствие подписей доставляет исследователям большие огорчения — это уже как будто и не документ, а «нет документа — нет и человека...», как совершенно справедливо заметил хорошо разбирающийся в этих вопросах Коровьев. И хотя на одном из этих снимков человек налицо (об офицере просто ничего не знаем), тут мы имеем как бы пример с обратным знаком — документ есть, а человека нет. Те члены семьи Нюренберг, что оставались в Риге, когда Латвия вышла из состава Российской империи и стала самостоятельным государством, перенесли такую историческую метаморфозу практически безболезненно, а вот когда совершился обратный процесс и Латвия вернулась в империю, правда теперь советскую, один из членов семьи исчез, как об этом уже было сказано выше. Но это была особая мистика, истоки которой надо искать в Москве, потому что там этот феномен возник раньше: к сороковому году роман «Мастер и Маргарита» уже был передан автором

258.

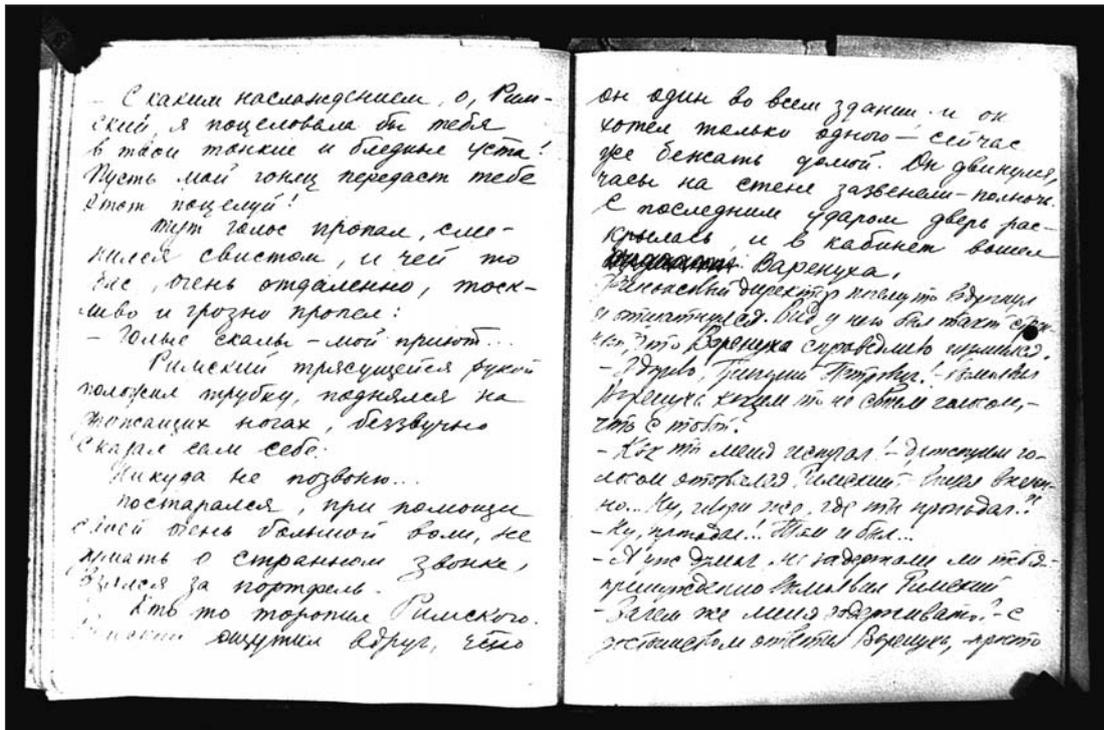
259.

в будущее, а в нем (в романе), как известно, люди сплошь и рядом бесследно исчезали, не говоря уже о тех из них, что были с утраченными фамилиями...

258. Справа налево: Ольга Бокшанская, Елена Нюренберг и — предположительно — первый муж Ольги. Минск. 1913 год.

259. Супруги Буби и Константин Нюренберги.

262.

Совершенно очевидно, что возрождение романа в новом качестве имеет непосредственную связь с «настоящей, верной, вечной любовью», словами о которой начинается глава 19-я — «Маргарита», где писатель создает Гимн Любви, равно относящийся и к героине романа, и к своей земной Маргарите — обожаемой жене Елене, отныне уже Булгаковой...

260. Первая страница рукописи романа, который теперь получит название «Мастер и Маргарита».

261. Начало 19-й главы — в романе появляется Маргарита...

262. Рукопись романа, третья редакция. Слева и вверху справа — рукою Е.С. Булгаковой, далее — рукою М.А. Булгакова.

Глава 38. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». ИСТОКИ

263.

В 1925 году Михаил Булгаков познакомился с Ляминами, и Наталия Абрамовна подарила ему книгу Чайнова, которую она иллюстрировала. Тираж ее составлял всего 1000 экземпляров. В книге рассказывалось о появлении в Москве Сатаны и борьбе с ним некоего человека по фамилии Булгаков за свободу своей возлюбленной. Видимо, отсюда и пришла писателю идея показать «своего» Сатану в современной Москве. Но мы не имеем никаких свидетельств о том, что он приступил к реализации такого замысла: нельзя же было создавать произведение, подобное тому, что уже существовало. Требовалось нечто свое, и очень весомое. И оно появилось, как только Михаил Булгаков свой роман «начал пером» — это его выражение,

означающее, что еще до того имелся определенный «инкубационный период», когда вещь созревает в голове. «Мастер...», а вернее то, что тогда рождалось под другими названиями, «начат пером» был в 1928-м (так утверждает Л. Белозерская) или 29-м году, и в нем сразу же появились и прошли через все последующие редакции две переплетенные между собой линии — линия Сатаны-Воланда и линия Пилата. Эта основополагающая тема была подсказана писателю самой окружающей его действительностью. И, как мне кажется, важной отправной точкой послужила опубликованная в газетах в 1927 году беседа Сталина с иностранными рабочими делегациями. Следует помнить, что в ту пору не было ни телевидения, ни общедоступного радио, — трансляционная сеть в Москве появилась только в начале тридцатых годов, так что главным, если не единственным, источником информации были газе-

264.

ты. А что Булгаков внимательно следил за газетами, тому есть много свидетельств и в письмах, и в дневниках, и в произведениях писателя.

Так вот, французские рабочие (отметим попутно, что во Франции жили эмигрантами два брата Михаила Афанасьевича) задали Сталину весьма неприятный вопрос: «Судебные права ГПУ, разбор дел без свидетелей, без защитников, тайные аресты. Так как эти меры трудно допускаются французским общественным мнением, то было бы интересно знать их обоснование. Предполагается ли их изменение или прекращение?»

Сталин долго и витиевато рассуждал о роли ГПУ или ЧК, но ничего по существу вопроса не ответил. А ведь речь шла о сосредоточении в одних руках следствия, суда и исполнения приговора — именно с этим явлением мы встречаемся в романе «Мастер и Маргарита».

7-й ВОПРОС. Судебные права ГПУ, разбор дел без свидетелей, без защитников, тайные аресты. Так как эти меры трудно допускаются французским общественным мнением, то было бы интересно знать их обоснование. Предполагается ли их изменение или прекращение?

ОТВЕТ. ГПУ или ЧК есть карательный орган Советской власти. Этот орган более или менее аналогичен Комитету общественной безопасности, созданному во время великой французской революции. Он карает главным образом шпионов, заговорщиков, террористов, бандитов, спекулянтов, фальшивомонетчиков. Он представляет нечто вроде военно-политического трибунала, созданного для ограждения интересов революции от покушений со стороны контрреволюционных буржуа и их агентов.

Этот орган был создан на другой день после Октябрьской революции, после того, как обнаружили всякие заговорщические, террористические и шпионские организации, финансируемые русскими и иностранными капиталистами.

темы, выходит на глобальные общечеловеческие проблемы и, как всякий большой писатель, создает произведение, волнующее людей, заставляющее их размышлять над очень многими аспектами человеческого бытия. Но почему же все-таки Пилат?..

263. Александр Чаянов.

264. Его книга «Венедиктов, или Достопамятные события моей жизни». Чаянов — крупнейший специалист в области сельского хозяйства и литератор — в тридцатые годы был уничтожен сталинским режимом.

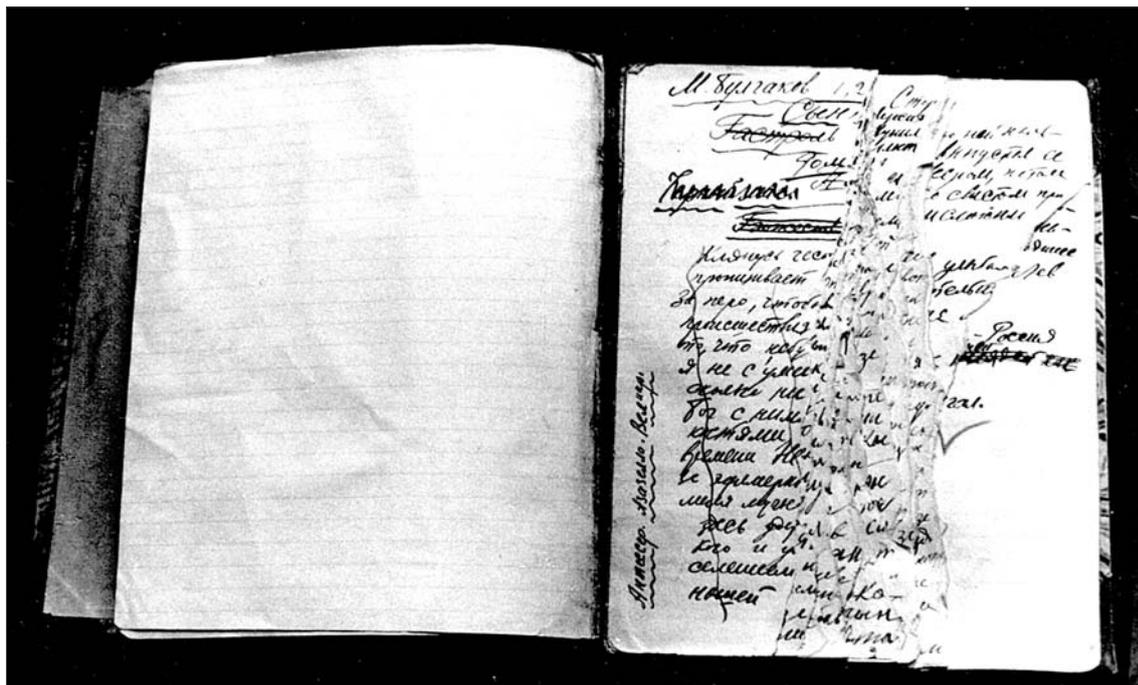
Глава 39. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». ПОЧЕМУ ПИЛАТ?

265.

Так почему же все-таки Пилат? И почему главным героем романа мастера является именно он, а не Иешуа Га-Ноцри, ведь мастер прямо говорит, что его роман о Понтии Пилате? Да потому, что для Булгакова было важно рассмотреть не евангельский сюжет, а злободневную, кошмарную в своей обыденности проблему — по всей стране шли повальные аресты и казни при полной незащищенности человека. Дело не столько в том, что все карательные функции сосредоточены в руках Пилата (читай — ГПУ), а в том, что он выносит заведомо неправосудный приговор, зная о невиновности подсудимого. И для писателя это явление, а не единичный случай, имеющий свою аналогию в евангель-

ских сказаниях; репрессии в стране шли уже с момента образования ЧК, если не раньше, а с двадцать шестого-седьмого годов стали набирать такую силу, приобретать такой размах, что уже нужны были не тысячи, а десятки тысяч пилатов, не останавливающихся перед обвинением и отправкой на эшафот миллионов невинных людей. Но, как истинный художник, Булгаков облакает рассмотрение этой проблемы в такую яркую, образную форму, что читатель зримо видит всё происходящее в романе, и если он достаточно искушен в чтении между строк, то и понимает, что здесь к чему. Не случайно же ради этого романа в Москву прилетает Воланд со своей свитой, притом все они знают роман наизусть — ведь, рассказывая на Патриарших о событиях, происходивших в Ершалаиме, Воланд попросту читает отрывок из романа мастера. Азazelло при первой встрече с Маргаритой тоже начинает цитировать мастера, и именно поэтому Маргарита доверяется ему. Так что вопрос Воланда, о чем роман, чисто риторический: прекрасно зная даже его содержание, он, продолжая свою игру, спрашивает: «О чем, о чем? О ком?.. Вот теперь? Это потрясающе! И вы не могли найти другой темы?» И тут же возвращает мастеру его якобы сгоревший роман в целостности и сохранности. И слова «Вот теперь?» — есть констатация того, что взяты сейчас за эту

265. Что есть истина! XX век.

266. Черновая тетрадь с оборванными листами — наполовину уничтоженный автором один из первых черновиков романа о Дьяволе.

тому — значит подвергнуть себя страшной опасности, и участь мастера об этом свидетельствует с непреложной очевидностью. Не ограничиваясь этиками «наводками», писатель дает читателям и вполне откровенное указание, практически открыто говоря о том, что скрывается за якобы романтической историей. Не случайно же критики, обрушившиеся на мастера, требуют «ударить, и крепко ударить, по пилатчине и тому богомазу, который вздумал протащить... ее в печать». Заметим, не по «иисусчине», хотя автор обвиняется в попытке «протащить в печать апологию Иисуса Христа». Но термин «пилатчина» возникает не в романе мастера, а в его рассказе Иванушке, то есть введен уже самим Булгаковым.

Итак, «пилатчина» — общественное явление, широко распространенное в стране, терзаемой сталинским режимом, и суть его — расправа с невиновными людьми, уничтожение их по тем или иным «соображениям», подоплека которых известна только тирану и в которые входят исполнителям не приходит в голову, а если и приходит, то тут же парализуется страхом, подобным тому, которому поддался Пилат.

И вот опять мистика, а если не мистика, то что? В тот момент, когда я садился писать этот кусок — о Пилате, — в дверь позвонили, и почтальон вручил мне пакет из Нью-Йорка, в котором оказалась книга Леонида Ржевского, а в ней статья «Пилатов грех. О тайнописи в романе “Мастер и Маргарита”».

Отметим, что роман уже так известен, что Ржевский даже не называет его автора. И вот я читаю — не в самой статье, а в комментариях к ней — следующее:

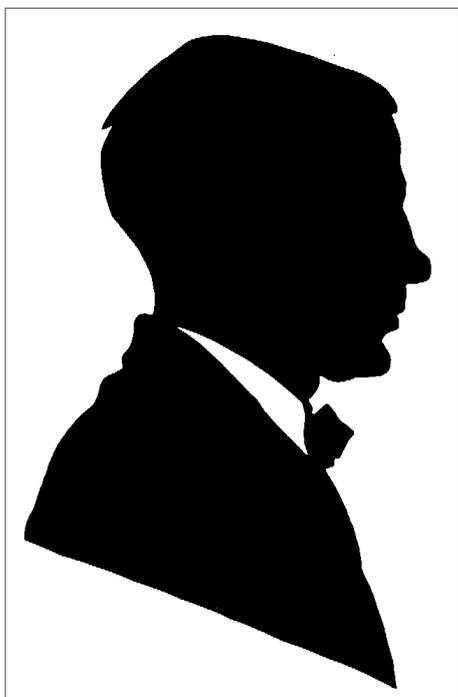
«В романе есть термин “пилатчина” в значении религиозной контрабанды в печати. Употреблен этот термин, однако, в таком остранинном контексте (“проклятое слово!”, “неслыханное слово”...), что кажется “подброшенным” автором для обозначения трусости и предательства, распространенных среди людей в стране полицейского надзора и сыска».

Надо же, чтобы статья попала ко мне именно в этот момент! Мне льстит, что мои мысли совпали с тем, что говорит такой большой специалист, как Ржевский. Правда, он не рассматривает здесь проблему в целом, но, видимо, в данной статье такой задачи и не ставилось...

В своем предисловии к однотомнику, вобравшему в себя три булгаковских романа, Константин Симонов пишет: «В повествовании Булгакова о Пилате и Иешуа рассказано о земных делах и земных людях. Булгаков принципиально далек от поверхностных исторических аналогий. Он всегда брезговал этой литературной дешевкой». А если аналогии не поверхностны? Об этом Симонов умалчивает, не желая развивать эту тему, так как дело происходит в 1973 году, когда цензура еще всесильна, а исторические аналогии в романе, увы, есть, и внимание от них надо было от-

влечь. А слово «поверхностные» читается как извинение перед Булгаковым. Что же касается аналогий, то они, по известным соображениям, в романе слегка приглушены, а что было на уме у автора, можно увидеть по ранним черновикам, где фигурировала убранный впоследствии частушка: «Как поехал наш Пилат на работу в Наркомат». Наркомат — это нынешнему министерство. И работать мог Пилат только в одном Наркомате — Наркомате внутренних дел, сокращенно — НКВД, он же ЧК, он же ГПУ, он же в будущем КГБ...

Глава 40. ДВАДЦАТЬ ДВА «ФАУСТА»

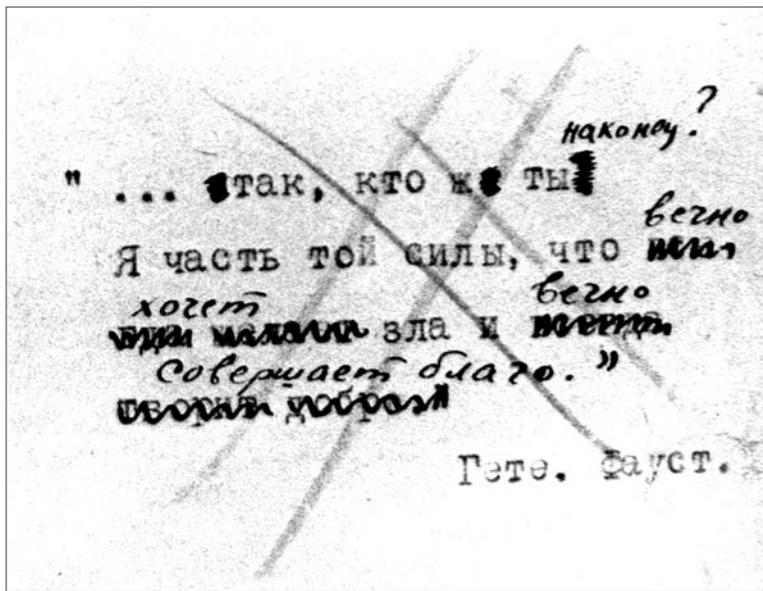
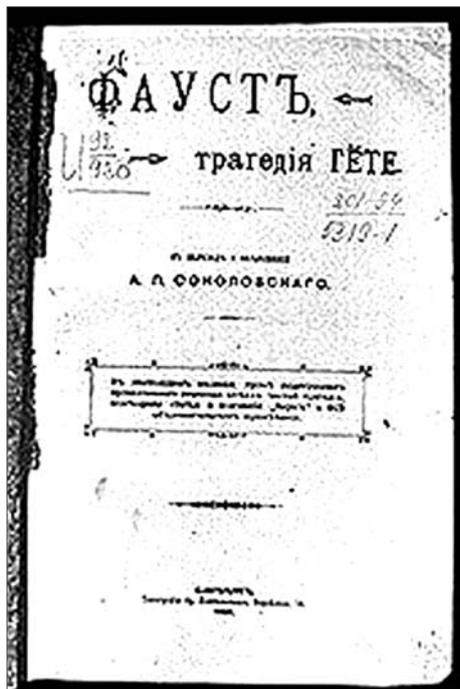
267.

268.

Собственно, «Фауст» был один — гётевский, и 21 перевод на русский, с которыми я работал, пытаюсь определить, из какого перевода Булгаков выписал эпиграф к своему роману. И очень скоро убедился, что он перевел его самостоятельно, — на титульном листе машинописи романа 1938 года обнаружился подстрочник, затем тщательно отделанный автором. Мне удалось разобрать густо зачеркнутые писателем слова и убедиться, что подстрочный перевод был лишен того изящества, которое присуще окончательному варианту... Но попутно я обнаружил книгу с пометами самого Булгакова в основном (общем) фонде Российской государственной библиотеки. Выяснил и как она туда попала, но это, как говорится, другая тема. Это был прозаический перевод

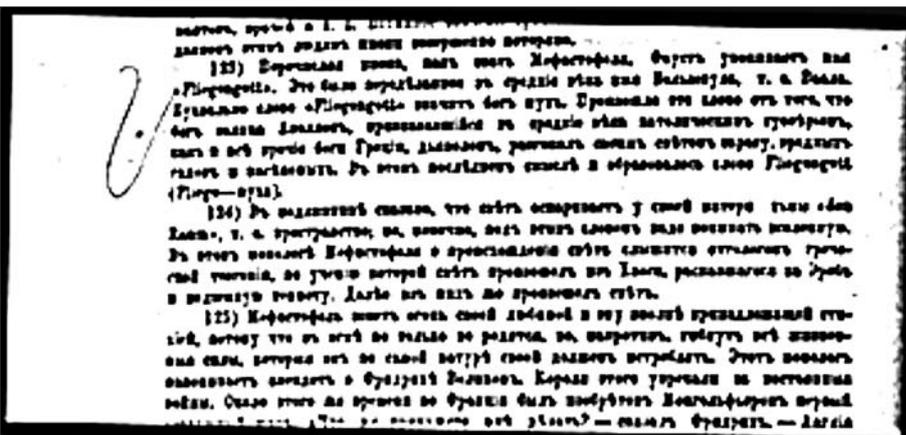
А. Соколовского, изданный в Санкт-Петербурге в 1902 году. Когда-то книга явно принадлежала Булгакову...

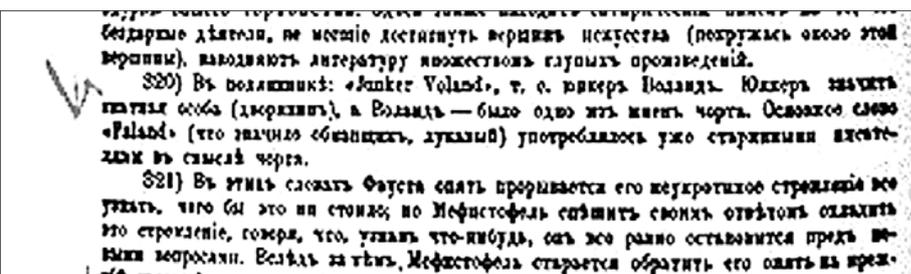
269.

270.

Но помет нет во второй части «Фауста» и в комментариях к ней. Не сразу, но догадался почему: в ней же нет Маргариты и вообще ничего, что соотносилось бы непосредственно с булгаковским романом. А вот пометы в первой части и комментарии к ней оказались весьма интересными. По ним я смог проследить, как Булгаков шел к имени ВОЛАНД. У Гёте это имя возникает лишь однажды — в Вальпургиевой ночи, но пишется через «фау» — V. Булгаков первоначально метит это место вертикальной чертой, а позже добавляет к ней широкую, не похожую на другие «галку» с отогнутым правым крылом, и знак сразу становится очень похожим на «дубль вэ» — W. Этот W возникает не сразу — автор идет к нему через цепь логических построений. Несколько страницами ранее у Соколовского встречаем слово «Fliegengott». Это место Булгаков метит знаком V. Но Fliegengott пишется не через V, а через F... Видимо, ему не дает покоя слово «Voland», и он вписывает внутрь своего знака-буквы V маленький вопросительный знак. Любопытно, что Соколовский в своем переводе пишет «Воланд», а не «Фоланд», Булгакова это устраивает, потому что по-русски «Фоланд» не звучит, а, скажем, «Фаланд» звучит... Вероятно, тут дело в законах русской фонетики, а главное — внутреннее ощущение, которое у Булгакова к звучанию языка было очень чутким. Итак — ВОЛАНД!

271.

272.

деле рукописей, причем порекомендовал отсканировать помеченные страницы и выдавать исследователям только эти копии, потому что книга стала очень ветхой. И переселение «Фауста» Соколовского в «ведомство» Михаила Афанасьевича Булгакова состоялось, правда, несколько месяцев ушло на необходимые процедуры —

собиралась экспертная комиссия, были выполнены положенные формальности, после чего я получил уведомление, которое гласило: «Направленное Вами в Российскую государственную библиотеку письмо от 5 апреля 2001 г. рассмотрено, и по Вашему предложению Экспертная комиссия Научно-исследовательского отдела рукописей 15 авгу-

Булгаков очень любил обоих «Фаустов» — и книгу Гёте, и оперу Гуно, — они проходят через всё его творчество. И не случайно роман «Мастер и Маргарита» получил всемирное признание — так же, как не случайна связь творчества великого русского писателя с великим немецким писателем: разделенные столетиями, они на разных языках и на совершенно разном жизненном материале поднимали одни и те же проблемы — вечные проблемы духа и смысла человеческого бытия!..

Я обратился в дирекцию библиотеки с письмом, в котором рассказал об исторической ценности этой книги и о необходимости передать ее в Фонд Булгакова, находящийся в От-

ста с.г. приняла решение о включении в личный архивный фонд М.А. Булгакова книги В. Гете “Фауст” (СПб., 1902) в переводе А. Соколовского в связи с имеющимися пометами писателя. О шифре данной единицы хранения сообщим Вам по телефону». Что и было сделано.

Итак, ее новые координаты: номер фонда — 562, картон — 70, единица хранения — 2.

267. Михаил Булгаков.

268. «Фауст» Гёте.

269. Черновик перевода эпитафии.

270. Титульный лист «Фауста» в переводе А. Соколовского. Книга принадлежала Михаилу Булгакову.

271. Пометы Михаила Булгакова в этой книге.

272. Без подписи.

Глава 41. И ВНОВЬ МХАТ

273.

«Дорогой и многоуважаемый Константин Сергеевич!

Я ушел из ТРАМа (молодежный театр, где по совместительству работал Булгаков. — Ю.К.), так как никак не могу справиться с трамбовской работой. Я обращаюсь к Вам с просьбой включить меня помимо режиссерства также и в актеры Художественного театра. О моем договоре

по этому поводу с М.С. Гейтц подробно пишет Вам Рипсимэ Карповна. Преданный М. Булгаков».

Резолюция Станиславского: «Одобрю, согласен. Говорил по этому поводу с Андр. Серг. Бубновым. Он ничего не имеет против. К. Станиславский. 1931—19—IV».

Какой же нежелательной фигурой был Булгаков, что такой простой вопрос о нем надо было согласовывать с наркомом просвещения!

«В эти дни в конторе Федора Николаевича Михальского я впервые увидела Михаила Афанасьевича Булгакова. Как всегда днем, у Михальского бывало много актеров. Забегали за контрамарками, со всякими малыми и большими просьбами. Там же назначались деловые и дружеские встречи. (Жизнь конторы блистательно описана Булгаковым в «Театральном романе», или, как он сам называл роман, — в «Записках покойника».)

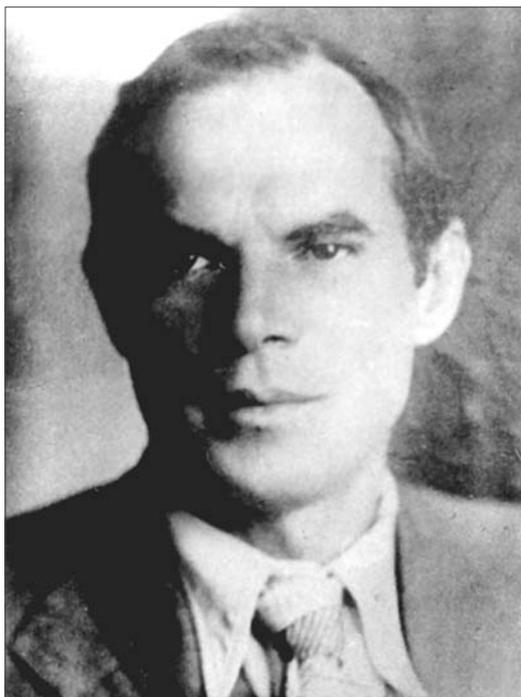
274.

Едва вошел Булгаков, его моментально окружили. Я, стоя у конторских дверей в “передней”, где постоянно у двух телефонов дежурили “адъютанты” Федора Николаевича — Снетков и Глушков, с жадностью рассматривала Михаила Афанасьевича. Так вот он какой — знаменитый автор “Дней Турбиных”! Очень интересное, выразительное, нервное лицо, пристальный взгляд светлых внимательных глаз, хорошая фигура. Элегантный, холодный, даже чуть чопорный с чужими и такой открытый, внимательный и насмешливо веселый с друзьями или просто знакомыми.

...В этом же сезоне разрешили возобновить “Турбиных”. Как же все играли!

275.

18. III 3/2.
 Дорогой
 Константин Сергеевич!
 Я ушел из театра, так как
 никак не могу справиться с
 трагическим материалом.
 Я обращаюсь к Вам с просьбой
 рассмотреть меня помимо
 режиссуры также и в качестве
 постановщика. Не могу
 сказать больше по этому поводу
 с М. С. Райну подобрали писателя
 Валентина Кривина
 Продалкин
 (Валентин)
 Оздоровлю, сохранил. Говорил по телефону
 по поводу Валентина Сергеевича. Он имеет на это
 право.
 К. Сталинский
 1931-1932

276.

277.

278.

279

Как опять зазвучал прекрасной красотой правды Художественного театра этот спектакль. Он стал еще глубже в своей “мужественной простоте” и душевности.

Я помню Михаила Афанасьевича Булгакова на генеральном прогоне “для своих”: взволнованного, восхищенного и благодарного. И сияющее счастьем лицо Елены Сергеевны — жены. “Свои” устроили овацию и артистам, и режиссерам, и автору».

Софья Пилявская. «По долгу памяти»

273. Московский Художественный театр. 1920—1930-е годы.

274. Собрание труппы театра.

275. Письмо М. Булгакова К. Станиславскому от 18 марта 1931 г.

276. Павел Марков — заведующий литературной частью.

277. Василий Сахновский — режиссер.

278. Василий Качалов — актер, Виталий Виленкин — сотрудник литчасти.

279. Федор Михальский — главный администратор, впоследствии тайно хранил у себя рукописи Булгакова, чтобы они не исчезли в годы сталинской диктатуры.

280. Владимир Немирович-Данченко — второй руководитель театра, сподвижник и антагонист Станиславского.

Глава 42. МХАТ. «ПИКВИКСКИЙ КЛУБ»

281.

«По вечерам нередко к нам приезжала писательница Наталия Алексеевна Венкстерн. Она уже написала пьесу “В 1825 году”, шедшую с большим успехом во МХАТе 2-м. В ней особенно хороши были Гиацинтова и Берсенева. Московский Художественный театр заказал писательнице инсценировку

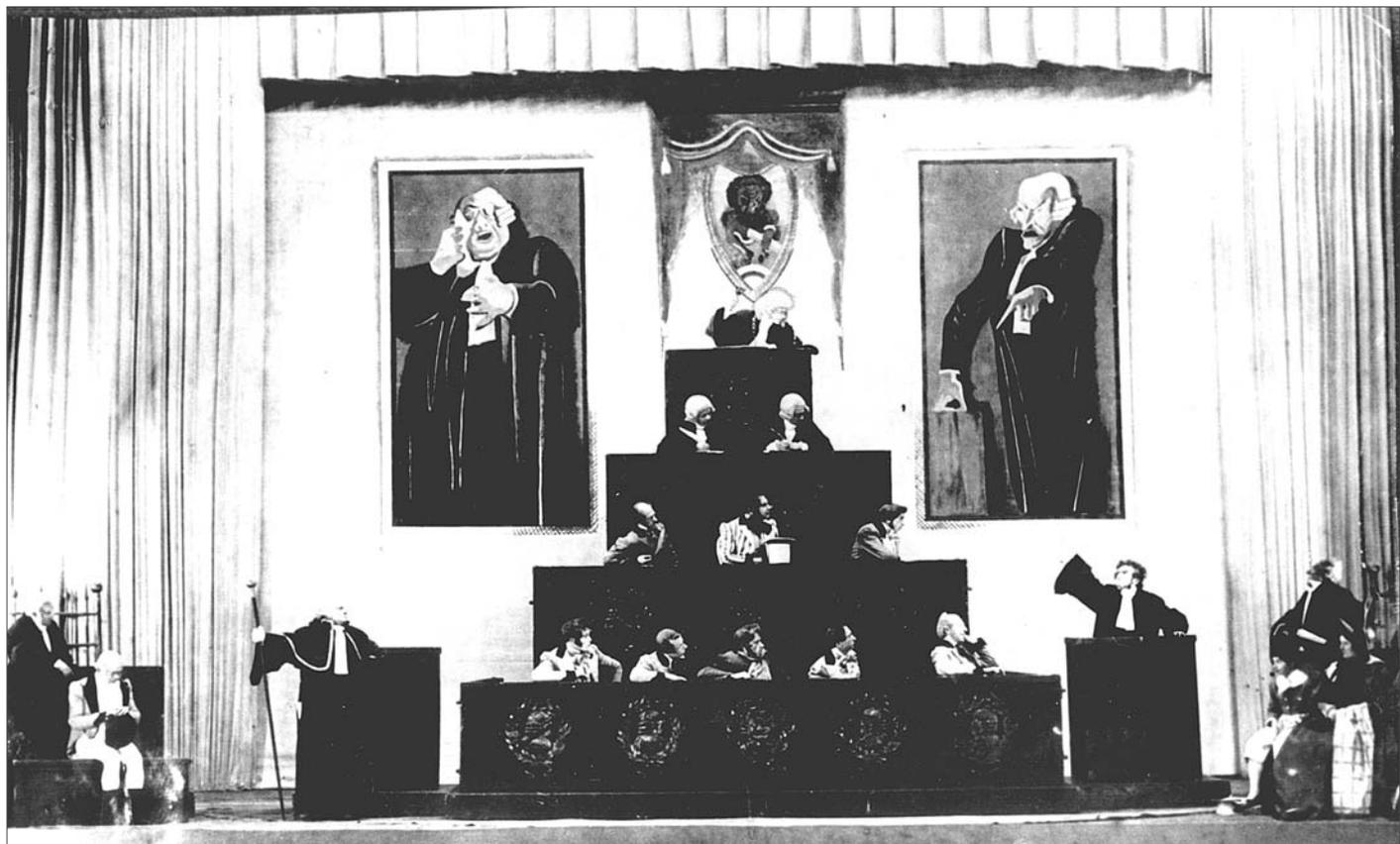
“Пиквикского клуба” Диккенса. По Москве тогда пошли слухи, что пьесу написал Булгаков. Это неправда: Москва любит посплетничать. Наташа приносила готовые куски, в которых она добросовестно старалась сохранить длинные диккенсовские периоды, а М.А. молниеносно переделывал их в короткие сценические диалоги. Было очень интересно наблюдать за этим колдовским превращением. Но Наталия Венкстерн, женщина умная и способная, очень скоро уловила, чего добивался Булгаков.

“Пиквикский клуб” был поставлен в МХАТе в 1934 году В. Станицыным. Декорации в стиле старинной английской раскрашенной гравюры написал П. Вильямс, музыку — Н. Сизов. Некоторые песенки до сих пор еще звучат в моей памяти:

*“Здравствуй, дом,
Прощай, дорога”, —*

много раз напевали москвичи. В роли судьи в этой пьесе в 1935 году выступил М.А. Это была единственная роль, сыгранная им в МХАТе.

Публика любила этот молодой, жизнерадостный спектакль. Мне кажется, он и сейчас был бы интересен и даже нужен для молодежи как образец английской классики».

282.

«На одной из генеральных репетиций «Пиквикского клуба» К.С. Станиславский принимал первую самостоятельную режиссерскую работу В.Я. Станицына. Мне повезло, я сидел совсем близко от Константина Сергеевича, слышал и потом записал кое-что из того, что он говорил шепотом режиссеру.»

Началась сцена «В суде». «Президент» суда, в тяжелом седом парике, с багровым толстым носом и злющими глазками, расставив локти, приступил к допросу. Президент этот, как известно, почему-то яростно ненавидит всех животных и потому не выносит никаких метафор или сравнений из животного мира, а тут ими, как на грех, так и прыщет судейское красноречие. Знаменитая реплика: «Да бросьте вы зверей или я лишу вас слова!» — прозвучала с такой неподдельной яростью, что захохотал весь зал, а громче всех Станиславский. «Кто это?» — быстро прошептал он Станицыну, не узнавая актера. «Булгаков». — «Какой Булгаков?» — «Да наш, наш Булгаков, писатель, автор «Турбиных». —

283.

“Не может быть”. — “Да Булгаков же, Константин Сергеевич, ей-богу!” — “Но ведь он же талантливый...” И опять захохотал на что-то, громко и разительно, как умел хохотать на спектакле только Станиславский».

Виталий Виленкин. «Незабываемые встречи»

284.

281. Наталия Венкстерн.

282. Сцена из спектакля. Наверху пирамиды Президент суда — Михаил Булгаков.

283. Мэри — Софья Пилявская,
Сэм Уэллер — Анатолий Кторов.

284. Михаил Булгаков в роли Президента суда — его единственная роль в МХАТе.

285. Репетиция радиоспектакля «Пиквикский клуб», исполняемого группой артистов МХАТа под руководством Михаила Булгакова. 1934 г.

Глава 43. МХАТ. «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

286.

*«...Итак, мертвые души...
Через девять дней мне испол-
нится 41 год. Это — чудовищно!
Но тем не менее это так.*

*И вот к концу моей писа-
тельской работы я был вынуж-
ден сочинять инсценировки. Ка-
кой блистательный финал, не
правда ли? Я смотрю на полки*

287.

182

и ужасаюсь: кого, кого еще мне придется инсценировать завтра? Тургенева, Лескова, Брокгауза — Ефрона?.. Первый мой план: действие происходит в Риме (не делайте больших глаз!). Раз он видит ее из “прекрасного далека” — и мы так увидим!

Рим мой был уничтожен, лишь только я доложил expose... На сцене сейчас черт знает что... Когда же выйдут “Мертвые души”. По-моему — никогда...»

Из письма М. Булгакова П. Попову, 7.V.32.

«1931 год ознаменован главным образом работой над “Мертвыми душами”, инсценировкой М.А. для Художественного театра. Конечно, будь воля драматурга, он подошел бы к произведению своего обожаемого писателя не так академично, как этого требовал театр. Да он и представил другой, свой любимый вариант или, вернее, план варианта: Го-

289.

290.

291.

голь в Риме. А затем Гоголь исполняет роль Первого — ведет спектакль. Писал М.А. с увлечением и мечтал, представляя себе, как это будет звучать и смотреться со сцены. Текст почти целиком взят из Гоголя: скомпонован он был виртуозно. Но Станиславский не согласился с Булгаковым и остановился на академическом варианте. Мака очень огорчился и все приговаривал: “Как жаль Рима!”, “Где мой Рим?”

184 *Булгаков не только инсценировал “Мертвые души”, но и принимал участие*

292.

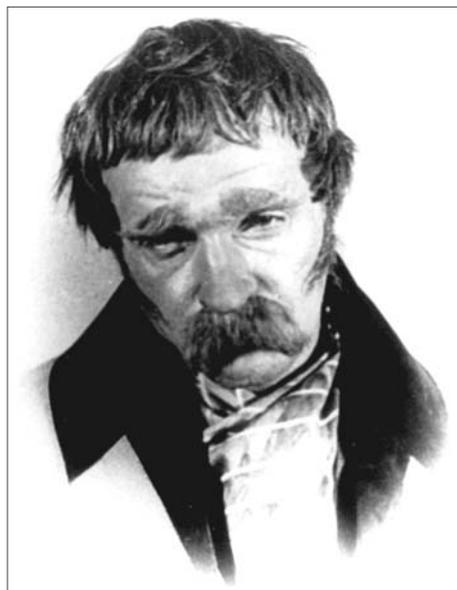

293.

294.

в выпуске спектакля в качестве режиссера-ассистента. В 1932 году “Мертвые души” увидели свет рампы».

Л.Е. Белозерская-Булгакова.
«О, мёд воспоминаний...»

286. Владимир Дмитриев, театральный художник, друг Булгаковых.

287. Сцена из спектакля.

288. В. Дмитриев, эскиз декорации к «Мертвым душам».

289. Ноздрев — Борис Ливанов.

290. Михаил Булгаков. Рисунок Бориса Ливанова.

291. Обложка книги «Дьяволиада».

292. Дарственная надпись Борису Ливанову.

293. Борис Ливанов. Автопортрет.

294. Мижухев — Евгений Калужский — свояк М. Булгакова — муж Ольги Бокшанской.

«Мне всегда казалось, что в авторской индивидуальности Михаила Афанасьевича было много черт, сближавших его с Гоголем, которого он ценил, по-моему, необычайно высоко. Инсценировка, а вернее пьеса, была написана с громадным пониманием и уважением к великому автору. Все необходимые добавления, сделанные Булгаковым, были очень органичными, “гоголевскими” и по духу, и по смыслу... Сделанные Булгаковым прибавки к тексту роли зятя Межуева и заново введенные персонажи... органично слились с бессмертным произведением Гоголя. Михаил Афанасьевич участвовал в постановке “Мертвых душ” и как режиссер-ассистент. Это был его дебют, который показал, что его работа в театре и в этом качестве была плодотворной».

Евгений Калужский. «Человек и друг»

В 2003 году в московском издательстве «Дрофа-Плюс» вышла книга с уже очень знакомым названием — **«Театральный роман»**. Книга эта необычна — в нее кроме текста булгаковского романа включен целый живописный альбом — несколько десятков рисунков работы прославленного артиста МХАТа Бориса Ливанова.

Составитель этой книги — сын Бориса Николаевича, народный артист России Василий Ливанов (лучший Шерлок Холмс мирового кинематографа), а своеобразный комментарий к рисункам — обстоятельная статья булгаковедки и театроведа Галины Георгиевны Панфиловой-Шнейтер — **«Михаил Булгаков: «Этот мир — мой!»**.

Отрывками из этой статьи-исследования мы сопровождаем наш рассказ о давнем спектакле МХАТа:

«Михаил Афанасьевич Булгаков к началу сотрудничества с МХАТом был автором не только романа, но и нескольких блистательных рассказов и повестей. Скромная слава начинающего талантливого писателя уже прокатилась по переулкам Москвы и даже отозвалась за границей...

Одним из московских красавцев был Борис Николаевич Ливанов — в романе М. Булгакова Петр Бомбардов.

“Человек моих примерно лет, худой, высокий, подошел ко мне и назвал себя:

— Петр Бомбардов... С первого же момента я почему-то подружился с Бомбардовым. Он произвел на меня впечатление очень умного, наблюдательного человека”.

В семье Ливановых хранится драгоценная книга, “Дьяволиада” М. Булгакова, 1925 года издания, с надписью автора на титульном листе:

“Актеру 1-го ранга в знак искренней любви и дружбы — Борису Николаевичу Ливанову. М. Булгаков. Актерское фойе МХТ в сумерках 4.XI.1931 г.”

Ни один артист Художественного театра не удостоился такой высокой похвалы писателя. Булгаков и Ливанов дружили и нередко устраивали соревнования — чья шутка или розыгрыш окажутся наиболее остроумными. Встречаясь по утрам, до репетиции, в буфете театра, Борис Николаевич с Михаилом Афанасьевичем обменивались остротами. Удачно состривший получал двадцать копеек. В театре Б.Н. Ливанов служил седьмой сезон, был моложе своих товарищей, выпускников Второй студии, ставших знаменитыми после премьеры “Дни Турбиных”, но тоже участвовал в этой постановке — играл петлюровца Галаньбу...

Борис Николаевич не терпел серости ни в жизни, ни в искусстве. Когда бывал с чем-то не согласен — говорил об этом прямо, приспособляться не умел. Был легкораним, но при этом самолюбив и горд. Когда во МХАТе начались перемены, Ливанов ушел из театра — точно так же, как в 1936 году ушел Булгаков...

Булгаков не скрывал, что роман автобиографичен и имеет прямое отношение к Художественному театру, он даже оставил подробный список персонажей, хранившийся у Ф.Н. Михальского. При этом писатель в прологе сообщал: “Театра такого не было и нет, а поскольку автор — покойник, то и спрашивать не с кого”.

Многие герои “Театрального романа” легко узнаваемы — сходство с прототипами, можно сказать, портретное. Молодые артисты МХАТа, такие, как Михаил Яншин, Николай Хмелев, Марк Прудкин, Евгений Калужский, Виктор Станицын,

292а. «Театральный роман» с рисунками Бориса Ливанова.

192в. В. Дмитриев.
Эскиз декорации к «Мертвым душам».

режиссер Илья Судаков (выведенные в романе под именами Патрикеев, Аргунин, Владычинский и другие), еще только начинали театральную карьеру. Со многими из них Булгаков был связан узами дружбы.

Уже после кончины писателя его вдова Е.С. Булгакова составила список его врагов, но среди них не было художественников. Елена Сергеевна сохранила дружбу со многими артистами. Часто бывала на премьерах и любимых спектаклях. Федору Николаевичу Михальскому доверяла особо.

Некоторые рукописи Булгакова хранились у него в музейном сейфе.

К восьмидесятилетию со дня рождения писателя в 1971 году в музее МХАТа состоялся вечер его памяти. Кинозал театра утопал в цветах. Под звуки любимой Михаилом Афанасьевичем оперы Ш. Гуно «Фауст» входили гости, народу собралось столько, что люди стояли у стен и в дверях...»

Г. Панфилова-Шнейтер

Глава 44. МХАТ. 1936 ГОД. ТРАГЕДИЯ «МОЛЬЕРА»

295.

«...Память высвечивает отдельные моменты нашей театральной жизни. Вспоминается мне, как читал Михаил Афанасьевич Булгаков свою “Кабалу святош” (“Мольер”). Вся группа и режиссура собрались в нижнем фойе. Как же читал! Прошло больше 50 лет, а я и сейчас помню его голос, его глаза, когда он, Мольер, говорит Мадлене в конце первого акта:

“Не терзай меня”, и это тоскливое в последнем акте: “Мадлену мне! Посоветоваться! Помогите!”. Казалось, что никто не сможет сыграть так, как он. И так было с каждой ролью — и мужской, и женской».

Софья Пилявская. «По долгу памяти»

296.

295. Выставочный стенд, сделанный во МХАТе в память о спектакле «Мольер», по сути, — это как бы надгробный памятник гениальной пьесе Булгакова.

296. Афиша премьеры «Мольера».

М О Л Ъ Е Р	
Действующие лица:	
Жан Батист Мольер, великий драматург и актер	Засл. Арт. Респ. Б. И. Овладья
Мадлен Бевар, первая жена Мольера, актриса	Засл. Арт. Респ. А. И. Карпова
Аннада Бевар, ее сестра, впоследствии вторая жена Мольера, актриса	А. О. Стенькина,
Лиз-Блан, актер и секретарь театра Мольера	Г. А. Герасимов,
Мурзюк, придворный слуга Мольера, актер его театра	Засл. Арт. Респ. Б. И. Афанасьев
Дю-Крэнк, актер и режиссер в театре Мольера	И. И. Курочкин
Бюго, титулярный советник в театре Мольера и личный друг Мольера	Засл. Арт. Респ. Е. И. Яковлев
Шарлотта, привратный фокусник	И. И. Яковлев
Мальчик в камелии	И. А. Шаповалов
Рези, служанка Мольера	А. А. Шароветкина
Альфонс XIV маркиз Брианде	И. П. Соловьев
Герцог д'Урсинья, капитан первого мундшкетера	Засл. Арт. Респ. И. А. Петрович
Арданвильский Парижский, маркиз де Шарден	И. И. Соколов
Брат Перисотт, член пьесы	Е. В. Кауфман
Брат Сильв, ее брат	И. А. Шугаев
Отец Перисотт, мундшкетер-пикарец	А. И. Карев
Польдонне, в маске	И. В. Павлов
Актёры труппы Мольера, парижские Людовика XIVго, мундшкетеры, лакеи, члены труппы обихода «Кабала святош»	Действие происходит в Париже в XVIII в. (1658—1673).
I-й акт.	
Первая картина. «В театре Пала-Рояль».	
Вторая картина. «В уборной Мольера в театре Пала-Рояль».	
Между I-м и II-м актом проходит 10 лет.	
II-й акт.	
Первая картина. «Во дворце Людовика XIV».	
Вторая картина. «В доме Мольера».	
III-й акт.	
Первая картина. «В подвале скарма на заднем дворе «Кабала св. пьесы»».	
Вторая картина. «В соборе».	
Третья картина. «В королевской приемной».	
IV-й акт.	
Первая картина «В комнате Рези».	
Вторая и Третья картины. «В театре Пала-Рояль».	
Постановка И. М. Горькова	
Режиссер-ассистенты И. А. Булгаков, Засл. арт. Респ. Б. И. Афанасьев, и В. В. Протасевич	
Художник — П. В. Валдаев, Костюмы — Засл. арт. Респ. И. И. Удальцов и П. В. Валдаев	
Музыка Илья-арт. Респ. Р. И. Гаврилов	
Декорации и танцы Засл. арт. Респ. В. А. Райдел	
Директор — Засл. арт. Респ. Е. А. Параванский	
Композитор — И. И. Колосов	
Пом. Режиссера И. В. Шаповалов, В. В. Галбин	

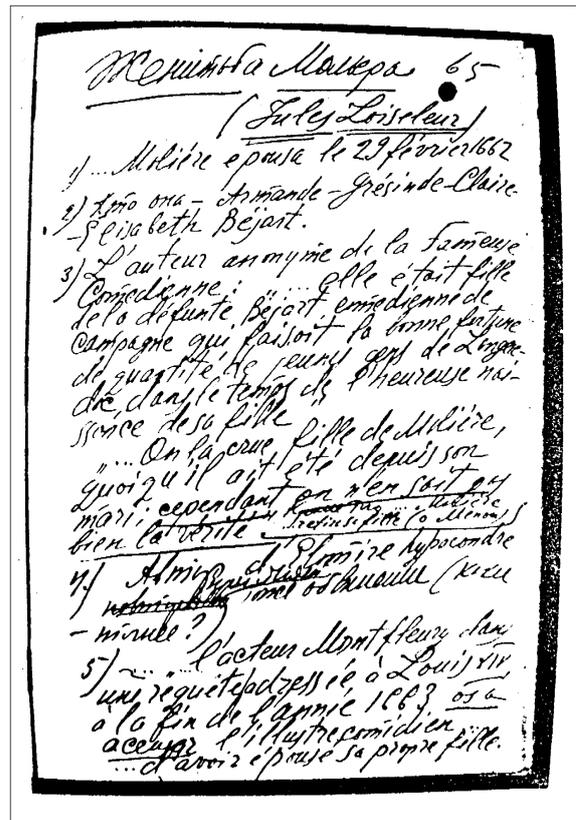
«... Ну что ж, репетируем. Но редко, медленно. И, скажу по секрету, смотрю на это мрачно. Люся без раздражения не может говорить о том, что проделывает театр с этой пьесой».

М. Булгаков. Из письма П. Попову, 14 марта 1934 г.

297.

«История Мольера в жизни Миши такова: он считал Мольера лучшим драматургом мира, поклонялся, обожал его. В 1929 году он стал писать пьесу о Мольере, она называлась «Кабала святош»... Пьесу сначала репертуарный комитет запретил, но потом, под давлением Горького, высоко оценившего эту вещь, разрешение на постановку было дано. МХАТ взял эту пьесу, но по разным, совершенно не относящимся к пьесе обстоятельствам маринвал ее: то репетиции шли очень интенсивно, то совсем прекращались. Время шло, прошло пять с лишним лет, когда наконец состоялась премьера «Мольера». Спектакль, несмотря на то что Миша не был доволен составом, прошел блестяще для публики: было шесть репетиций публичных и семь спектаклей. Каждый раз давали массу раз занавес — от 15—25 раз. И тем не менее после седьмого представления спектакль был снят. Это было

298.

297. Программка спектакля, снятого после семи представлений...

298. Страница рукописи пьесы «Кабала святош» («Мольер»), написанная Булгаковым на французском языке.

299.

4 марта 1936 года — последний спектакль, а статья в газете (имеется в виду редакционная статья в “Правде” “Внешний блеск и фальшивое содержание”. — Ю.К.) 9 марта 1936 года...»

Е. Булгакова. Из письма Н. Булгакову
от 17 декабря 1961 г.

299. Петр Вильямс. Эскиз декорации к «Мольеру».

300. Михаил Булгаков на генеральной репетиции «Мольера». 5 февр. 1936 г.

301. Мольер — В. Станицын.

302. Людовик XIV — М. Болдуман.

303. Арманда — А. Степанова.

304. Бутон — М. Яншин.

300.

191

301.
302.

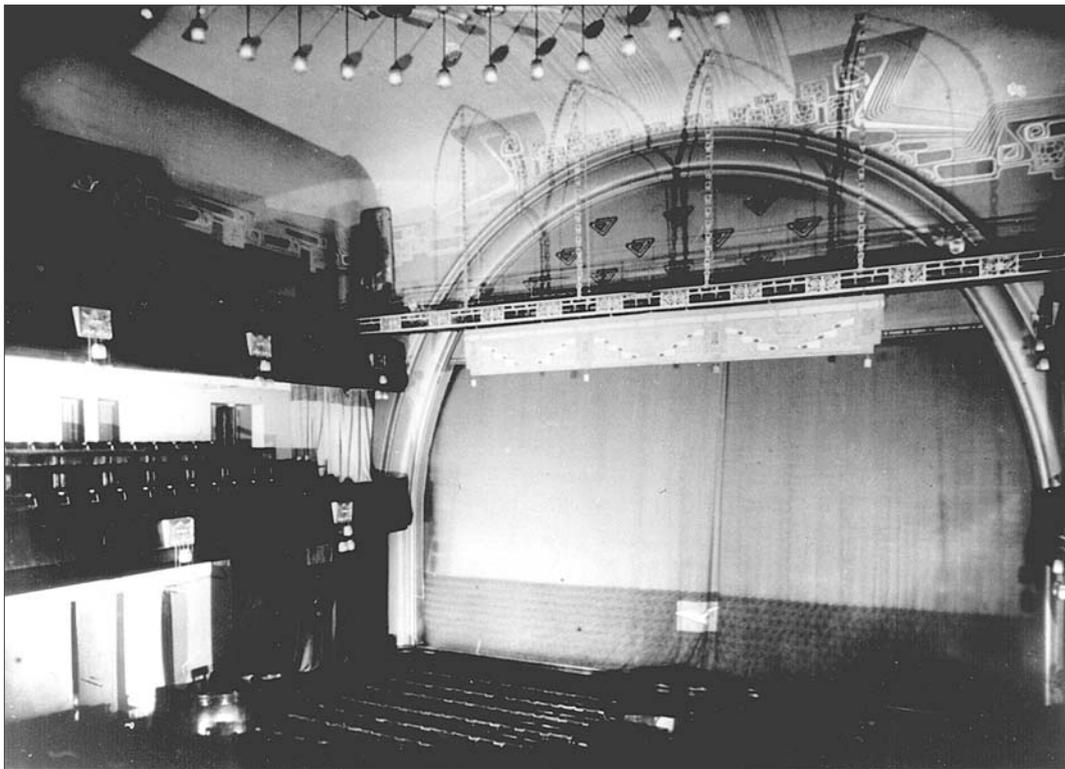
303.
304.

Глава 45. ВОЖДЕЛЕННЫЕ ПОДМОСТКИ

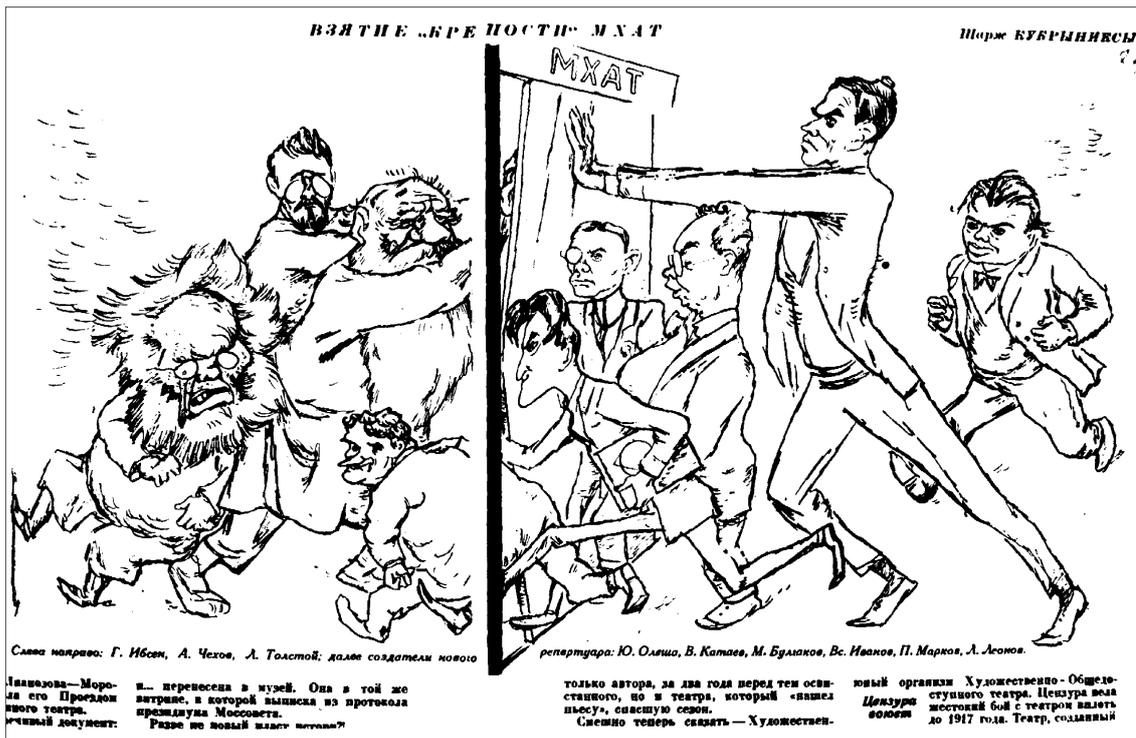
О чем уж таком неизвестном может рассказать этот стародавний шарж прославленного коллектива художников Кукрыниксов?

Казалось бы, все ясно: молодые советские драматурги рвутся во МХАТ, в этот зал с его столь привлекательным занавесом — чайкой, а старики-классики их не пускают; и фамилии, обозначенные под рисунком, просвещенному читателю хорошо известны. Вот, может, только П. Марков знаком не каждому — поэтому поясним: это Павел Марков, заведующий литературной частью театра в ту пору, и его стремление помочь «молодняку» преодолеть сопротивление «стариков» вполне понятно... Вот-вот рухнет преграда — Олеша, как самый маленький, уже наполовину проскользнул... В общей баталии не принимает участия только Михаил Булгаков — стоит себе в сторонке и взирает через свой знаменитый монокль на драматургический ажиотаж. Ему-то

305.

306.

чего волноваться, он уже упрочился в репертуаре, и, похоже, монокль его сродни телескопу — позволяет видеть вещи очень далекие, например, то, что пьесы напористых претендентов совсем недолго продержатся на сцене этого авторитетного театра и одна за другой с нее сойдут... Потому-то и выражение его лица такое скептическое... Правда, он еще не знает, что скоро в дневнике его жены Елены Сергеевны появится вот такая запись: «В мхатовской газете “Горьковец” отрицательные отзывы о “Мольере”... Всеволода Иванова, Олеша... Спектакль имеет оглушительный успех. Сегодня бесчисленное количество занавесов...» Может быть, они уже знали, куда ветер дует, и что через несколько дней об этой пьесе в «Правде» появится разгромная статья под заголовком «Внешний блеск и фальшивое содержание», после чего спектакль тут же будет запрещен? Но как бы там ни было, а булгаковские пьесы, в отличие от пьес его критиков-доброхотов и других, так рьяно рвавшихся в МХАТ персонажей шаржа, идут на его сцене до сих пор, как и на сценах многих театров России и ближнего и дальнего зарубежья...

305. Зрительный зал МХАТа со старым занавесом 1920-х гг.

306. Кукрыниксы. Шарж «Взятие “крепости” МХАТ».

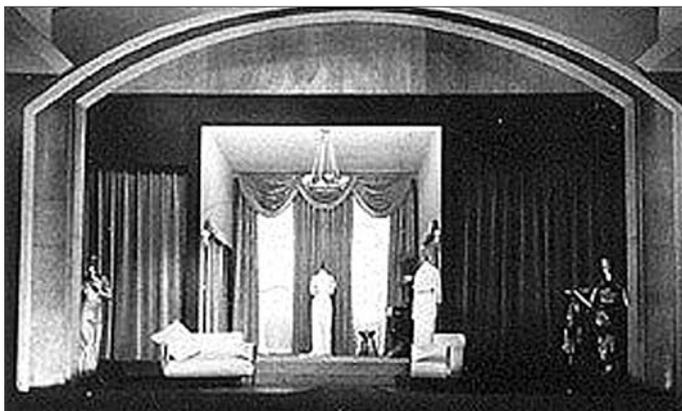
Глава 46. «ЗОЙКИНА КВАРТИРА» В ПАРИЖЕ

Запрет на постановку булгаковских пьес, к счастью, не распространялся на зарубежные страны, которые проявляли живейший интерес к творчеству русского драматурга. В разных театрах мира некоторые из его пьес уже шли, а где-то и готовились к постановке. Но и там не все было так просто — при отсутствии цензуры имелись свои мало-симпатичные особенности — желание подстроить текст под идеологические симпатии и антипатии, и главное — проблемы финансово-правовые. Активизировались жулики, норовящие погреть руки на авторском гонораре, и бороться с ними было так же трудно, а порой и невозможно, как это происходит сейчас у нас...

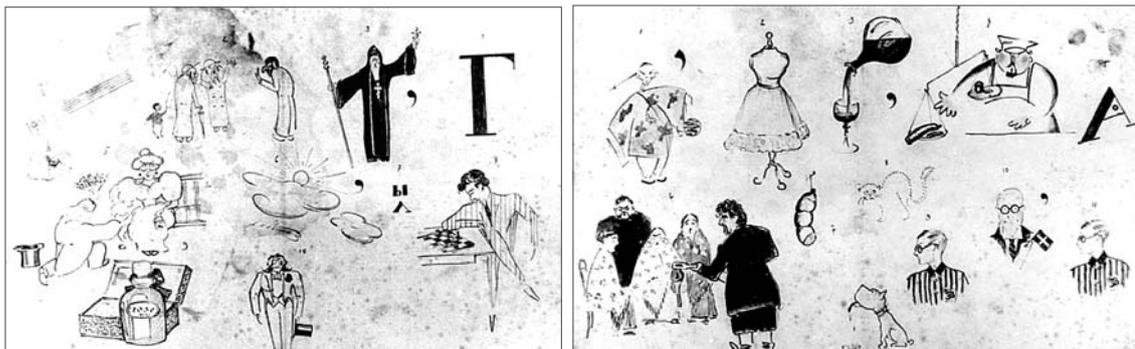
Многое пришлось претерпеть при подготовке «Зойкиной квартиры» в парижском театре Vieux Colombier («Старая голубятня»). Это видно из переписки Михаила Булгакова с братом Николаем, жившим в Париже. 1 августа 1934 года он ему

307.

195

308.

пишет: «Прошу тебя со всей внушительностью и категорически добиться исправления неприятнейших искажений моего текста, которые заключаются в том, что переводчик вставил в первом акте (а, возможно, и еще где-нибудь) имена Ленина и Сталина. Прошу тебя добиться, чтобы они были немедленно вычеркнуты. Я надеюсь, что тут нечего долго объяснять, насколько неуместно введение фамилий членов правительства СССР в комедию. Так нельзя исказить текст!..»

307. «Зойкина квартира» в Париже.

308. Эскизы-ребусы Сергея Топленинова к пьесам Булгакова.

Глава 47. ФРАК ИЛИ ЧЕРНЫЙ ПИДЖАК

Наталии Ушаковой принадлежит авторство одного из самых известных фотопортретов Михаила Булгакова — в черном костюме на балконе.

Наталия Абрамовна рассказывала, что этот снимок, как и другой — в комнате, — сделаны в середине 30-х годов, в один и тот же день. Благодаря дневникам Елены Сергеевны удалось датировать эти две фотографии более точно: 29 марта 1935 года Булгаковы получили приглашение на прием в американское посольство. Прием был назначен на 23 апреля, на приглашении была помета: «Фрак или черный пиджак». Никакого фрака у Булгакова, разумеется, не было и черного пиджака тоже... Елена Сергеевна организовала срочную покупку в Торгсине, вероятно, в том самом, что описан в романе «Мастер и Маргарита», настоящего «фрачного» материала, и был заказан у портного костюм. 23 апреля Елена Сергеевна описала в своем дневнике и прием, и: *«М.А. в черном костюме»*. Наталия Ушакова вспоминала, что именно в эти дни было «увековечено» на снимках такое знаменательное событие, как приобретение черного костюма. Так что оба эти снимка следует датировать двадцатыми числами апреля 1935 года...

309.

309. Один из лучших портретов писателя — на балконе квартиры в Нащокинском переулке. Апрель 1935 г.

310.

311.

310. Елена и Михаил
Булгаковы, снимок сделан
в тот же день.

311. Торгсин на Смоленской
площади. 1935 г.

Глава 48. УИЛЬЯМ БУЛЛИТ И ДРУГИЕ

312.

«Посол США в России (1933—1936) и во Франции (1936—1941) Уильям Буллит... дипломатам известен как человек, игравший ключевую роль во внешней политике США перед Второй мировой войной. Узкому кругу историков-славистов его фамилия знакома еще в связи с тем, что он поддерживал какие-то отношения со знаменитым писателем Михаилом Булгаковым».

Александр Эткинд.
«Посол и сатана: Уильям К. Буллит в булгаковской Москве»

313.

Книга А. Эткинда «Эрос невозможного», в которую входит глава об У. Буллите и М. Булгакове, известна только узкому кругу специалистов. Поэтому стоит расширить круг людей, осведомленных о том, что за отношения были между послом США и опальным русским писателем. Лучшее об этом может рассказать Дневник Елены Булгаковой.

1933 год. «19 декабря... Женичка приготовил для Миши вырезку из «Вечерней Москвы»: американский посол Буллит был на «Турбиных» и в книге театра написал: прекрасная пьеса, прекрасное исполнение...»

312. Уильям Буллит в бытность послом США в Москве. 1933 г.
Портрет специально для этой книги предоставлен архивом Государственного департамента США.

313. Резиденция посла США — Спасо-Хаус, основанная в 1933 году Буллитом — первым послом США в СССР, назначенным сразу по установлении дипломатических отношений. Здесь она располагается и поныне.

1934 год.

«27 марта.... Дома нашли записку: приходил какой-то служащий Интуриста, просит дать экземпляр «Турбиных» для американского посла Буллита»...

«6 сентября... Итак. Второго мы опоздали и пришли ко второй картине... Американцы были налицо. Во втором ряду — Буллит с дочкой... Во втором (антракте) — Вельс подвел Буллита. После чего все, под предводительством Феди Михальского, пошли за кулисы. В следующем антракте Буллит опять подошел к нам. Он сказал, что смотрит пьесу в пятый раз, всячески хвалил ее. Он смотрит, имея в руках английский экземпляр пьесы, говорит, что первые спектакли часто смотрел в него, теперь редко...»

314.

Среди американских друзей Булгакова был и секретарь посольства Чарльз Болен (в пятидесятые годы — посол США в Москве). Вновь обратимся к Дневнику Елены Булгаковой:

1935 год.

«11 апреля... Утром позвонил Жуховицкий. Когда мы можем назначить день — Болену (секретарю посла) очень хочется пригласить нас обедать. М.А. вместо ответа пригласил Болена, Тейера (тоже секретарь) и Жуховицкого к нам сегодня вечером. Ужин — икра, лососина, домашний паштет, редиски, свежие огурцы, шампиньоны жареные, водка, белое вино. Американцы говорят по-русски, Болен — совсем хорошо. М.А. показал свои фотографии и сказал, что подает прошение о заграничных паспортах. Жуховицкий подавился. А американцы нашли, что это очень хорошо, что ехать надо. Болен хочет вместе с Жуховицким переводить на английский “Зойкину квартиру”. На прощание сговорились — девятнадцатого придем к Болену обедать...»

«23 апреля... Бал у американского посла. М.А. в черном костюме. У меня вечернее платье исчерна-синее с бледно-розовыми цветами. Поехали к двенадцати часам. Все во фраках, было только несколько смокингов и пиджаков... Болен и Файмонвилл спустились к нам в вестибюль, чтобы помочь. Буллит поручил м-с Уайли нас занимать. В зале с колоннами танцуют, с хор — прожектора разноцветные. За сеткой — птицы — масса — порхают. Оркестр, выписанный из Стокгольма. М.А. пленялся больше всего фраком дирижера — до пят. Ужин в спе-

циально пристроенной для этого бала к посольскому особняку столовой, на отдельных столиках. В углах столовой — выгоны небольшие, на них — козлята, овечки, медвежата. По стенкам — клетки с петухами. Часа в три заиграли гармоники и петухи запели... Хотели уехать часа в три, американцы не пустили — и секретари, и Файмонвилл (атташе), и Уорд все время были с нами. Около шести мы сели в их посольский кадиллак и поехали домой. Привезла домой громадный букет тюльпанов от Боолена».

«29 апреля... У нас вечером — жена советника Уайли, Боолен, Тейер, Дюброу и еще один американец, приятель Боолена... Уайли привезла мне красные розы, а Боолен — М.А. — виски и польскую зубровку. М.А. читал первый акт “Зойкиной квартиры” — по просьбе Боолена. Читал — в окончательной редакции. Боолен еще раз попросил дать им “Зойкину” для перевода на английский. М.А. дал первый акт пока... Разошлись около трех часов...»

«18 октября. Звонили из американского посольства: “Мистер Буллит просит миссис и мистера Булгаковых в пять часов, будет кино, буфет, дипломатический корпус”... После картины Буллит подошел, и долго разговаривали сначала о “Турбинных”, которые ему страшно нравятся, а потом — “Когда пойдет “Мольер”?...”

«Удивительно странный вечер, — думала Маргарита, — я всего ожидала, но только не этого... Но самое поразительное — размеры этого помещения. Каким образом всё это может втиснуться в московскую квартиру? Просто-напросто никак не может!.. Маргарита поняла, что она находится в совершенно необъятном зале, да еще с колоннадой, темной и по первому впечатлению бесконечной...»

М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

1936 год.

«16 февраля. Сегодня в 4.30 были по приглашению из посольства у американского посла. Он только что вернулся из Америки. Гости — дипломатический корпус, немного русских... Буллит, как всегда, очень любезен, расспрашивал о “Мольере”, просил его позвать на спектакль...

21 февраля... Общественный просмотр “Мольера”. Был Буллит... За чаем в антракте (Буллит, Хенниссен — муж и жена, Дюброу и я) Буллит необычайно хвалебно говорил о пьесе, о М.А. вообще, называл его мастером. Успех. Столько же занавесов — около двадцати...

28 марта... Были в 4.30 у Буллита. Американцы — и он тоже в том числе — были еще милее, чем всегда. Дочка норвежского посла говорила, что “Турбинных” готовят в Норвегии и что они шли в Лондоне. Другая —

ее сестра — говорила, что смотрела “Турбиных” в Москве двадцать два раза...

3 апреля... Арестовали Колю Лямина...»

Замечание, что американцы были еще милее, чем всегда, становится понятным, если вспомнить, что незадолго до этой встречи был запрещен «Мольер», и 14 марта, когда Буллит в очередной — или не очередной? — раз их пригласил, они решили не идти: «не хочется выслушивать сочувствий, расспросов». Тем трогательнее выглядело желание поддержать их морально в столь нелегкий для Булгаковых момент. А вот запись об аресте Коли Лямина, казалось бы, не имеющая отношения к теме нашего разговора, здесь приведена не случайно. Есть все основания полагать, что это был еще один удар по Булгакову, для которого Лямин значил очень много, так как был его лучшим, самым близким другом. Может быть, самого Михаила Афанасьевича потому и не трогали, что он был слишком заметной фигурой в культурной жизни страны, настолько заметной, что всегда был зван на приемы в американское посольство наряду с «вождями» и прочим «бомондом»? И явное покровительство самого посла тоже нельзя было сбрасывать со счетов. Это

316.

был 1936 год, канун Большого террора, и явное покровительство самого посла тоже нельзя было сбрасывать со счетов. И один из американских друзей Булгаковых, наблюдавший все, что происходило в то время в СССР, потом напишет свою знаменитую книгу, так и названную — «Большой террор». Имя этого американского дипломата — Джордж Кеннан. Вот что мы читаем о нем в Дневнике Елены Сергеевны:

«18 апреля. Вечером у нас были Кунихольмы, Кеннан и Дмитриев. Разговор больше всего о Чехове, которого Кеннан изучает. М.А. подарил Кеннану конверт, адресованный Чехову, веточку из его сада в Аутке и маленький список книг, написанный характерным бисерным почерком Чехова.

Все это М.А. получил в подарок от Марьи Павловны, когда был на даче в Аутке, если не ошибаюсь, в 1929 году».

В середине сороковых годов Джордж Кеннан был консулом в Москве, а в 1952-м вернулся сюда послом, но вскоре был объявлен персоной нон грата... О нем, авторе многих книг, в Большой дипломатической энциклопедии, изданной в США, есть загадочная фраза: *«То обстоятельство, что он в деле с 1947 года, — как пишет Пилат, — сделало его эффективнейшим руководителем американского дипломатического корпуса».* А вот что это за Пилат, мне пока выяснить не удалось...

Буллит не мог изменить условия, в которые был поставлен выдающийся русский писатель, но стремился хоть чем-то ему помочь. Известный театровед Виталий Виленкин, бывший в тридцатые годы сотрудником литературной части МХАТа, рассказывал мне, как Буллит на общественном просмотре «Мольера», встав на стул и высоко подняв руки, демонстративно громко аплодировал — ему была известна непростая ситуация с выходом этого спектакля, и он хотел хоть таким путем поддержать автора пьесы...

«— Нет, — ответила Маргарита, — более всего меня поражает, где всё это помещается. — Она повела рукой, подчеркивая этим необъятность зала...»

317.

Коровьев сладко ухмыльнулся...

— Самое несложное из всего! — ответил он. — Тем, кто хорошо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных пределов. Скажу вам более, уважаемая госпожа, до черт знает каких пределов!»

М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

314. Чарльз Боулен.

316. Джордж Кеннан.

315, 317. Залы Спасо-Хауса — прототип «резиденции» бала Сатаны.

Глава 49. КВАРТИРА В НАЩОКИНСКОМ — РАЙ В ШАЛАШЕ

Михаил Булгаков, скорее всего, не знал немецкой поговорки, что плохой квартирой человека можно убить, как топором, но всем своим нутром ощущал эту

318. Елена и Михаил Булгаковы. 1936 г.

319, 320. Последний адрес Михаила Булгакова: Нащокинский переулок (одно время был переименован в улицу Фурманова, но теперь ему вернули прежнее название), дом 3, квартира 44, на балконе четвертого этажа сделан знаменитый портрет писателя.

«...Светлый терем с балконом на море».

Владимир Высоцкий

318.

319.

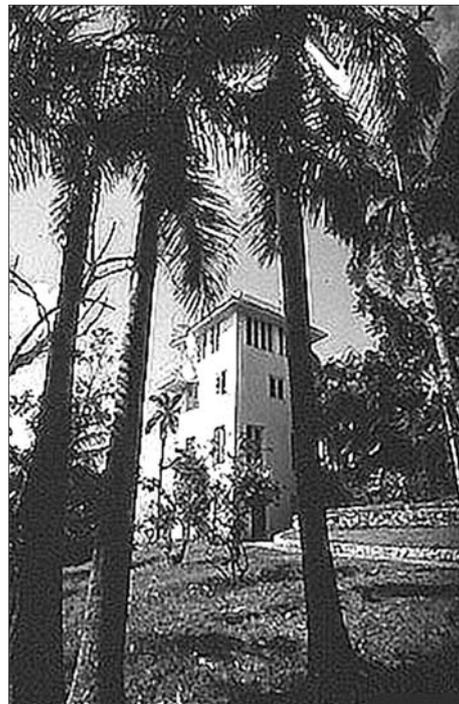

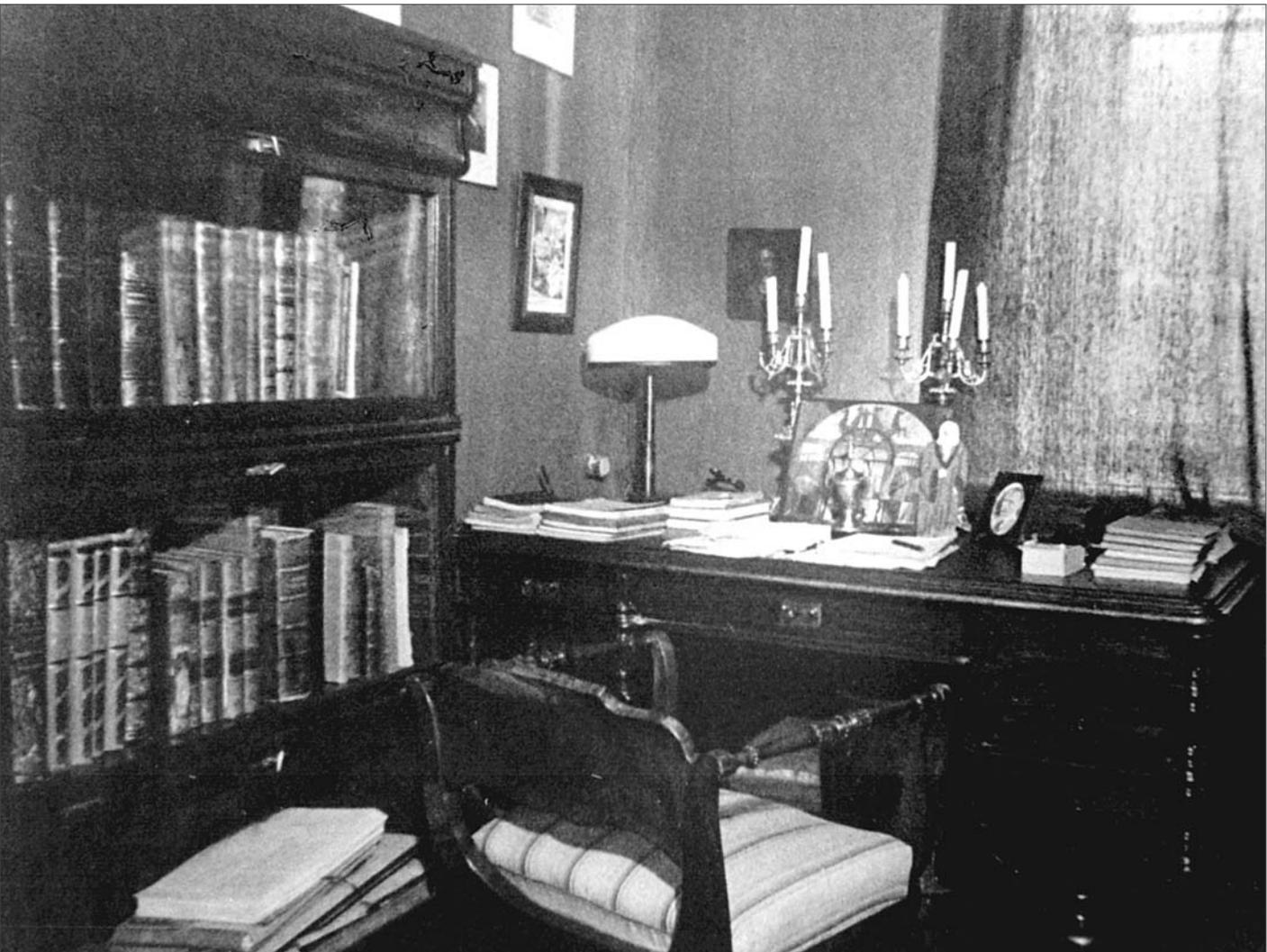

320.

мысль. Сохранив на всю жизнь память об уюте и покое родного киевского своего дома, он очень страдал от тех кошмарных условий, в которых ему пришлось существовать в послереволюционные годы, что нашло отражение и в его письмах, и в его дневниках, и, само собой разумеется, во многих произведениях. Недаром Воланд произносит свою знаменитую тираду по поводу того, что квартирный вопрос испортил советских людей. Правда, он говорил о москвичах, но понимать это надо шире. Союз писателей обманул Булгаковых и не дал им квартиры в хорошем новом доме по соседству с Третьяковской галереей, хотя они раньше других внесли за нее деньги, и этот писательский дом заполнили далеко не одни писатели... Поэто-

321.

322. му Булгаковы с таким нетерпением ждали, когда же закончится возведение надстройки — для писателей в доме № 3 в Нащокинском переулке — и так радовались, когда 18 февраля 1934 года в него вселились. Это уже потом выяснится, что жить в нем не так удобно, как это показалось поначалу, — в нем были большая слышимость, разные недоделки...

Вот что писал Булгаков Вересаеву об этом событии 6 марта, спустя две недели после переезда:

«Замечательный дом, клянусь! Писатели живут и сверху, и снизу, и сзади, и спереди, и сбоку. Молю Бога о том, чтобы дом стоял нерушимо. Я счастлив, что убрался из сырой Пироговской ямы. А какое блаженство не ездить в трамвае! Викентий Викентьевич! Правда, у нас прохлад-

но, в уборной что-то не ладится и течет на пол из бака, и, наверное, будут еще какие-нибудь неполадки, но все же я счастлив. Лишь бы только стоял дом».

Итак, у них трехкомнатная квартира — отдельная! По тем временам почти чудо... Из большой столовой-гостиной в одну сторону небольшая комната Сережи, а в другую — кабинет, он же спальня... Особенно не разгуляешься. Каждый метр площади используется предельно рационально, что хорошо видно на фотографиях.

323.

Вспоминает Софья Пилявская: *«... Вне театра Булгаковых — еще неженатых — мы с мужем увидели в доме Шиловского — первого мужа Елены Сергеевны. (Туда мы попали через Ольгу Бокшанскую.) С 1938 года мы уже допускались в Нащокинский переулок. В скромную небольшую квартиру, с такой любовью созданную умными руками Елены Сергеевны. Бывая там среди замечательных людей театра тех лет — актеров, художников, писателей и музыкантов, — мы, скромные молодые актеры, учились понимать, ценить и на всю жизнь глубоко полюбили этого необыкновенного писателя, драматурга, человека. Полюбили его юмор без улыбки. Его бескомпромиссность в суждениях, его строгий вкус и душевную деликатность».*

В гостиной стоял вроде бы обыкновенный рояль, но это лишь с виду обыкновенный, а по сути это был рояль историче-

324.

325.

ский — приходя в гости к Булгаковым, на нем играли известнейшие музыканты — композиторы, дирижеры, просто исполнители... Назовем лишь некоторых из них — Шостакович, Прокофьев, Шапорин, Мелик-Пашаев, Дунаевский, Шебалин, Асафьев, Соловьев-Седой, Потоцкий... Многие из них работали совместно с Михаилом Булгаковым над операми, которым, к сожалению, не было дано увидеть свет рампы... И разумеется, список этих блистательных имен соотносится не с роялем, а с Булгаковыми, дом которых был широко и хлебосольно открыт для людей творческих. Просто непостижимо, как

мог работать писатель при таком наплыве людей, каждый из которых был необычайно интересен, но требовал к себе внимания...

Булгаковы каким-то мистическим образом сумели раздвинуть стены своего дома до беспредельной широты, совсем как в «нехорошей квартире» на Садовой 302-бис во время весеннего бала Воланда. Впрочем, это можно сделать, простораспахнув окно, даже не то венецианское, дарованное Мастеру в его вечном доме, но и любое другое окно, ведущее в наш беспредельный мир, что тоже вполне по-булгаковски...

327.

328.

Годы, прожитые в этой квартире Михаилом и Еленой Булгаковыми, были самыми счастливыми годами в жизни этих людей, но их им было отпущено трагически мало.

321 и 323. На этих снимках (для сравнения) — башня-флигель при доме Хемингуэя на Кубе и его рабочее место — у него здесь был прекрасный кабинет, но работал он в спальне, писал, стоя босиком на меховом коврикe. Писатели одного поколения и равного таланта, но Булгаков оказался в иных социальных условиях.

322. Рабочий стол писателя Булгакова.

324. Членский билет Союза писателей...

325. Михаил Булгаков.

330.

331.

332.

333.

334.

326. Александровское бюро, за которым любил работать писатель.

327, 328. Интерьеры квартиры.

330. В гостиной стоял вроде бы обыкновенный рояль...

331. Михаил Булгаков.

332. Александр Мелик-Пашаев.

333. Дмитрий Шостакович.

334. Исаак Дунаевский.

335. Юрий Шапорин.

336. Сергей Прокофьев.

335.

336.

337.

337. Картина, написанная Владимиром Дмитриевым «вдогонку», — Булгакова уже не было на свете, когда художник изобразил его по памяти в интерьере квартиры.

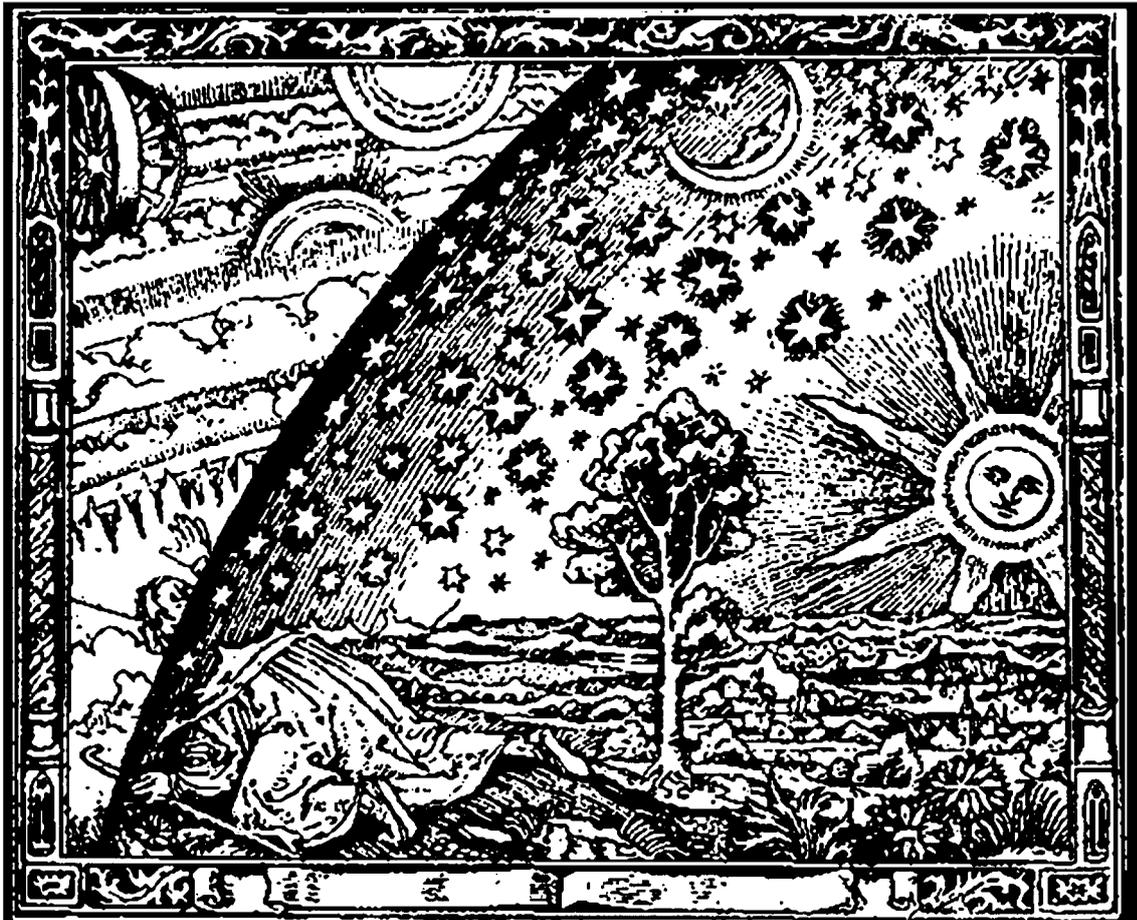
338. Елена Булгакова, увы, уже без своего Мастера в их добром доме.

338.

Глава 50. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». ЗЕМЛЯ — ЛУНА — КОСМОС...

Тема Луны? Ей в романе уделено так много места, что она явно несет на себе далеко не «пейзажную» нагрузку и служит средством эмоционального воздействия на читателя. По существу, это ведь своего рода взаимодействие и взаимопроникновение света и тьмы. И герои идут к Луне не просто прогуляться, хотя и кажется, что им до нее рукой подать. А впрочем, и тут писатель оказался провидцем, и Луна, как мы знаем, стала для людей вполне досягаема — по ней даже на автомобиле астронавты раскатывали... Так что теперь Булгаков мог бы посмотреть на нее «обратным взглядом», то есть

339.

340.

339. С древних времен людей донимал вопрос: что там крутится вокруг Земли! — днем светило огненное, а ночью — таинственно голубое! И что там вообще за краем Земли. Это иллюстрирует старинный рисунок, на котором какой-то человек, скорее всего жрец, поднимает полог небосвода и заглядывает за него.

340. И вот уже в наши дни этот полог приподнял простой русский парень Юрий Гагарин и открыл для нас дорогу в космос. Первый из землян...

341. Москва встречает Юрия Гагарина.

342.

с Луны на Землю. И увидел бы такое же свечение, ну, может быть, слегка поглубей...

«Мир тесен» — это ведь не только к одной планете относится...

342. Луна по-прежнему по-булгаковски заораживает нас — и больших, и маленьких...

343. Вот такая лунная фантазия.

343.

Глава 51. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». ПАТРИАРШИЕ

Когда я в первый раз прочитал этот роман, то ужасно удивился: как я мог забыть, что тут ходили трамваи! Однако, поразмыслив, понял: трамвай с Ермолаевского на Бронную пущен был самим Булгаковым, домыслен им. Я-то ведь вырос в этих переулках и отлично знаю, что трамвая здесь отродясь не было. Но должно было пройти целых двадцать лет, прежде чем я понял: раз-

говору об этом трамвае (следы рельсов которого усиленно разыскивают «булгаковеды») вообще беспредметны. Я вдруг связал сцену гибели Берлиоза со знаменитыми булгаковскими словами: «Я мистический писатель» — и ясно увиделось: не мог трамвай задавить Берлиоза. Читаем: «Тотчас и подлетел этот трамвай, поворачивающий по новопроложенной линии

с Ермолаевского на Бронную. Повернув и выйдя на прямую, он внезапно осветился изнутри электричеством, взвыл и нагнал...» А теперь порассуждаем. Трамвай, поворачивая из узкого переулочка в узкую же улицу, должен идти на минимальной скорости — иначе он попросту сойдет с рельсов. Заметим, что огибает он на этой малой скорости угол сквера, где у турникета (существующего только в романе) стоит злосчастный Берлиоз. «Взвыл и нагнал» трамвай, уже выйдя на прямую, то есть миновав Берлиоза, из чего следует, что под этот трамвай председатель МАССОЛИТА попасть физически не мог...

Физически не мог, а «магически» — смог! В том-то и чудо булгаковского письма, что ты видишь своими глазами, как Берлиоз угодил под колеса. Автору нужно было, чтобы именно так случилось, и оно случилось!

Берлиоз Вадимович Воеводский.

345.
Рисунок
Нади
Рушевой

Воланд
Рисунок Андрея Никифорова

Коровьев
Рисунок Андрея Никифорова.

Самое смешное, что некоторые воспоминатели, основываясь на тексте романа, предельно безапелляционны. Например, Валентин Катаев в своем опусе «Алмазный мой венец» пишет: *«Тогда еще там проходила трамвайная линия, и вагон, ведомый комсомолкой в красном платке на голове — вагоновожатой, — отрезал голову атеисту Берлиозу, поскользнувшемуся на*

346.

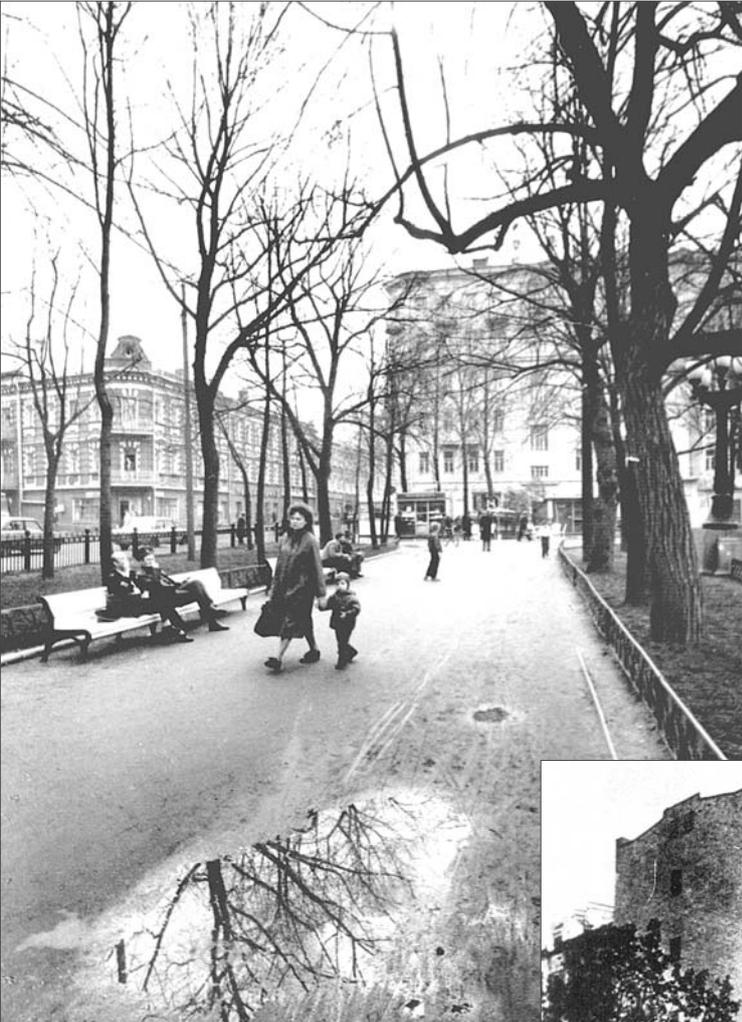
рельсах, политых постным маслом из бутылки, разбитой раззавой Аннушкой по воле синеглазого, который тогда уже читал мне страницы из будущего романа». Это чистой воды беллетристика: Катаев утверждает, что Булгаков («синеглазый») читал ему в 1923 году роман, задуманный, как известно, в 1928-м, если не в 1927-м (это уже по моей теории-гипотезе) ...

344. Патриаршие пруды — здесь завязывается действие романа «Мастер и Маргарита».

345. Угол Бронной и Патриаршего переуллка, отсюда вошли к пруду Берлиоз и Бездомный. На второй скамейке (справа налево) состоялся их роковой разговор с Воландом.

346. Угол Бронной и Ермолаевского. Сюда устремился Берлиоз, чтобы по телефону донести на Воланда.

Глава 52. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». А ТОТ ЛИ ДОМ?

347. Таинственные Патриарший пруды...

На «скамейке Воланда» сидят два майора — один морской, другой сухопутный. Спрашиваю:

— Вы знаете, на какой скамейке сидите? Не знают. Рассказал. Разговорились. Оказалось — живут в том самом доме № 10 по Большой Садовой, он рядом с академией, в которой они учатся. А тот ли дом? Патриарши в романе — точный адрес, мистификация с трамваем — вроде все так, а не так...

348. Вот и дом на Большой Садовой — разве Булгаков сказал, что Воланд поселился со свитой именно в доме № 10! Номер-то не тот — 302-бис. Квартира № 50! Ну так что! Из чего следует, что писатель поселил их именно в свою квартиру. Да не из чего это не следует. Вот он на снимке, этот дом, как он выглядел в двадцатые годы. С фасада он, как видите, пятиэтажный, а не

шестиэтажный, как указано в романе, а если заглянуть в арку его ворот...

349. ...то увидим, что и расположен он не «покоем» (т.е. в виде буквы П), а «каре». А далее все не сходится — со двора дом имеет четыре этажа, и квартира № 50 хотя и находится в шестом парадном, но не на пятом этаже, а на четвертом. И лестница не такая — нет у неё пролета, в который Азazelло спихивает вещи Поплавского; и окна расположены высоко, не мог он их разбить ногой, да и смотрят они в другую сторону — не могла Аннушка через них увидеть двор; и привратничкой будки внизу нет! Одним словом — все не то! В общем, как всегда у Булгакова: вроде здесь и так, а и не здесь, и не так. Мистика...

350. А это совсем не Садовая, а Савельевский переулок, дом, в котором жили Лямины. В нем пять этажей, лестницы с широкими пролетами, окна расположены низко и смотрят во двор, и будка внизу есть. И, между прочим, дом возле Мясницкой, где помещалось ЛИТО — кстати, тоже в квартире № 50, и тоже в шестом подъезде, — полностью соответствует тому, что описан в романе...

349.

350.

351. В квартире темноватая прихожая, с вешалкой и прочими похожими предметами, а комната, при соответствующем освещении, весьма схожа с той, куда попадают Поплавский и буфетчик Соков.

351.

352. А вот и люстра, на которой мог раскачиваться кот Бегемот, стреляющий в чекистов из пистолета с непоражающими пулями, а за ней — верх камина с высоким зеркалом в раме. Вспомним, что Бегемот махнул туда, на этот верх, держа примус под мышкой.

«...Ему открыли немедленно, но буфетчик вздрогнул, попятился и вошел не сразу. Это было понятно. Открыла дверь девица, на которой ничего не было, кроме кокетливого кружевного фартучка и белой наколки на голове. На ногах, впрочем, были золотые туфельки. Сложением девица отличалась безукоризненным...»

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

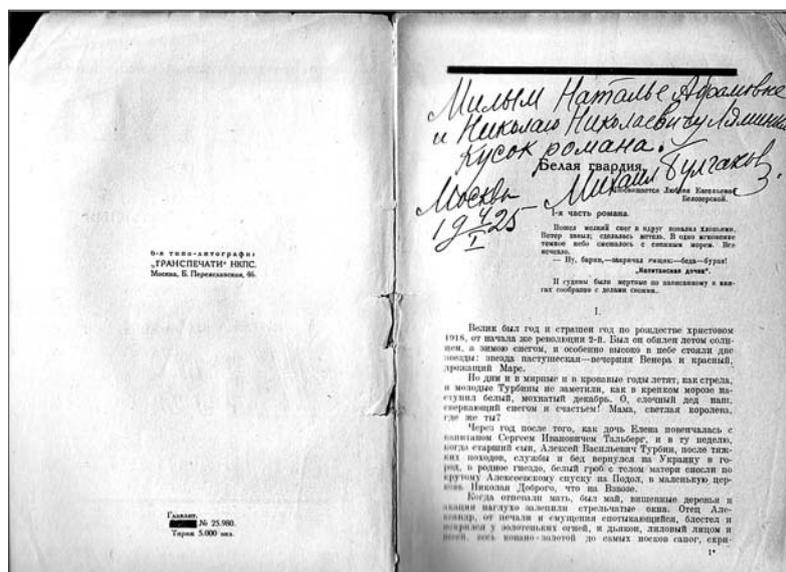
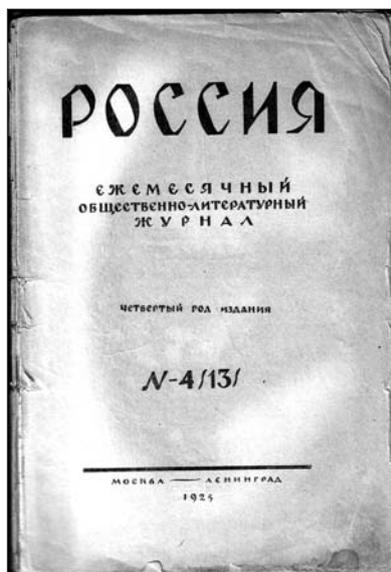
352.

353. А вот и сам камин, у которого «маленький рыжий, с ножом за поясом, на длинной стальной шпаге жарил куски мяса, и сок капал в огонь, и в дымоход уходил дым. Пахло не только жареным, но еще какими-то крепчайшими духами и ладаном...» И уж не Геллу ли видим мы возле пылающего камина? Ну и что ж из того, что одета, разве Гелла обязана всегда нагишом ходить?

353.

Разве не мог Булгаков при описании квартиры № 50 видеть перед своим мысленным взором именно комнату Лямыных, с которой у него было так много связано, в которой он не раз читал друзьям куски из этого еще только создаваемого романа? И пока выходили какие-то его произведения, он обязательно дарил их Николаю Николаевичу и Наталии Абрамовне с теплыми

дарственными надписями,
как и этот журнал «Россия»
с началом романа «Белая
гвардия»...

353а.

353б

352а. Гелла и буфетчик.

Рисунок Нади Рушевой

Глава 53. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». ПОЛЕТ МАРГАРИТЫ

Люди испокон века мечтали о полетах, что и нашло свое отражение в творчестве многих деятелей искусств.

Здесь представлены работы нескольких художников-классиков, «полеты» которых наиболее близко соотносятся с описанным Михаилом Булгаковым полетом Маргариты. Все ли он их видел или только некоторые — нам узнать не дано... Но можно утверждать с большой долей вероятности, что был он знаком с картиной Михаила Врубеля, — уж очень близка она по тематике к нашему роману.

Видел ли он издание «Фауста» с иллюстрациями профессора Ганса Вильдермана, сказать трудно, но удивительные совпадения бросаются в глаза. Правда, ведьм тут навалом, но две по описанию особенно близки к героиням «Мастера и Маргариты»: на переднем плане ведьма на борове — хотя она к нам обернута спиной и накрыла почти полностью свое «транспортное средство», но в левом нижнем углу — Михаил Врубель. Полет Фауста и Мефистофеля рисунка явственно просматривается **W (353с)** свинячий зад с характерным хвостиком.

А на самом верху — суцая Гелла: на шее тонкий круговой шрам, и телосложением она вполне соответствует...

И что самое удивительное — имена трех художников начинаются с буквы **М**, каковая в перевернутом виде соответствует латинской **W** — дубль **вэ**,

353с.

о которой мы уже говорили ранее, а иллюстратор «Фауста» вообще Wildermann — тут даже и переворачивать ничего не надо.

Так что без Воланда тут никак не обошлось...

«... — Прощай, Наташа! — прокричала Маргарита и вздернула щетку. — Невидима! Невидима! — еще громче крикнула она и между ветвями клена, хлестнувшими ее по лицу, перелетев ворота, вылетела в переулок. И вслед ей полетел совершенно обезумевший вальс...»

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

353d. Ганс Вильдерман. Ведьмы.

Начинается полет Маргариты от готического особняка и заканчивается в переулке за углом театра (подразумевается Вахтанговский), где она громит квартиру критика Латунского (речь у нас идет о московском отрезке полета).

Откуда взялась готика? Появилась она после того, как Елена Сергеевна с семьей переехала в генеральский дом в Большом Ржевском переулке. На первый взгляд никакой готики в нем нет, но если посмотреть на него снизу, «заломя голову», то при определенной доле воображения возникает впечатление сходства с собором

Парижской Богоматери — окна и колонны вытягиваются, устремляются ввысь, темно-серый цвет здания подчеркивает мрачность и угрюмость. Впечатление это усугубляется еще и дурной славой, утвердившейся за этим злосчастным домом с кровавых тридцатых годов, — сколько высших военачальников увезли отсюда в «черных воронах»...

Впрочем, тут могут быть и литературные реминисценции: **готический роман** — это ведь книга, полная ужасов, тайн, мистики и фантастики, содержащая и социальные мотивы, и демоническую личность в центре. Разве нет тут глубинной связи с «Мастером и Маргаритой»? И потом, жила-то Елена Сергеевна, как и Маргарита, на втором этаже, точнее, в высоком бельэтаже, имевшем сводчатые окна. И отсюда, из дома на Большом Ржевском, выходила на тайные ночные прогулки со своим Мишенькой Елена Сергеевна Шиловская, однажды улетевшая к нему навсегда, — «тайная жена» своего Мастера. Поэтому именно отсюда улетаёт навсегда и Маргарита — это ведь никакого значения не имеет, что отсутствуют здесь сад, двор, ворота — все это элементарно домысливается.

353e. Ведьма.

А вот маршрут вполне реален — он повторяет их ночные прогулки, которые не могли быть слишком долгими и далекими и должны были за-

353f. Марк Шагал.
Над городом.

354.

длинным. А в одно мгновение она его пересекает, потому что он довольно короткий. Вылетая из Малой Молчановки, Маргарита увернулась от старого покосившегося фонаря — как раз напротив нефтелавки. Фонарь стоял на стрелке — одной стороной он смотрел на Малую Молчановку, другой — на Большую, в которую Малая вливалась здесь

**354. Генеральский дом.
Дом Драмлита.**

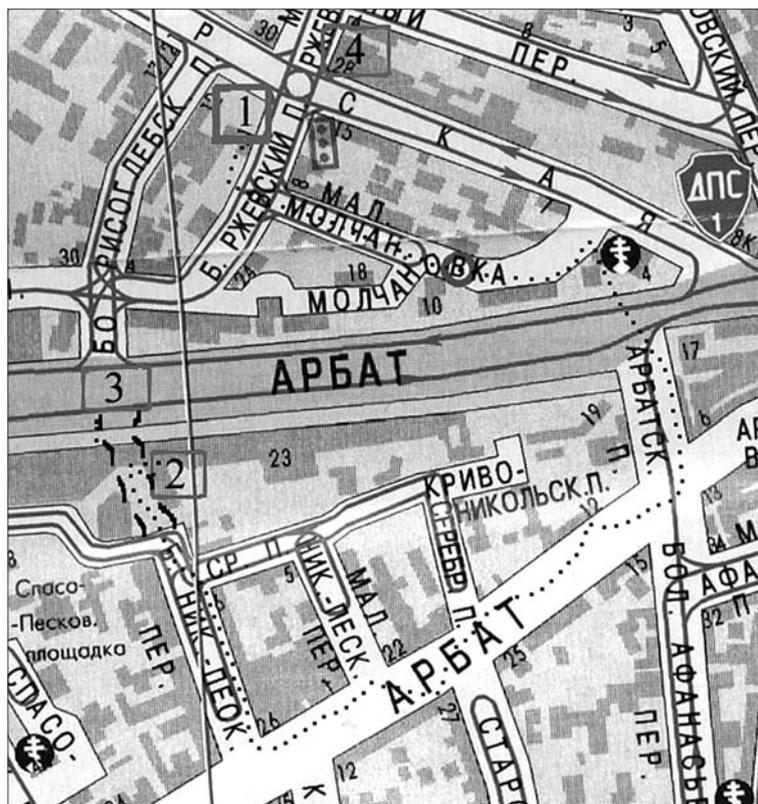
354а. Тут была Собачья площадка, а Нового Арбата еще не было.

Пунктиром показан маршрут полета Маргариты от Генеральского дома до дома Драмлита.

(354а.)

канчиваться здесь же, откуда начинались, и, следовательно, маршрут был замкнутым...

Давайте проследим маршрут булгаковской героини. «Пролетев по своему переулку (Б. Ржевский), Маргарита попала в другой, пересекавший первый под прямым углом (Малая Молчановка). Этот заплатанный, заштопанный, кривой и длинный переулочек с покосившейся дверью нефтелавки... она перерезала (вдоль! — Ю.К.) в одно мгновение...» Длинный он потому, что вливается в Молчановку Большую и отсюда видится очень

под острым углом. Фонари эти были газовые, сделаны из чугуна и наверху имели перекладину, на которую опирались концы лестницы фонарщика, когда он обходил свой участок, вечером зажигая, а утром гася газовые горелки.

Нефтелавка стояла уже на Большой Молчановке, напротив стрелки, на углу самого переулка и короткого проулка-тупика, завершающегося воротами, за которыми был огромный двор, замкнутый со стороны Арбата каменной стеной.

Маргарита летит дальше, никуда не сворачивая, уже по Большой Молчановке, это, по-существу, продолжение Малой и Большой Молчановок, слившихся здесь воедино.

Перед самым родильным домом Грауэрмана Маргарита сворачивает направо — в Арбатский переулок («третий переулок вел прямо к Арбату»), а из него уже попадает на сам Арбат и летит над ним, судя по описанию того, что она там видит, довольно долго. Долетев до Большого Николопесковского переулка, она огибает Вахтанговский театр. В конце переул-ка Маргарита обнаруживает дом Драмлита, который и поныне на месте,

в нем именно восемь этажей — как и в романе, и он составляет единое целое со Щукинским театральным училищем и его учебным театром.

354в. Борис Тарантул. Полет Маргариты.

Может быть, отсюда и «Драм»? , а «Лит» тоже взят не с потолка — мы называли этот дом писательским, хотя знали там только сына Павла Антокольского, с которым общались. Здесь, в доме Драмлита, Булгаков дает Маргарите возможность разгромить квартиру критика Латунского, после чего она умчалась к черту на куличики купаться перед балом...

Но в ту пору дом этот не был последним в переулке — «Т-образно» к его торцу примыкал двухэтажный дом, фасадом своим выходивший на

354с. Деталь оформления выставки к столетию Михаила Булгакова на ВДНХ.

Собачью площадку (ее поглотил Новый Арбат), на противоположной стороне которой переулок продолжался, но уже как Борисоглебский. Далее, если свернуть направо, то мимо церкви Николая на курьих ножках, которой уже давно нет, попадаешь — с другого конца — опять в Большой Ржевский, где у генеральского дома и заканчивались прогулки

Елены Сергеевны и Михаила Афанасьевича, — не мог же он не проводить ее до подъезда. Вот вам и замкнутый маршрут, который почти полностью повторила Маргарита, не долетевшая нескольких шагов до Собачьей площадки.

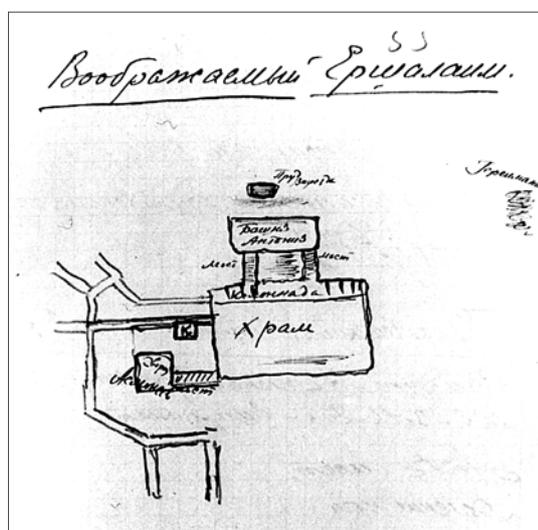
Разумеется, большинство читателей не имеет ни малейшего представления обо всех этих переулках, что, впрочем, и не важно, важно понять, почему писатель избрал именно такой, сугубо личный маршрут...

Глава 54. ПОЛЕТ ФАНТАЗИИ

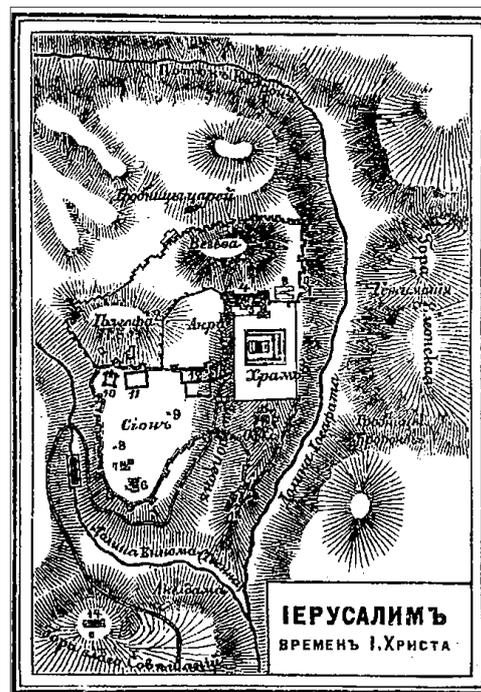

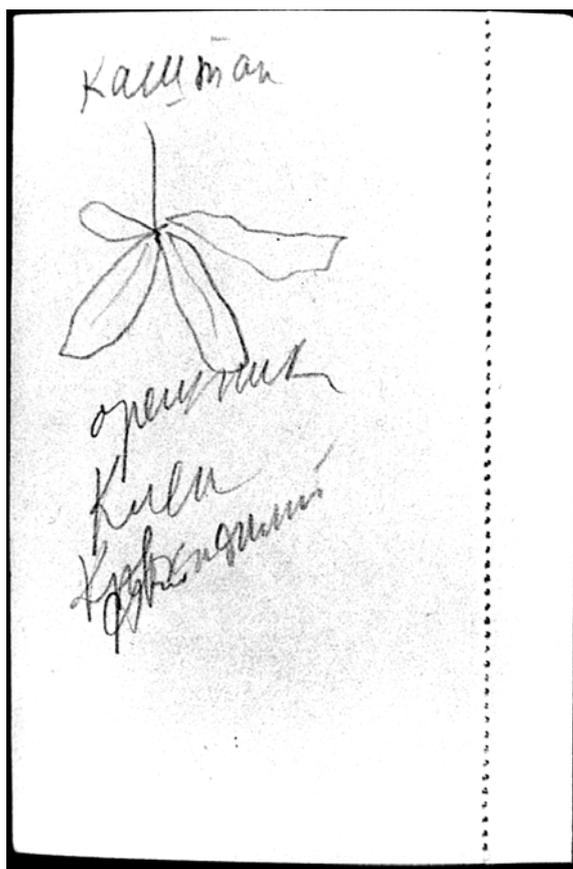
355. Михаил Булгаков. 1920-е годы.

Весьма наивно выглядят попытки некоторых исследователей принимать буквально булгаковские описания мест, ситуаций, портреты людей. Это равносильно тому, как если бы кому-то пришло в голову подрезать крылья писательской фантазии. А уж на что другое, а на полет воображения соперника Булгакову подыскать трудно. Вот чертеж воображаемого Ершалаима, а рядом — Голгофа, какой она виделась ему в его «снах наяву».

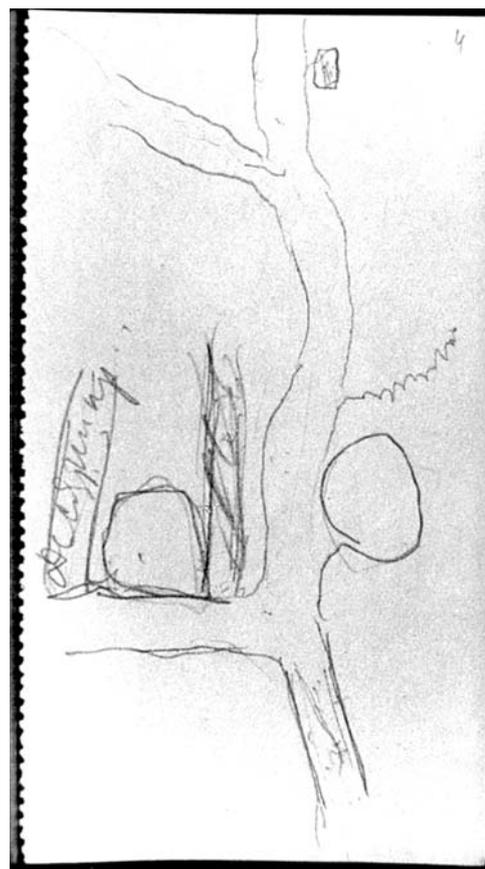

355a.
355b.

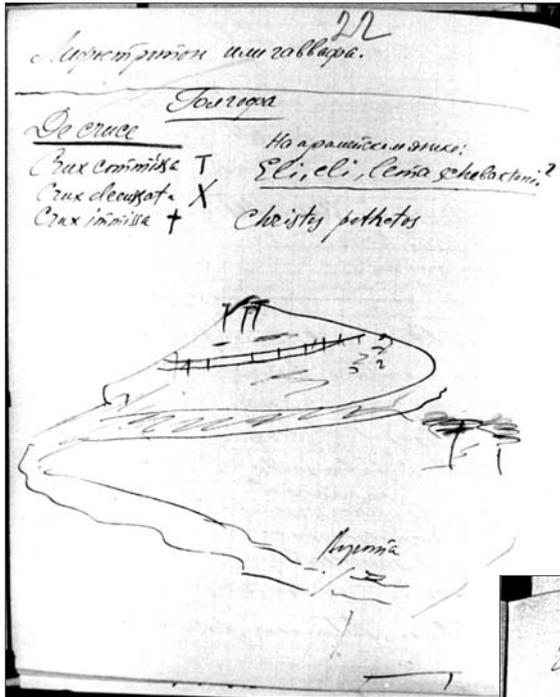
355c.

355d.

Если внимательно присмотреться, этот чертеж во многом совпадает с планом Иерусалима, который мы видим на страницах Библейской энциклопедии («Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия. Трудъ и издание Архимандрита Никифора. Москва. Типографія А.И. Снегиревой. Остоженка, Савеловскій переулокъ. собств. домъ. 1891»). Сверял ли Булгаков свой воображаемый Ершалаим с библейским, сказать трудно. Во всяком случае, можно с уверенностью утверждать, что книгу эту он видел, — она вышла в год его рождения и наверняка имелась в распоряжении его отца, профессора духовной академии. Но тут есть еще одно удивительное совпадение — Савеловский переулок (ныне Савельевский), где она была издана, тесно связан с жизнью и творчеством писателя — он часто бывал здесь у своих друзей Ляминых и читал в узком кругу особо доверенных слушателей свои новые произведения. Впрочем, об этом мы уже говорили выше...

И на страницах рабочего блокнота наброски каких-то очень конкретных деталей — рисунок листа каштана, схема улиц — детали у него всегда

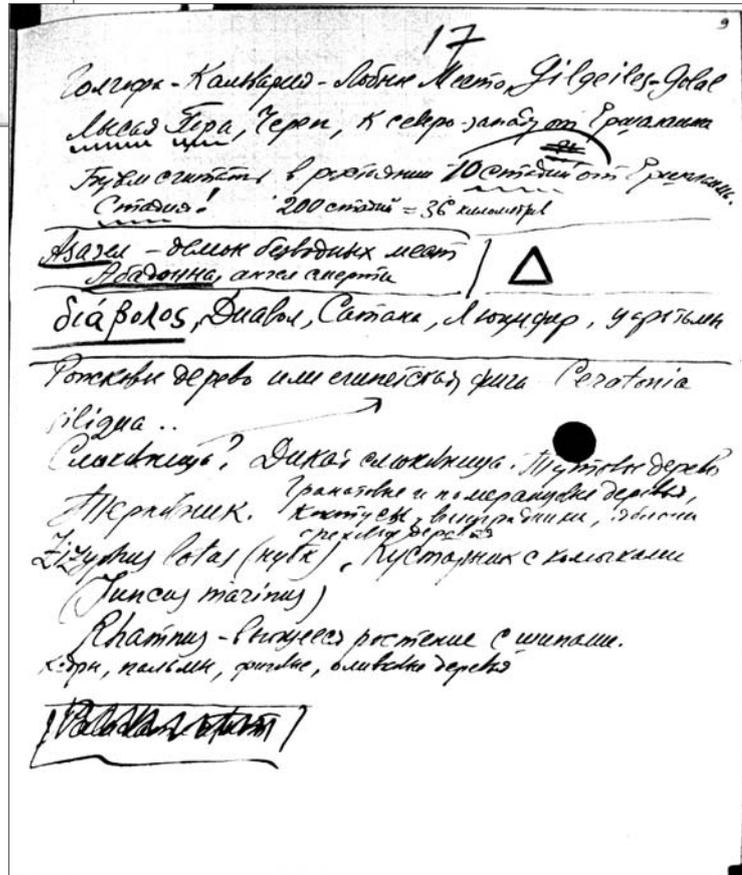

355e.

очень точны, и в соединении с придуманными ситуациями, топографией, он с их помощью создает удивительное ощущение сопричастности происходящему в произведении, эффект присутствия.

Остается только поражаться, каким огромным объемом знаний по всем вопросам, касающимся его работы, он располагал, и сколь многочисленны источники, которые он использовал.

355a. 355c. 355d.
 Страницы рукописи романа
 «Мастер и Маргарита»

355f.

Глава 55. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». ПОДВАЛЬЧИК

356.

«... — Ах, это был золотой век! — блестя глазами, шептал рассказчик. — Совершенно отдельная квартирка и еще передняя, и в ней раковина для воды, — почему-то особенно горделиво подчеркнул он, — маленькие оконца над самым тротуарчиком, ведущим от калитки. Напротив в четырех шагах, под забором, сирень, липа и клен... Так вот — диван, а напротив другой диван, а между ними столик, и на нем прекрасная ночная лампа, а к окошку ближе книги, тут маленький письменный столик, а в первой комнате — громадная комната, четырнадцать метров! — книги, книги и печка...»

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Из воспоминаний Л.Е. Белозерской-Булгаковой:

236 *«Помню, как Михаил Афанасьевич повез меня в первый раз знакомиться к Анне Ильиничне Толстой и к мужу ее Павлу Сергеевичу По-*

357.

пову. Жили они тогда в Плотниковом переулке № 10, на Арбате, в подвальчике, впоследствии воспетом в романе “Мастер и Маргарита”. Уж не знаю, чем так приглянулся подвальчик Булгакову. Одна комната в два окна была, правда, пригляднее, чем другая, узкая, как кишка...

В коридоре лежал, раскинув лапы, щенок-боксер Григорий Потопыч. Он был пьян

— Я выставила в коридор крющон: там холоднее, — сказала хозяйка. — А он наакался».

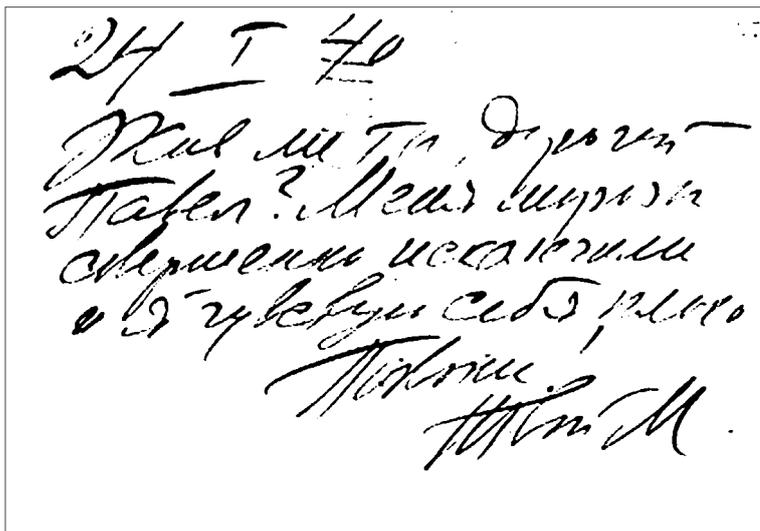
Переулок, в котором жили Поповы, можно было одновременно считать и арбатским, и пречистенским — он расположен перпендикулярно к обеим этим улицам. В романе «Мастер и Маргарита» говорится, что подвальчик

Мастера находится в арбатских переулках, и, вероятно, не случайно в одном из черновых вариантов летящая Маргарита поворачивает в Плотников переулок, видимо, для того, чтобы заглянуть в подвальчик, где

358.

237

358а.

она была счастлива со своим возлюбленным. Однако автор передумал и послал ее громить квартиру Латунского, расположенную по другую сторону Арбата, а в подвальчик вернул ее уже вместе с Мастером. Утверждение Любви Евгеньевны о «прототипе» убежища Мастера и Маргариты подтверж-

дает и Попов в своем письме Елене Булгаковой в конце 1940 года: «...наш подвальчик Миша использовал для описания квартиры Мастера. А завал книгами окон, крашеный пол, тротуарчик от ворот к окнам — всё это он перенес в роман...»

Есть и еще один адрес, претендующий на внимание писателя, разумеется, претендовал не сам подвал, а один из его обитателей — С. Ермолинский, живший в Мансуровском переулке в доме Топлениновых. Но окна тут начинаются у самой калитки, и, таким образом, пропадает очарование мгновений, когда Мастер слушает стук каблучков своей возлюбленной. Не укладывается этот подвал в булгаковское описание, и вообще в ту пору подвалы были чуть ли не в каждом доме и похожи друг на друга, как близнецы. Так что подвальчик Мастера мог быть составлен из нескольких подобных. И все-таки хочется отдать предпочтение Поповым — у них Булгаков бывал часто, дружба их была долгой и глубокой, а переписка — теплой и доверительной. Дружба эта — еще одно свидетельство духовной близости писателя с пречистенцами, каковыми в полной мере являлась эта в высшей степени интеллектуальная супружеская пара...

Павел Сергеевич Попов — создатель первой биографии Михаила Булгакова. Приведем из нее небольшой отрывок:

«Как человек Михаил Афанасьевич отличался исключительным обаянием, так ярко отражавшимся в его улыбке, пытливых лукавых глазах и заразительном смехе; другая черта его — глубокое благородство: он был настоящим гуманистом. Деликатный даже в мелочах, он тонко чувствовал чужую жизнь... Интересы его были чрезвычайно гибки, широки и многогранны, он

с живым вниманием вникал во все, что встречалось ему на жизненном пути... Ирония у него неизменно сливалась с большим чувством, остроты его были метки, порой язвительны и колки, но никогда не шокировали. Он презирал не людей, он ненавидел только человеческое высокомерие, тупость, однообразие, повседневность, карьеризм, неискренность и ложь, в чем бы последние ни выражались: в поступках, искательстве, словах, даже жестах. Сам он был смел и неуклонно прямолинеен в своих взглядах. Кривда для него никогда не могла стать правдой. Мужественно и самоотверженно шел он по избранному пути. Писательская работа М.А. Булгакова никогда не останавливалась...» 1940 год.

356. Супруги Поповы.

357. Плотников переулок, 10.

358. Мансуровский переулок, дом Топлениновых

358а. Последнее письмо Михаила Булгакова Павлу Попову...

Глава 56. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». ПОКОЙ

«... — Он прочитал сочинение мастера, — заговорил Левий Матвей, — и просит тебя, чтобы ты взял с собою мастера и наградил его покоем...

... — А что же вы не берете его к себе, в свет?

— Он не заслужил света, он заслужил покой, — печальным голосом проговорил Левий...»

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

359. Елена Сергеевна Булгакова.

Надпись рукою Михаила Афанасьевича:

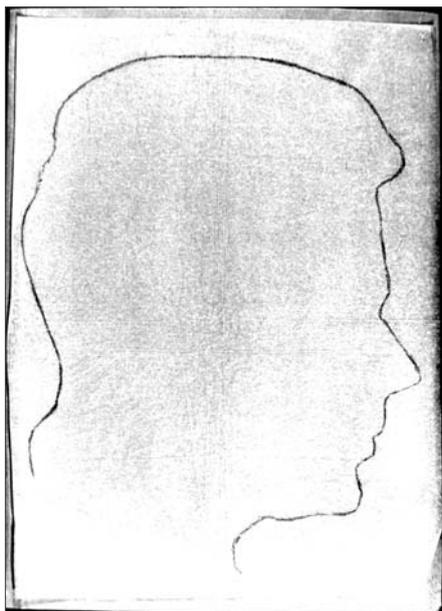
«Хозяйка дома "Моп герос"» («Мой покой»).

В первой — журнальной — публикации романа, да и в последующих изданиях в Советском Союзе, а потом и в переводах на разные языки мы читаем (слова Маргариты): «...слушай и наслаждайся тем, чего тебе не

давали в жизни, — тишиной». Меня еще при первых чтениях романа удивило — при чем тут «тишина», если наградили покоем?

«Почему же все-таки не покой?» — подумал я и принялся за разные издания «Мастера...».

Прошло, кажется, года два или три, и один славный юноша, знавший мое увлечение творчеством Булгакова, подарил мне ксерокопию «Мастера и Маргариты», русского издания, выпущенного в 1969 году издательством «Посев». Тогда это было абсолютно крамольное издательство, и факт подобного дарения являлся одновременно свидетельством доверия, оказанного мне моим учеником. И вот тут я, к моему изумлению, на искомом месте увидел то, что мне и хотелось увидеть: «...наслаждайся тем, что не дано тебе было в жизни, — покоем [тишиной]». «Тишина», как видите, была взята в квадратные скобки. У меня имелась фотокопия машинописи «Мастера и Мар-

359а. Профиль Михаила Булгакова.
Рисунок неизвестного художника.

гариты», сделанной собственноручно Еленой Сергеевной Булгаковой в 1963 году, когда она готовила текст романа для первой публикации, а это — окончательная редакция, сделанная ею по праву, предоставленному ей самим писателем. Издание «Посева» вышло еще при жизни Елены Сергеевны, и, как мне удалось выяснить, оно у нее было. Но никаких помет в книге, никаких следов протеста или недовольства с ее стороны по поводу замены такого важного, ключевого слова не последовало.

Еще пять лет прошло, и мне представилась возможность побывать во Франкфурте-на-Майне. Я особенно не надеялся найти кого-либо из работавших над тем изданием — ведь прошло более двадцати лет... Но повезло. Я познакомился с редактором, которая вела «Мастера и Маргариту»! Ее зовут Анастасия Артемова, и она показала мне страницу машинописи, с которой шел набор, — там вслед за «покоем» в скобках стояла «тишина». Никакой другой информации она мне дать не смогла. И еще три года прошло до того, как я получил от нее письмо, фрагмент которого здесь привожу, и фотографию той поры, которую я попросил, уже видя в воображении свою книгу, — мне хотелось показать «первопечатника» истинного «Мастера...». Теперь все могут увидеть, какая очаровательная женщина одарила нас незамутненным булгаковским словом.

Книга открывалась обращением «От издательства», в котором говорилось:

«Роман Михаила Афанасьевича Булгакова “Мастер и Маргарита”, который мы предлагаем читателю в полном, несокращенном виде, был впервые опубликован со значительными купюрами в журнале “Москва” (№ 11 за 1966 г. и № 1 за 1967 г.). Люди, ответственные за опубликование романа, не только посчитали возможным вычеркивать из авторского текста отдельные слова и фразы, но и выбрасывать целые куски и эпизоды, порою занимающие по многу страниц... Поскольку “необходимая вычистка” текста приводила порою к некоторым несоответствиям, цензоры вставляли “связки” по своему произволу. При наборе мы, для облегчения позднейших анализов текста

Глава 32.

ПРОЩЕНИЕ И ВЕЧНЫЙ ПРИКОТ.

Кто бы читал в этих туманах, как сагадочны леса.) Кто много страдает, кто летит над этой землей, неся на себе непосильные бремя, тот это знает. Это знает уставший. (Мой бог сожалеет, покидает туманы земли, ее болота и реки, он сожалеет.)

Их волшебные черные кони, и те ищутомились и несли своих всадников медленно, и неизбежная ночь стала их догонять. Чуя ее за спиною, притих даже нлугомонный Бегемот и, вцепившись в седло когтями, летал молчаливый и сурьезный, распушив свой хвост. Ночь начала закрывать черным шатком леса и луга, ночь заиграла печальные огонечки где-то далеко внизу, теперь уже неинтересные и ненужные ни Маргарите, ни мастеру, чужие огоньки. Ночь обгоняла кавалькаду, сеялась на нее сверху и выбрасывала то там, то тут в вагрустившем небе белые пятнышки звезд.

Ночь летела и рядом, хватала скачущих за плечи, сдирав их и разоблачала обманы. И когда Маргарита, обдуваемая прохладным ветром, открывала глаза, она видела, как меняется облик всех летящих к своей цели. Когда же навстречу им из за края леса начала выходить багровая и полная луна, все обманы исчезали, свалилась в болото, утонула в туманах колдовская нестойкая одежда.

Вряд ли теперь узнали бы Коровьева-Тягота, самованного переводчика, тайнств энной и не нуждающейся ни в каких переводах консультанта, в том, кто сейчас скамал непосредственно рядом с Воландом во правду руку и подруги мастера.

Кто бы читал в этих туманах, как сагадочны леса.) Кто много страдает, кто летит над этой землей, неся на себе непосильные бремя, тот это знает. Это знает уставший. (Мой бог сожалеет, покидает туманы земли, ее болота и реки, он сожалеет.)

и исследований замечательного произведения Булгакова, выделили все выброшенные цензурой места курсивом, а цензорские “связки” взяли в квадратные скобки...

Анализ причин сокращения тех или иных мест романа по большей части, думается, не будет труден, иной же раз купюры кажутся непонятными даже с точки зрения советской цензуры. Подавляющее большинство купюр приходится на вторую книгу романа».

Анастасия Артемова прокомментировала этот момент так: *«Моя главная находка была в подаче, т.е. выделении курсивом, а связки — в скобках. Таким образом, столь явна была фальсификация, проделанная советскими редакторами (порой даже с советской точки зрения ненужная)».*

На мои дополнительные вопросы она ответила в следующем письме: *«Насколько я помню, несколько поправок были мною получены через Леонида Денисовича Ржевского, в частности, три поправки, в том числе и слово “покой” вместо “тишины”. Я ни в коем случае не внесла*

бы такой поправки от себя, но, получив ее, не сомневаясь, взяла, так как посчитала ее логичной и убедительной. Откуда взял ее Ржевский — не знаю. Может быть, можно было бы запросить его вдову? Набирали мы “Мастера...”, насколько я припоминаю, по экземпляру из журнала “Москва”, и я вставляла выкинутые цензурой куски и отдельные слова из отдельно полученных вставок-купюр, которые добыл “закрытый” сектор НТС. После окончания работы я должна была вернуть эти вставки. Вероятно, это тот материал, что разослала Елена Сергеевна».

Получив это письмо, я стал расспрашивать тех, кто мог бы что-то знать о Леониде Ржевском, но никто о нем даже не слышал. И вдруг удача — Софья Пилявская — старейшая актриса МХАТа — вспомнила, что человек с такой фамилией был связан с Еленой Булгаковой по каким-то издательским делам. А потом Артемова сообщила мне адрес его вдовы — Агнии Ржевской. Я напи-

360. Анастасия Артемова.

сал ей в Нью-Йорк и вскоре получил от нее письмо и книгу Леонида Ржевского «К вершинам творческого слова», в которой, в частности, была статья «Пилатов грех». И так, купюры Ржевский получил от самой Елены Сергеевны, в том числе и «покой» — очевидно, она что-то нашла в черновиках или вспомнила какое-то указание Булгакова, нам неизвестное. Вероятно, происхождение этой поправки так и останется вечной загадкой... Но, скорее всего, это исходило именно от него — ведь уже в 1938 году, во время перепечатки рукописи романа,

он пишет Елене Сергеевне в Лебедянь о том, что ему нужен **абсолютный покой**, а на представленном здесь ее портрете делает надпись: «Хозяйка дома “*Mon repos*” — “*мой покой*”». И не случайно поэтому он награждает своего героя — Мастера — именно **ПОКОЕМ**, то есть тем, чего и ему самому не было дано в жизни, — на всем протяжении своего творческого пути он подвергался непрерывной травле, и «самодеятельной», и организованной властью предрешающими...

360а. Обложка книги работы чешского художника Радима Малата.

361.

Так что замена «ПОКОЯ» «ТИШИНОЙ» есть не что иное, как девальвация награды, ее снижение...

А теперь обратимся к 32-й, последней, главе романа.

«Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки. Он отдается с легким сердцем

в руки смерти, зная, что только она одна...»

360b. Михаил Булгаков. 20 января 1928 г.
Рисунок Марии Морозовой.

361. Леонид Ржевский.

Диктуя этот абзац, Булгаков его не закончил, умолк, фраза осталась недосказанной, и издателя романа предполагаемый ее конец будут помещать в скобки. Впрочем, в первых публикациях «Мастера» — журнальной и посевовской, — предполагаемый конец фразы дан без всяких скобок, потому что его дописала сама Елена Сергеевна, имевшая на то пра-

360b.

во, которое у нее потом оспорили последующие публикаторы, прибегнувшие к скобкам.

Возьму на себя смелость, разумеется, не дописать эту фразу, но хотя бы додумать ее. Я уверен, что умолк он не потому, что устал, — для этого надо было совсем обессилеть, а потому, что ему стало просто по-человечески страшно. Ведь здесь напрашивается совершенно определенное слово, и слово это — **УПОКОИТ**: «...упокоит его» — вот как должна была оканчиваться фраза. «**УСПОКОИТ**» — как это сделано в двух вышеупомянутых изданиях — слово из другого ряда: снимет беспокойство, а тут речь идет совсем о другом: «**Упокой, Господи, душу раба Твоего...**» И в Евангелии от Матфея сказано: «**Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас...**» Сказать же или написать (что одно и то же) о себе приживе такое — страшно, особенно если ты знаешь, что обречен и часы твои сочтены. А Михаил Афанасьевич все о себе уже знал...

«...— Мне ничего не трудно сделать, — ответил Воланд, — и тебе это хорошо известно. — Он помолчал и добавил: — А что же вы не берете его к себе, в свет?»

— Он не заслужил света, он заслужил покой, — печальным голосом проговорил Левий».

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Глава 57. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». МОСКВА — ЛЕБЕДЯНЬ

362.

«В 1936 году Михаил Афанасьевич ушел из МХАТа, перешел на работу в Большой театр — консультантом-либреттистом. МХАТ отодвинулся, стал виден яснее, стал сюжетом для произведения. И 26 ноября, вернувшись из театра, Михаил Афанасьевич зажег свечи на столе своего бюро и стал работать. А через два часа, потирая руки от удовольствия, он предложил мне послушать. Это была первая глава “Записок покойника”. И так, день за днем, он писал эту вещь, писание доставляло ему громадное наслаждение.»

362а.

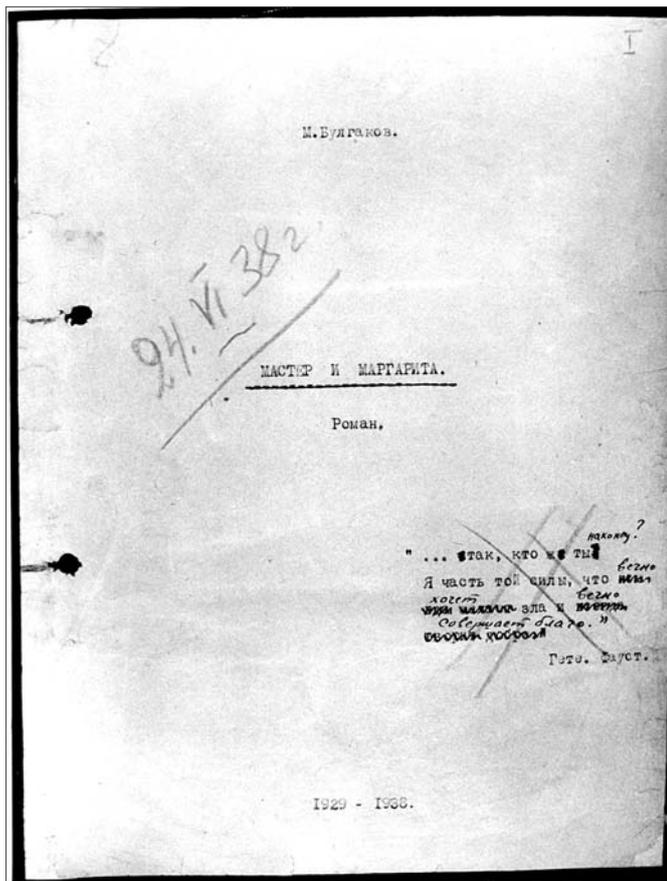
В 1938 году он отложил “Записки” для двух своих последних пьес, но главным образом для того, чтобы привести в окончательный вид свой роман “Мастер и Маргарита”. Он повторял, что в 1939 году он умрет и ему необходимо закончить “Мастера”, это была его любимая вещь, дело его жизни. И “Записки покойника” оборвались на незаконченной фразе».

362. Ольга Бокшанская,
сестра Елены Булгаковой.

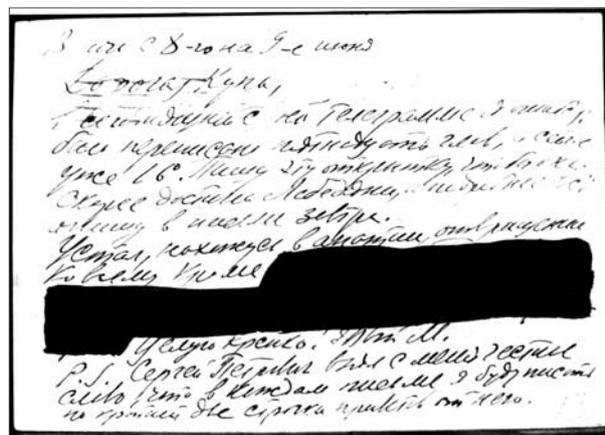
362а. Ольга Бокшанская —
Поликсена Торопецкая.
Рисунок Бориса Ливанова.

«...Поликсена Торопецкая, напудренная и успокоившаяся, сидела за конторкой и писала на машинке... Объяснив, что я такой-то, а направлен сюда Фо-мою для того, чтобы диктовать пьесу, я получил от Поликсены приглашение садиться и подождать... Поликсена Торопецкая тут обнаружила замечательное свойство — в одно и то же время писать и видеть каким-то волшебным образом, что делается в комнате...

— Ну-с, я освободилась, приступим, — сказала Торо-пецкая, мягко улыбаясь... Торо-пецкая идеально владела искусством писать на машинке. Никогда я ничего подобного не

362б. Михаил Булгаков.
Страница рубрики «Мастер и Маргарита».

362с.

362d.

видел. Ей не нужно было ни диктовать знаков препинания, ни повторять указаний, кто говорит. Я дошел до того, что, расхаживая по предбаннику взад и вперед и диктуя, останавливался, задумывался, потом говорил: “Нет, погодите...” — менял написанное, совсем переставал упоминать, кто говорит, бормотал и говорил громко, но, что бы я ни делал, из-под руки Торопецкой шла почти без подчисток идеально ровная страница пьесы, без единой грамматической ошибки — хоть сейчас отдавай в типографию.

Надо отдать справедливость Поликсене Торопецкой: дело свое она знала. Она писала десятью пальцами — обеими руками: как только телефон давал сигнал, писала одной рукой, другой снимала трубку, кричала: “Калькутта не понравилась! Самочувствие хорошее...” Демьян Кузьмич входил часто, подбегал к конторке, подавал какие-то бумажки. Торопецкая правым глазом читала их, ставила печати, левой писала на машинке: “Гармоника играет весело, но от этого...”»

Прототипом этой фантастической машинистки была сестра Елены Булгаковой Ольга Бокшанская. Она-то и перепечатала роман «Мастер и Маргарита» в удивительно короткий срок. Как это происходило, можно наглядно увидеть, прочитав письма Михаила Афанасьевича жене в Лебедянь.

Лето 1938 года. Елена Сергеевна вместе с младшим сыном уезжает в Лебедянь. Михаил Афанасьевич шлет ей, практически ежедневно, а то и не один раз в день, телеграммы и письма (открытки — это же маленькие письма).

Если из них выбрать только сообщения о том, как идет перепечатка романа, сложится своеобразный хронометраж машинописи «Мастера и Маргариты».

27 мая. *«Вечером Пилат. Мало плодотворно... Есть один провал в материале. Хорошо, что не во второй главе. Надеюсь, успею*

**364. Елена Булгакова и ее сын
Сереза у дачи в Лебедяни.**

заполнить его между перепиской».

30 мая. *«Роман уже переписывается. Ольга работает хорошо. Сейчас жду ее. Иду к концу 2-й главы».*

31 мая. *«Пишу 6-ю главу, Ольга работает быстро... Бешено устал».*

31 мая. *«Роман переписывается».*

1 июня. *«...не хочется бросать ни на день роман. Сегодня начинаю 8-ю главу... всюду и все завалено романом».*

В ночь на 2 июня. *«Хотел сейчас же после окончания диктовки приняться за большое свое письмо, но нет никаких сил. Даже Ольга, при ее невиданной машинистской выносливости, сегодня слетела с катушек... Напечатано 132 машинных страницы. Грубо говоря, около $\frac{1}{3}$ романа (учитываю сокращения, длинноты)...»*

2 июня. Днем. *«Начнем о романе. Почти $\frac{1}{3}$, как я писал в открытке, перепечатана. Нужно отдать справедливость Ольге, она работает хорошо. Мы пишем помногу часов подряд, и в голове тихий стон утомления, но это утомление правильное, не мучительное... сестренка уже заявила победоносно, что теперь начнутся сбои в работе (угроза, что ее отвлечет Немирович. — Ю.К.)... Остановка переписки — гроб! Я потеряю связи, нить правки, всю слаженность. Переписку нужно закончить во что бы то ни стало. У меня уже лихорадочно работает голова над вопросом, где взять переписчицу. И взять ее, конечно, и негде, и невозможно. Сегодня он уже вытащил сестренку в Барвиху, и день я теряю. Роман нужно окончить! Теперь! Теперь!»*

3 июня. *«Да, роман... Руки у меня невыносимо чешутся описать атмосферу, в которой он переходит на машинные листы, но, к сожалению, приходится от этого отказаться!.. Вот она — Ольга, из Барвихи...»*

В ночь на 4 июня. *«Перепечатано 11 глав».*

8 июня. *«...Переписано четырнадцать глав».*

В ночь с 8 на 9 июня. *«...в сегодняшней своей телеграмме я ошибся: было переписано пятнадцать глав, а сейчас уже 16».*

10 июня. «.. Вот с романом — вопросов!! Как сложно всё!.. Диктую 18-ю главу».

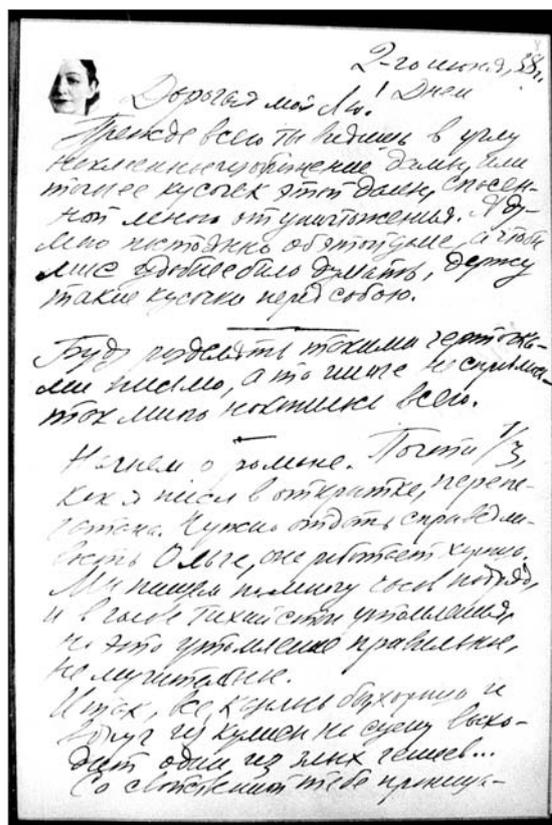
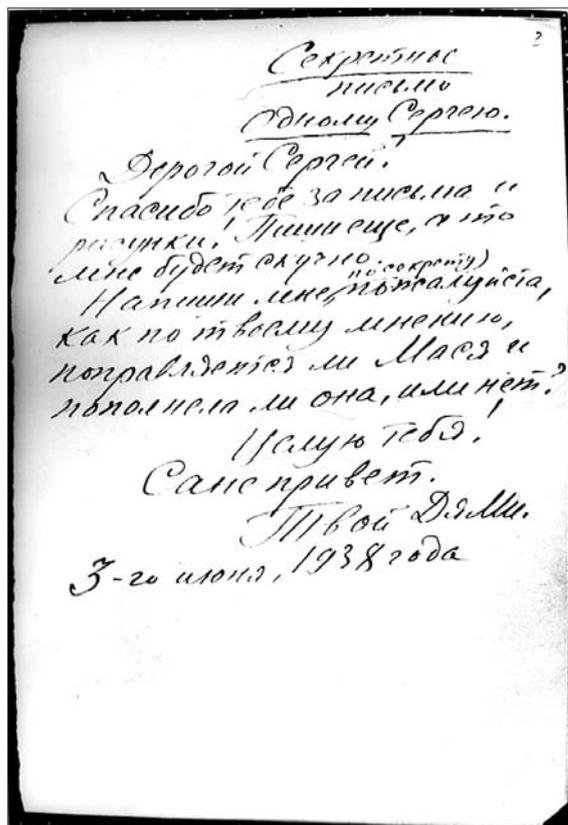
13 июня. «Диктуется 21-я глава. Я погребен под этим романом. Всё уже передумал, всё мне ясно. Замкнулся совсем».

15 июня. «Передо мною 327 машинных страниц (около 22 глав). Если буду здоров, скоро переписка закончится. Останется самое важное — корректура авторская, большая, сложная, внимательная, возможно, с перепиской некоторых страниц. “Что будет?” Ты спрашиваешь? Не знаю. Вероятно, ты уложишь его в бюро или в шкаф, где лежат убитые мои пьесы, и иногда будешь вспоминать о нем. Впрочем, мы не знаем нашего будущего».

Свой суд над этой вещью я уже совершил, и, если мне удастся еще немного приподнять конец, я буду считать, что эта вещь заслуживает корректуры и того, чтобы быть уложенной во тьму ящика. Теперь меня интересует твой суд, а буду ли я знать суд читателей, никому не известно.

Эх, Кука, тебе издалека не видно, что с твоим мужем сделал после страшной литературной жизни последний закатный роман... Вчера, то

364а.

250

есть 14-го, был перерыв в переписке. Ольга какие-то ванны берет. Завтра, то есть, тьфу, сегодня возобновляю работу. Буду кончать главу “При свечах” и перейду к балу. Да, я очень устал и чувствую себя, правду сказать, неважно».

15 июня. Под вечер. *«Чувствую себя усталым безмерно. Диктую 23-ю главу».*

19 июня. *«По числу на открытке твоей установил, что ты наблюдала грозу как раз в то время, как я диктовал о золотых статуях. Пишется 26-я глава (Ница, убийство в саду)».*

В ночь на 22 июня. *«Чувствую себя неважно, но работаю. Диктуется 28-я глава».*

22 июня. Утром. *«Если сегодня Ольга придет пораньше, постараюсь продиктовать большой кусок, и тогда конец переписки станет совсем близок».*

22 июня. *«Сегодня надеюсь пододвинуться к самому концу романа, хоть и чувствую себя плоховато».*

«Особо, 22.06. Мне нужен абсолютный покой! (твое выражение, и оно мне понравилось). Да, вот именно абсолютный!»

365. М.А. и Е.С. Булгаковы в Лебедяни. Июнь—июль 1938 г.

Эта фотография единственная, запечатлевшая Булгаковых в Лебедяни. Сделанная каким-то фотолюбителем —

честь ему за это и слава! — она была настолько плоха по

качеству, что на ней почти ничего нельзя было рассмотреть. Потребовалась большая реставрационная работа, прежде чем снимок стал «зримым» и пригодным для воспроизведения.

Перепечатка романа близилась к концу, и Елена Сергеевна упорно звала мужа в Лебедянь, об этом свидетельствуют письма самого Булгакова, а ее ответы нам еще неизвестны, так как ее письма пока находятся вне поля зрения исследователей, а может быть, и вообще утеряны. Видимо, она соблазнила его свободной и спокойной обстановкой, в которой он без помех мог бы за-

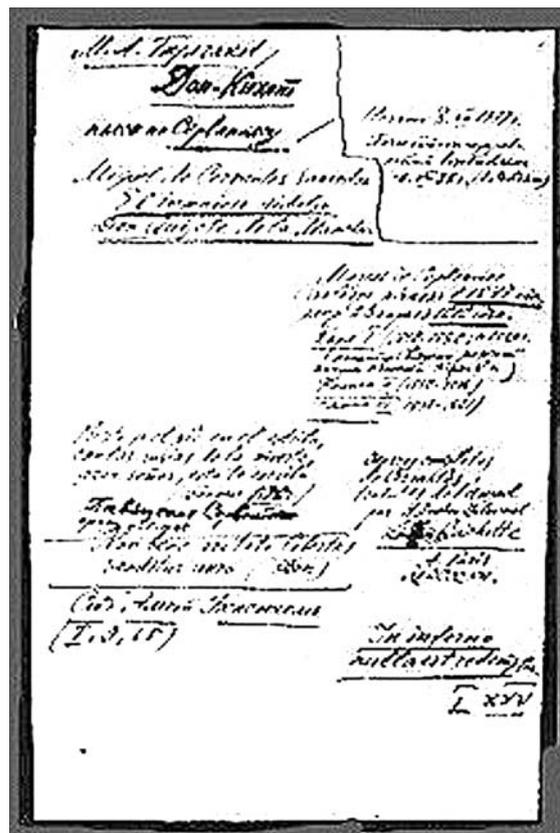
365.

та” и вчерне — за месяц — закончил пьесу...» Но если быть точным, то менее чем за месяц, потому что уже 21 июля Булгаков покидает Лебедевь и выезжает в Москву, откуда сообщает жене: «*Жадно гляжу на испанский экземпляр “Дон Кихота”. Теперь займусь им. Душно...(23 июля)*». «*Наверху не громяют пока что, телефон молчит, разложены словари. Пью чай с чудесным вареньем, правлю Санчо, чтобы блестел. Потом пойду по самому Дон Кихоту,*

няться авторской корректурой «Мастера и Маргариты». Об этом можно судить по его письму от 22 июня: «*Какая там авторская корректура в Лебедеви! Да и “Дон Кихот” навряд ли... Если мне удастся приехать, то на короткий срок. Причем не только писать что-нибудь, но даже читать я ничего не способен. Мне нужен абсолютный покой... Никакого Дон Кихота я видеть сейчас не могу...*»

И тем не менее уже через три дня он выезжает в Лебедевь. Потом Елена Сергеевна запишет в своем дневнике: «*...Измутительная жизнь в тишине. На третий день М.А. стал при свечах писать “Дон Кихо-*

365а.

а затем по всем, чтобы играли, как те стрекозы на берегу, — помнишь? (24 июля)».

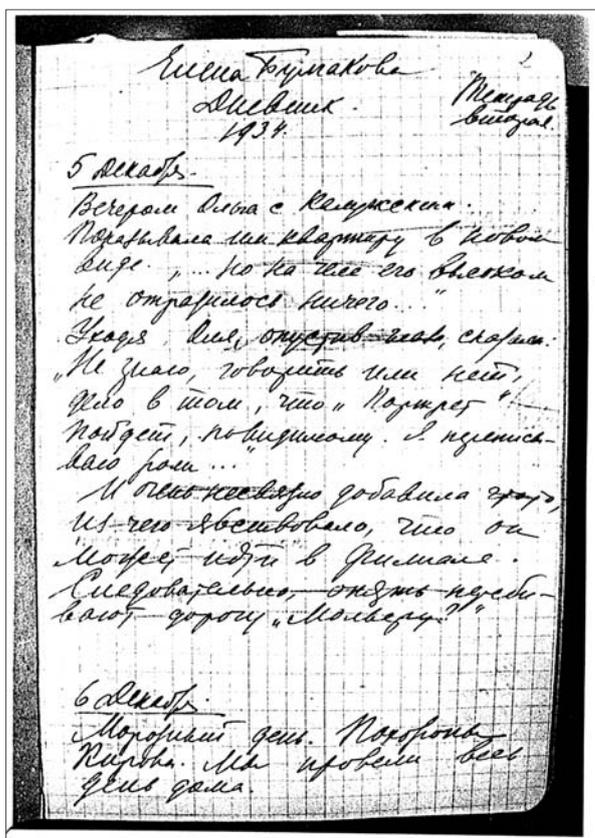
Михаил Булгаков не доживет до того дня, когда его «Дон Кихот» появится на сценах многих театров, хотя не доживет до его победного шествия всего лишь около года. Но должно будет пройти еще без малого три десятилетия, пока придет к читателю его закатный роман — «Мастер и Маргарита», ложившийся на машинописные страницы жарким летом 1938 года...

И многие исследователи его творчества будут потом цитировать слова Дон Кихота, ставя их эпиграфом к жизни самого Михаила Булгакова, почему-то отбрасывая фразы, идущие до и после «канонизированной» цитаты. А в них великий смысл, вложенный Булгаковым и напрямую относящийся к нему самому, мы их выделяем особо:

«Ну что же, я буду сражаться с вами... — языком...

Люди выбирают разные пути. Один, спотыкаясь, карабкается по дороге тщеславия, другой ползет по тропе унижительной лести, иные пробираются по дороге лицемерия и обмана. Иду ли я по одной из этих дорог? Нет! Я иду по крутой дороге рыцарства и презираю земные блага, но не честь!.. Я заступался за слабых, обиженных сильными! Если я видел где-нибудь зло, я шел на смертельную схватку, чтобы побить чудовищ злобы и преступлений!.. Моя цель светла — всем сделать добро и никому не причинить зла».

Глава 58. ДНЕВНИК ЕЛЕНА БУЛГАКОВОЙ

366а.

Об этом удивительном — бытовом и в то же время историко-литературном произведении — «Дневник Елены Булгаковой», вышедшем в 1990 году отдельной книгой, лучше всего, пожалуй, сказано Лидией Яновской во вступлении в эту книгу, озаглавленном «Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания»:

«Елена Сергеевна Булгакова вела дневник. Она начала его в сентябре 1933 года, в первую годовщину ее брака с Михаилом Булгаковым, и с очень небольшими перерывами вела на протяжении всей их совместной жизни.

Записывала события жизни Булгакова, малые и большие (иногда несоразмерно, но кто же может в момент события определить его истинный масштаб?).

Отмечала вехи литературной ра-

боты, встречи, даты, которые считала значительными. Любовно заносила в дневник подлинные реплики Булгакова, часто афристичные. Записывала их точно или почти точно, насколько точно можно было их записать через час или на завтра, — как правило, без кавычек, в виде прямой речи, с красной строки. («Меня Миша приучил очень критически относиться к кавычкам», — писала в мае 1961 года брату, А.С.Нюренбергу, в ФРГ) ...

...Записи 1933—1940 годов стали ценнейшим литературным и историческим документом.

В самом начале 60-х годов Елена Сергеевна первая уловила то, чего еще никто, кроме нее, не понимал: творчество Булгакова начало проби-

ваться сквозь плотный пласт молчания, прорасти сквозь толщу небытия. Шла в печать — и еще срывалась “Жизнь господина де Мольера” (впервые выйдет в свет в 1962 году); шли в печать — и еще срывались “Записки юного врача” (выйдут в свет в 1963-м). Елена Сергеевна писала брату (1961, июль): “О “Белой гвардии” пока что разговора со мной нет ни у кого. А между тем мне очень важно, чтобы она вышла...” (“Белая гвардия” выйдет в 1966-м). И вместе с тем 14 сентября 1961 года она пишет Николаю Булгакову, в Париж: “Я знаю, я твердо знаю, что скоро весь мир будет знать это имя!”

В это время, на едва забрезжившей заре признания, она принимается редактировать свои дневники. Думая об их публикации в будущем? Или о том, что они уже становятся документом, к которому начинают обращаться исследователи? Может быть и так. Но, вероятнее всего, человек необыкновенной аккуратности во всем, она просто испытывает потребность привести их в порядок. Пишет брату в феврале 1961 года: “Я сейчас привожу в порядок свои дневники...” Ее уважение к рукописи как документу было безмерно. Редактируя тексты Михаила Булгакова, она никогда не делала поправок, казалось бы, самых необходимых, непосредственно в рукописи, скажем, “Мастера и Маргариты”. Правя свои собственные дневники, делала на них легкие пометы карандашом — подчеркивания, проекты поправок или вставок — и затем неспешно и заново переписывала тетрадь за тетрадью. В переписанные тетради иногда вносила новые исправления, теперь уже пером или шариковой ручкой.

Заметно правила дневники стилистически. Иногда уточняла, даже

366. Супруги Булгаковы в Киеве.
1934 год — несколькими месяцами раньше
Елена Сергеевна начинает вести дневник...

367.

изменяла оценки, взглядываясь в прошлое из опыта прожитой жизни. И особенно тщательно опускала то, что считала сугубо личным..»

И были у Елены Сергеевны другие «дневники» — это фотоальбомы, в которые она с той же тщательностью вклеивала снимки — год за годом. И это тоже не были обыкновенные «семейные альбомы» для разглядывания в часы досуга — они тоже были подчинены той же цели — сохранить для будущего зримый облик писателя Михаила Булгакова, его окружения, обстановки, в которой он

жил и творил. Собирались снимки и отдельно — может быть, их она просто еще не успела поместить в какой-то другой, новый альбом? Задумала, но не успела? Потом кто-то другой — не допускаю, что это могла сделать сама Елена Сергеевна, — пронумеровал все снимки. Ощущение, что это сделано холодной рукой бездарного архивиста: почти везде цифры поставлены на изобразительном поле снимка, что совершенно недопустимо, — это все равно что на сверкающую лаком поверхность старинного рояля приколотить гвоздями инвентаризационный номер...

*Моя дорогая мам, которую я люблю
Здравствуй от сына
Алекс.
Дорогой Мамочка от
маленького сына Сергеева.*

368.

367. Начатая и неоконченная дарственная надпись Александру Шамилиевичу Мелик-Пашаеву.

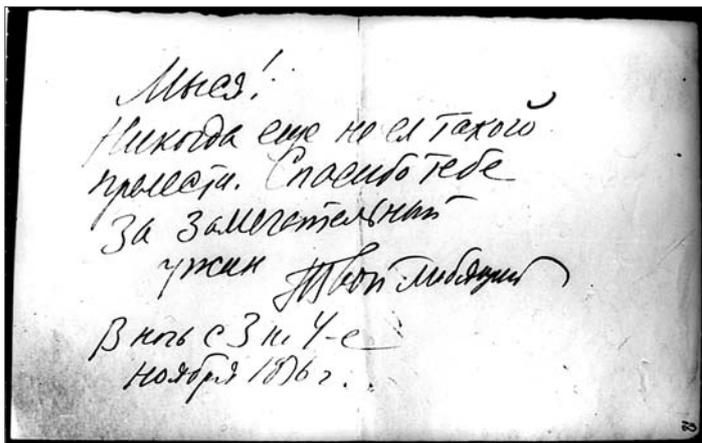
368. Сыновья Елены Булгаковой — Сергей и Евгений. 1935 г.

369. Елена Сергеевна работает над Дневником...

Из Дневника Елены Булгаковой:

«29 сентября. М.А. искал фамилию, хотел заменить ту, которая не нравится. Искали: Каравай... Караваев... Пришел Сережка и сказал: “Каравун”. М.А. вписал. Вообще иногда М.А. объявляет мальчикам, что дает рубль за каждую хорошую фамилию. И они начинают судорожно предлагать всякие фамилии (вроде “Ленинград”...). А весной была такая игра: мух было мало в квартире, и М.А. уверял, что точно живет в квартире только одна старая муха Мария Ивановна. Он предложил мальчикам по рублю за каждую муху. И те стали приносить, причем М.А., иногда внимательно всмотревшись, говорил: эта уже была. С теплом цена на мух упала сначала до 20 копеек, а потом и до пяточка». «17 октября. Вечером неожиданно пошла на “Фауста”. Познакомилась с Меликом. Он дирижировал. Мелик — во фраке, конечно, с красной гвоздикой в петлице».

369а.

Казалось бы, благостная, безмятежная фотография, но считаешь Дневник...

1936 год. «26 июля. Завтра мы уезжаем из Москвы в Синоп под Сухумом. «Минин» закончен.

М.А. написал его ровно в месяц, в дикую жару. Асафьеву либретто чрезвычайно понравилось. Обещает немедленно начать писать музыку...

1 сентября. Сегодня прилетели в Москву с Кавказа... Конец пребывания в Синопе был испорчен Горчаковым... хочет уговорить М.А. написать не то две, не то три новых картины к «Мольеру». М.А. отказался: «Запятой не переставлю»... М.А. бросил работу. Мы уехали в Тифлис. Ездили на машине по Военно-Грузинской дороге. Были во Владикавказе, где когда-то так мучился М.А. И вернулись в Москву.

9 сентября. Из МХАТа М.А. хочет уходить. После гибели «Мольера» М.А. там тяжело.

— *Кладбище моих пьес...*

14 сентября. ...«Самосуд:

— *Ну, когда приедете писать договор — завтра? Послезавтра?.. Мы вас возьмем на любую должность (в Большой театр). Хотите — тенором?..»*

«В середине 60-х годов Елена Сергеевна увлекается составлением сборника воспоминаний о Булгакове: «Современники о Булгакове». Уговаривает возможных мемуаристов. Читает готовые рукописи. Делает замечания, поощряет, хвалит. Иногда бывает очень строга. В дневнике 17 ноября 1967 года записывает свой беспощадный разговор с С.А. Ермолинским: «Если ты хочешь, чтобы я приняла твою статью целиком, переведи прямую речь Миши в косвенную. Ты не передаешь его интонации, его манеры, его слова. Я слышу, как говорит Ермолинский, но не Булгаков. И, говоря откровенно, мне определенно не нравятся две сцены, одна — это разговор якобы ты журналист, а вторая — игра в палешан. Причем я не могу себе представить, где

370.

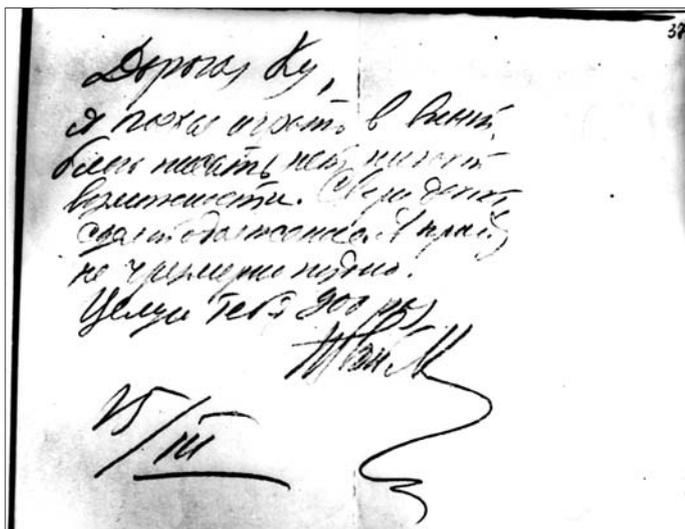
же я была в это время, что я не помню этой игры!»

Лидия Яновская. «Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания».

К этому следует добавить, что и Любовь Евгеньевна Белозерская (вторая жена Булгакова) в своей книге «О, мёд воспоминаний...» говорит о Ермолинском как о недобросовестном воспоминателе. Это уже было значительно позже, когда не стало Елены Сергеевны. Ее отсутствие «развязало руки», а правильнее сказать язык, этому человеку, и на правах друга, пользуясь доверием читателей, он трансформирует свои воспоминания таким образом, чтобы выглядеть «единственным и главным» душеприказчиком Михаила Булгакова. Часто он идет на прямую подтасовку фактов и высказываний, что несложно установить внимательному исследователю. В его воспоминаниях, написанных весьма «раскованно» — он же опытный сценарист, — трудно отличить правду от выдумки, и потому их особенно опасно принимать на веру: как гласит народная мудрость: маленькая ложь рождает большое недоверие...

«Кто ищет, тот всегда найдет» — то, что правильно для песни, далеко не всегда подтверждается практикой. Все попытки найти «исходные материалы» фотографий самого Булгакова или связанных с ним людей оказались безрезультатными. Да, были отпечатки с оригинальных негативов, но самих негативов отыскать не удалось. Как выяснилось, сохранился один-единственный негатив — портрета, сделанного в 1928 году Моисеем Наппельбаумом, но это был профессионал высокого класса, прививший и детям своим трепетное от-

371.

372.

373.

ношение к архивам. Конечно, и время было трудное, и писатель опальный, в первых рядах официально признанных «корифеев» не значащийся... И все-таки необъ-

370. М.А. и Е.С. Булгаковы на отдыхе в Синопе. 1936 г. Казалось бы, благостная, безмятежная фотография, но считаешь Дневник...

371. Елена Булгакова. 1936 г.

372. Фрагмент фотоальбома Елены Сергеевны.

373, 375. Страницы фотоальбома Елены Сергеевны. Фото Бориса Шапошникова.

374. Редактор издательства «Книжная палата» Наталия Митрофанова и булгаковед Лидия Яновская готовят к печати книгу «Дневник Елены Булгаковой».

374.

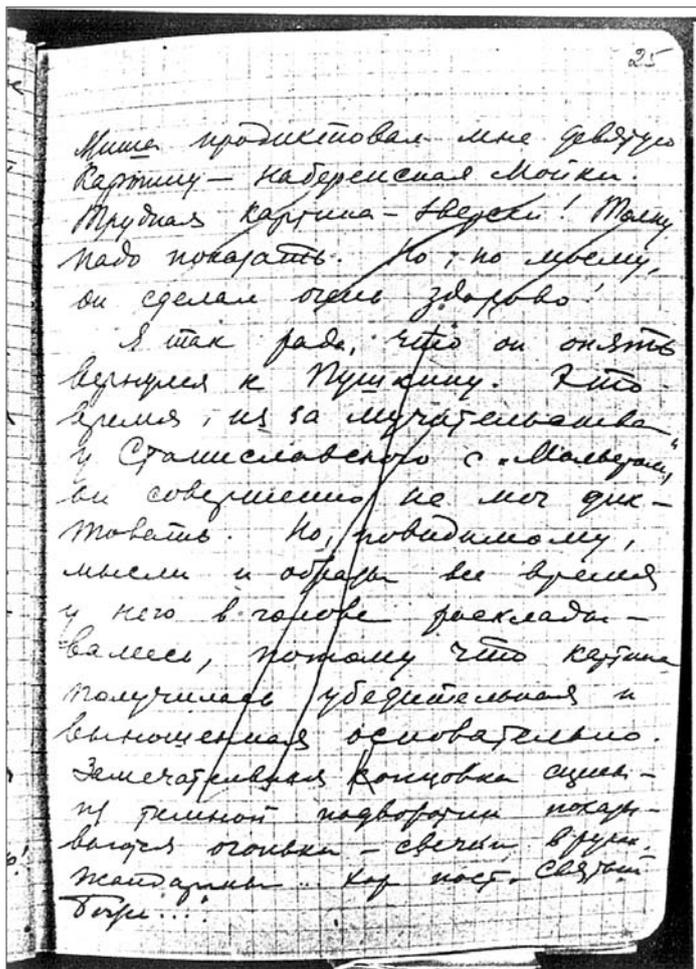
яснимо, почему ни у кого больше не сохранились негативы. Скорее всего, причиной тому — наша низкая фотографическая культура и непризнание за фотографией права считаться произведением. Писатели ставят свое имя на книгах, художники —

на полотнах, но далеко не всякий фотограф пишет на обороте снимка свою фамилию, что, как правило, исключает возможность получения дополнительной информации к изображению, как таковому.

К снимкам, публикуемым на этих страницах, тоже нет негативов, но винить автора — Бориса Шапошникова — мы не можем: он подвергался сталинским репрессиям, и чудо, что из его архива вообще хоть что-то сохранилось. В альбом Елены Сергеевны вклеены, по существу, контрольные отпечатки, сделанные контактным способом. Из этой серии только некоторые печатались крупнее и дошли до нас в приемлемом размере, а получить достаточно приличное качество путем репродуцирования контактов — дело непродуктивное, требующее дополнительной ретуши, что неизбежно приводит к искажению облика изображенных на снимках людей. Так что давайте просто по-

375.

внимательнее взгляди-
 ся в эти фотографические
 «миниатюры».

Кроме фотографий на
 этих страницах показаны
 личные записки Михаила
 Афанасьевича Елене Серге-
 евне и странички из ее Днев-
 ника.

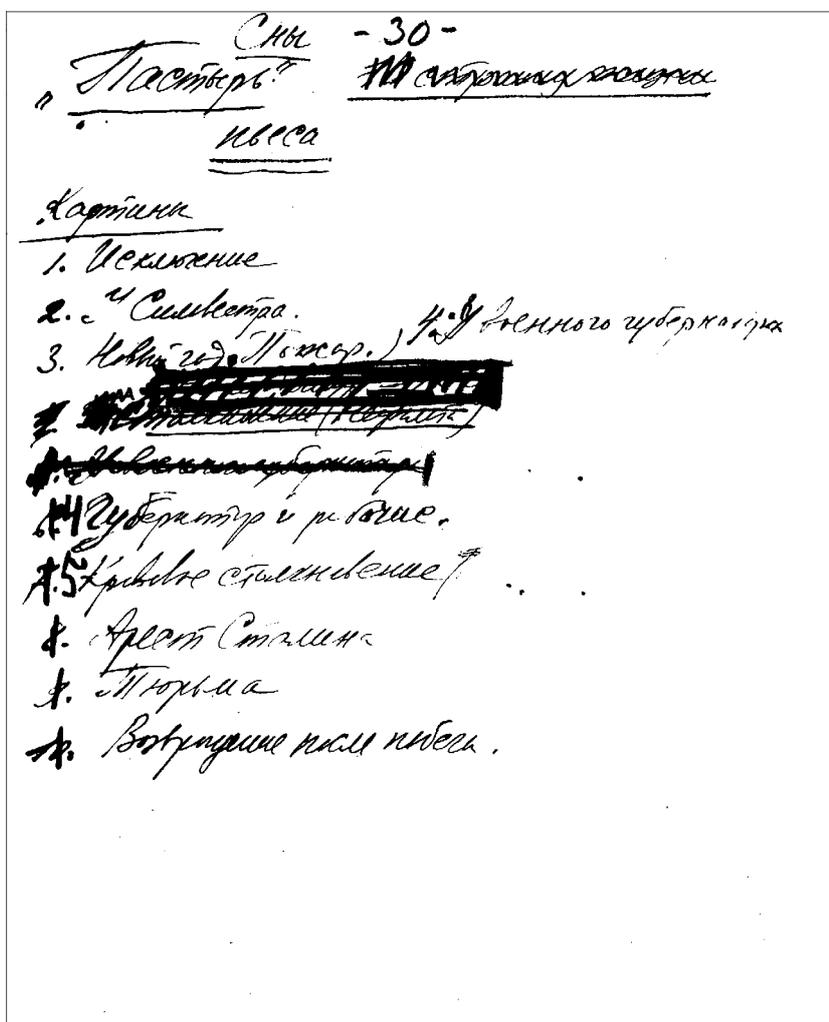
374а.
 Страница дневника
 Е.С. Булгаковой.

Глава 59. БАТУМ

374б. Страница первой редакции («Пастырь»)
пьесы «Батум» М. Булгакова.

Пьеса «Батум» и ее трагическая судьба до сих пор привлекают внимание исследователей творчества писателя. Но, чтобы понять существо проблемы, лучше всего обратиться опять же к Дневнику Елены Сергеевны и высказываниям современников. Начну со слов Сергея Ермолинского: «...Он осуждал писательское малодушие, в чем бы оно ни проявлялось, особенно же, если было связано с расчетом — корыстным или мелкочестолюбивым, не говоря уже о трусости. Тем беспощаднее он осудил самого себя и говорил об этом прямо, без малейшего снисхождения. И не забывал до конца жизни... Кажется, именно с этого времени он стал носить темные очки, надевая их, когда выходил на улицу. Ему мерещилось, что все показывают на него пальцем. Старался как можно больше сидеть дома...»

Трудно сказать, чем была продиктована эта «дружеская» клевета мемуариста, но слова эти опровергаются и фактами, и близкими Михаилу Булгакову людьми. Он никогда не кривил своей писательской совестью. Вот один пример. Еще в 1933 году он писал брату в Париж: «В «Беге» мне было предложено сделать изменения. Так как изменения эти вполне совпадают с первым моим черновым вариантом и ни на йоту не нарушают писательской совести, я их сделал». Категорически опровергает

375. И. Сталин. 1930-е годы.

Ермолинского Виталий Виленкин, имевший непосредственное отношение к истории с пьесой. У Булгакова и в помыслах не было «пробиться» за счет литературного конформизма, и стыдиться ему было нечего. Пьеса, написанная в 1939 году, задумана была еще в 1936-м. Вся история ее создания зафиксирована в Дневнике Елены Булгаковой:

«6 февраля (1936 г.) М.А. окончательно решил писать пьесу о Сталине». Затем еще 2—3 упоминания об этом замысле, а возвращение к этой теме — через три года:

«21 мая (1939 г.) Миша сидит сейчас (десять часов вече-

Но через некоторое время товарищ Сталин сам заглянул в окно и спросил: „Скучаете, товарищи?“

Даже находясь в тюрьме, товарищ Сталин, несмотря на применявшийся к нему жестокий режим, руководил революционной борьбой багумских рабочих.

В тюрьме товарищу Сталину удается наладить связь с оставшимися на свободе членами социал-демократической организации и направлять их работу.

За заботливость, с которой товарищ Сталин относился к товарищам, находившимся с ним в заключении, все политические заключенные его очень любили.

Как-то раз, когда нас вывели на прогулку, я остановилась у окна камеры, в которой сидел товарищ Сталин, и попыталась с ним заговорить. Сопровождавший нас надзиратель ударил меня за это возмущением шапкой. Этот поступок тюремщика сильно возмутил товарища Сталина, и он потребовал от тюремной администрации увольнения надзирателя.

21 апреля 1903 г. всех политических заключенных вызвали в тюремную контору для отправки в кутанскую тюрьму. Офицер, начальник караула, стал надевать нам на руки кандалы. Товарищ Сталин

8 Багумская демонстрация

113

ра) над пьесой о Сталине...»

«3 июля. Вечером у нас Хмелев, Калишьян, Ольга. Миша читал несколько картин... разговоры о пьесе... Разошлись, когда уже совсем солнце вставало...»

375а. Фрагмент страницы журнала «Историк-марксист» со статьей С. Блюма «Бакинская демонстрация

П р о д а ж а (П о л н а я)	г о ч. _____ м. _____ пор. № _____	Б л а н к № 30	М О Л Н И Я Т У Д А С Т А Н Ц И Я
	П р и б л и ж _____ пор. № _____		П Ё З Д № 29 В Ы Ш Е Д Ш И Й
П е р е д а т	_____ пров. № _____	Пр о в. № _____	14/8 В А Г О Н
М О Л Н И Я М О С К В Ы 9301 21 14 13 :30			М Е Ж Д У Н А Р О Д Н Ы Й М Е С Т О
			17 Б У Л Г А К О В У Г Е С Л И
			В И Л Е Н К И Н У
= Н А Д О Б Н О С Т Ь П О Е З Д К И О Т П А Л А В О З В Р А Щ А Й Т Е С Ь М О С К В У :			
= К А Л И Ш Ь Я Н + +			
Т е л е г р а ф в			
<small>2 полиграф. Ф-ка, ч. 1297—385.УСХАН—3867х.100 3</small>			

375а.
Телеграмма, полученная в поезде во время поездки творческой группы МХАТа в Тифлис и Батум для подготовки постановки пьесы М. Булгакова «Батум».

Из письма Хмелева жене: «Был у Булгакова — слушал пьесу о Сталине — грандиозно!.. Я до сих пор нахожусь под впечатлением и под обаянием этого произведения... Утверждают, что Сталина должен играть я... Заманчиво, необычайно интересно, сложно, дьявольски трудно, очень ответственно, радостно, страшно!»

Вспоминает В. Виленкин: «Театр предлагал осуществить его давний замысел и написать пьесу о молодом Сталине, о начале его революционной деятельности. Тем, что подобная тема предлагалась именно Булгакову, заранее предопределялась ее тональность: никакой лакировки, никакой спекуляции, никаких филлимонов; драматический пафос может родиться из правды подлинного материала...»

Иначе говоря, Булгакову предлагали возвратиться к его давнему замыслу.

«— Нет, это рискованно для меня. Это плохо кончится», — ответил Булгаков. И все-таки решился и стал пьесу писать.

Много лет спустя в одном из своих писем Константин Симонов напишет: «Прочитал я «Батум». Пьеса талантливая, как и все, что делал Булгаков. Что касается Сталина, то в этой пьесе, конечно, есть отношение к нему как к крупной личности, пьеса и написана о становлении крупной личности, и в то же время нет никакого намека на коленопреклонение...»

Но пьеса была запрещена. Елена Сергеевна записала в Дневнике: «17 августа.... Пьеса получила наверху (в ЦК, наверно) резко отрицательный

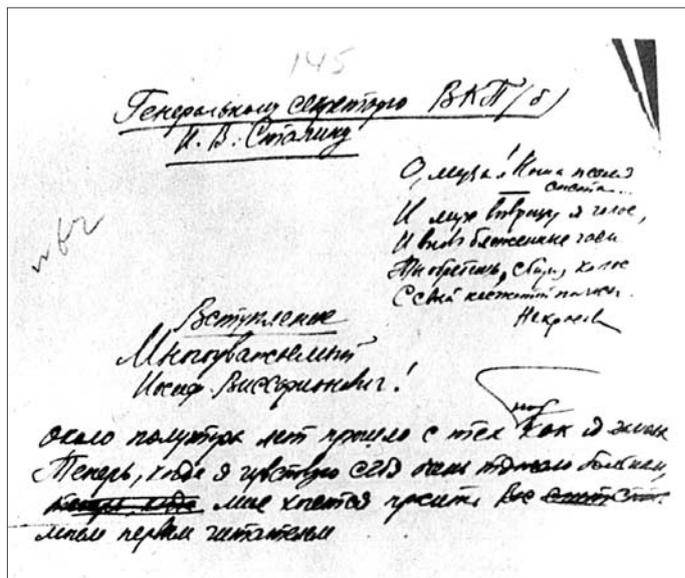
отзыв. Нельзя такое лицо, как И.В. Сталин, делать романтическим героем, нельзя ставить его в выдуманные положения и вкладывать в его уста выдуманные слова. Пьесу нельзя ни ставить, ни публиковать. Второе — что наверху посмотрели на представление этой пьесы Булгаковым как на желание перебросить мост и наладить отношение к себе...»

Причем чей отзыв, чьи формулировки, узнать было невозможно, как невозможно было проверить и рассказ о том, что Сталин будто бы сказал: *«Пьеса написана хорошо, но ставить ее нельзя...»* Может быть, истина откроется после того, как откроется личный архив Сталина? Или не откроется никогда?

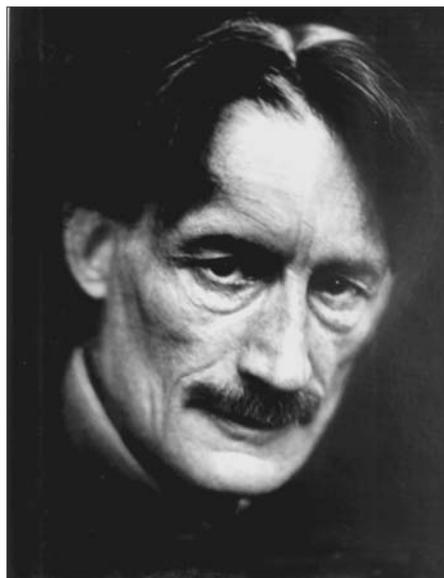
Однако я бы скорее поверил Сталину — пьеса-то действительно хорошая, а вот почему нельзя ставить, можно только догадываться. А «зарубил» он ее, скорее всего, потому, что она могла разрушить имидж (как теперь говорят) человека-бога, который создавался им через своих присных с такой настойчивой последовательностью в течение многих лет, заземлить его, хотя бы даже и через его же собственное прошлое, показав, что это просто человек, революционер, каких было немало...

Запрет этот, обрушившийся на драматурга в виде телеграммы, возвращавшей с дороги мхатовскую группу, ехавшую на Кавказ собирать материал для готовившегося спектакля, оказался смертельным ударом для Булгакова. Его здоровье, и без того подтачиваемое наследственной болезнью — склерозом почек, — внезапно обострившейся, подало первый сигнал тревоги через резкое ухудшение зрения. Это и было причиной, потребовавшей прибегнуть к черным очкам, а не придуманные Ермолинским муки совести...

И нельзя рассматривать отношение людей того времени к Сталину с позиций сегодняшнего дня. Тогда не была известна его прямая причастность ко многим злодеяниям, творящимся в стране, и немало крупных писателей в те годы создавали свои произведения, воспевавшие «великого вождя трудящихся». В 1935 году вышла книга Анри Барбюса «Сталин», с которой Булгаков был, несомненно, знаком уже потому, что вообще знал творчество этого неоднозначного писателя. Работая над романом «Мастер и Маргарита», Булгаков делал выписки из книги Барбюса «Иисус против Христа», испещрил ее своими пометами. И в «Батуме» есть прямая перекличка с книгой «Сталин», хотя даже отдаленно нет того восторженного возвеличивания, которое наполняет книгу Барбюса. Есть некая тайна в том, что, едва успев закончить эту книгу, Барбюс скончался в Москве, в Кремлевской больнице. Как и в том, что написана она так, словно поработал над ней не талантливый писатель, а группа авторов из отдела пропаганды ЦК ВКП(б)... А может быть, в этом виноват «переводчик при особе иностранца», так сказать, Коровьев с обратным знаком? Уж очень явно перекликается эта книга с другой, созданной тоже маститым

375f. Страница письма М. Булгакова И.В. Сталину.

376. Анри Барбюс.

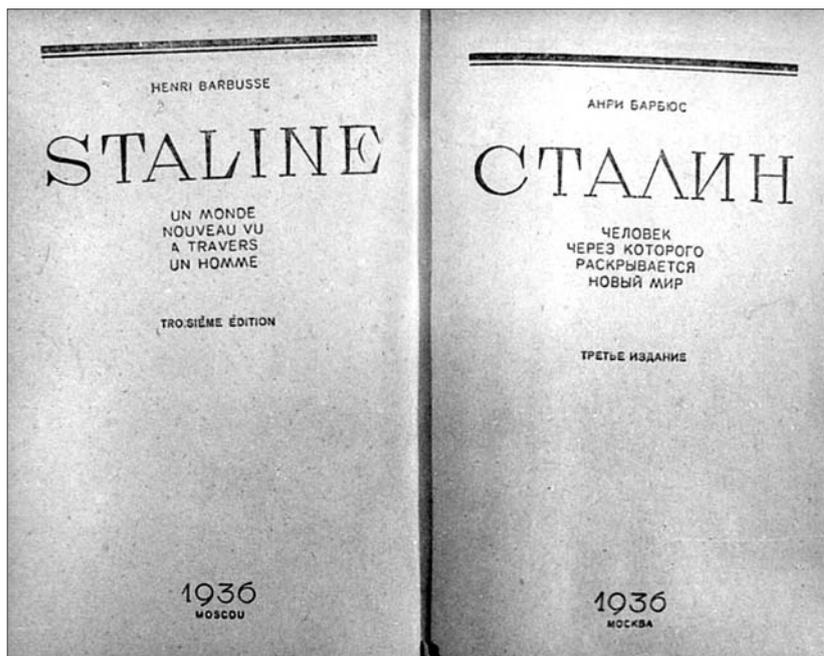
иностранным писателем — Лионом Фейхтвангером — «Москва 1937». При нем ведь тоже состоял переводчик (не исключено, что тот же самый или предоставленный тем же самым ведомством). Фейхтвангер даже как бы оправдывал политические процессы с их смертными приговорами и тоже возвеличивал генерального секретаря. А может, он так был перепуган фашизмом в Германии, что не разглядел его в России?

В Дневнике Елены Сергеевны записи: «5 декабря (1937 г.). Вечером часов в восемь на часок приехал Яков, засиделся допоздна. Привез книгу Фейхтвангера «Москва 1937»...

6 декабря. Книга произвела на М.А. неприятное впечатление».

376а.

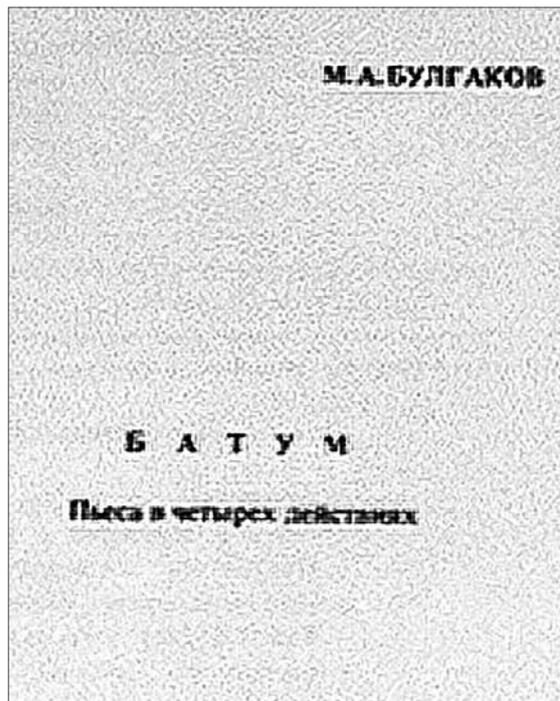

376b. Книга А. Барбюса «Сталин».

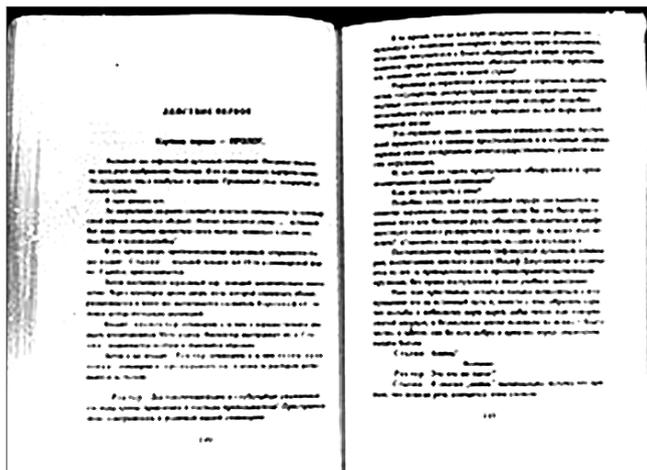
Лион Фейхтвангер дожил до 1958 года, а значит, не мог не знать доклада Хрущева на XX съезде партии. И не мог не вспомнить о той своей книге. Что почувствовал он при этом?

А «Батум» был честной пьесой...

— Почему же он все-таки решил писать о Сталине? — спра-

шивают, «докапываясь», некоторые скептики. Да потому, что он был драматургом, и личности неограниченных властителей не могли его не интересовать — в его творчестве мы видим и Людовика XIV, и Николая I, и Николая II — его, кстати, в том же «Батуме». Но с ними было проще — их права на власть и вхождение в нее были традиционными — они ее получали по наследству, а вот как шел к своему «престолу» Иосиф Джугашвили, заслуживало писательского исследования, которое он и проделал в пьесе «Батум» — проследил первые шаги будущего «отца народов», прояснил черты характера и методы борьбы с представителями власти, стоявшими на его пути к титулу «Великого Пастыря»...

376с.

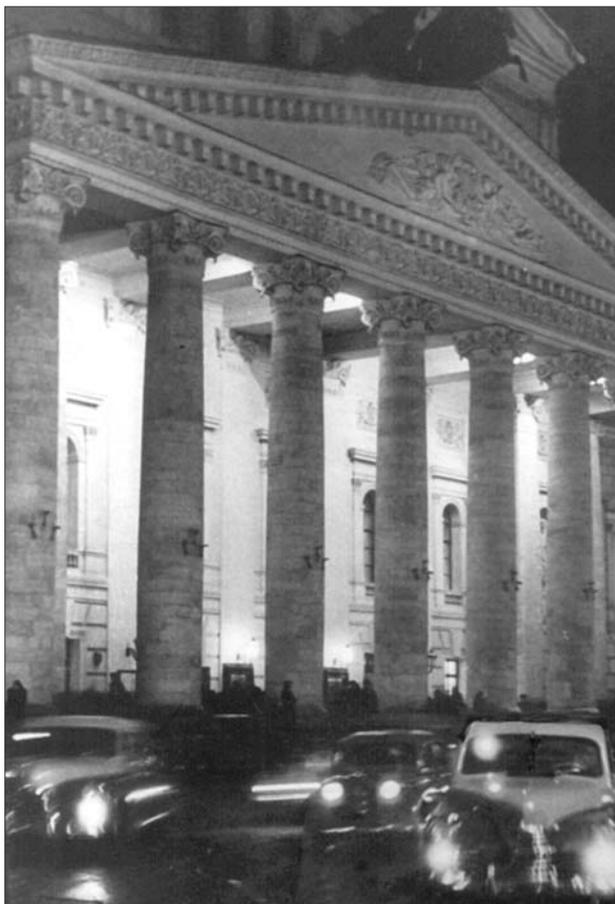
И Сталин, обладавший удивительным нюхом на любую крамолу, направленную против него лично, уловил почти неулавливаемый подтекст пьесы и, как говорится, зарубил ее на корню... Чем бы это могло кончиться для Булгакова, не будь дни его сочтены, можно догадываться с большой долей вероятности. Вспомним его слова, сказанные мхатовцам: «**Это для меня плохо кончится...**»

Пьесу «Батум» впервые опубликовала литературовед Эллендеа Проффер в своем издательстве Ардис/Анн Арбор, штат Мичиган, США, в сборнике материалов и документов под общим названием «**НЕИЗДАННЫЙ БУЛГАКОВ**».

Глава 60. БОЛЬШОЙ ТЕАТР

377.

«...В 1936 году, после снятия моей пьесы “Мольер” с репертуара, подал в отставку в МХАТе и был принят на службу в Гос. Ак. Большой театр Союза ССР в Москве на должность либреттиста и консультанта, в каковой должности и нахожусь в настоящее время...»

270

Член Союза советских писателей М. Булгаков.

«Драматург Михаил Афанасьевич Булгаков. Автобиография». Москва, 20 марта 1937 года.

Так это прозвучало в официальной бумаге, составленной сухим, почти канцелярским языком и предназначенной для адекватных инстанций...

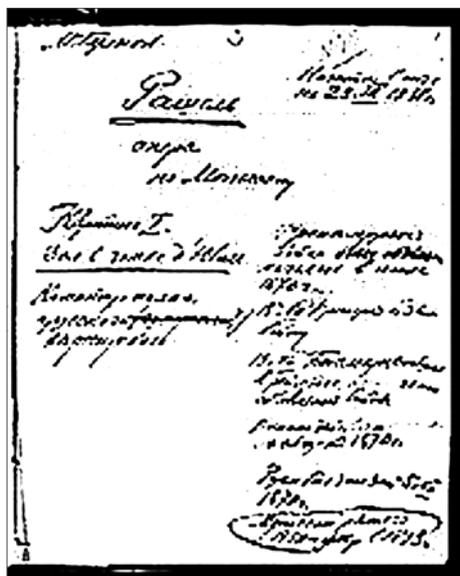
А вот что он писал Павлу Попову в октябре 1936-го: «У меня

378.

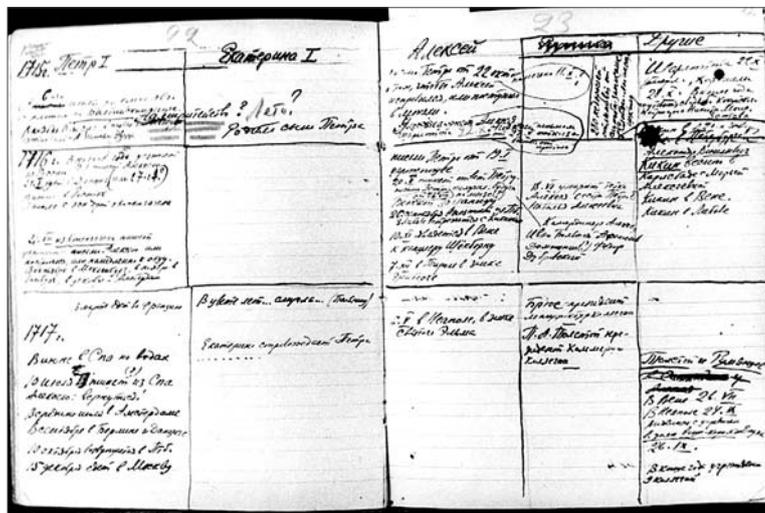
379.

была страшная кутерьма, мучения, размышления, которые кончились тем, что я подал в отставку в Художественном театре... Довольно! Все должно иметь свой предел...»

И тогда же Викентию Викентьевичу Вересаеву: «...Я понемногу начинаю разбираться в хаосе, получившемся после моего драматургического разгрома. Из Художественного театра я ушел. Мне тяжело работать там, где погубили "Мольера". ... Тесно мне стало в Презде Художественного театра, довольно фокусничали со мной. Теперь я буду заниматься сочинением оперных либретто. Что ж, либретто так либретто!...»

379a.

379b.

что ему нужна окружающая среда, лучше всего театральная. И что в Большом его привлекает музыка...»

«Шапорин у нас. Играл свою оперу “Декабристы”, рассказывал свои злоключения, связанные с либретто, которое писал Алексей Толстой. Шапорин приехал просить М.А. исправить либретто. М.А. отказался входить в чужую работу, но сказал, что как консультант Большого театра он поможет советом...»

«...Один из бухгалтеров Большого театра сочинил пьесу, плохую, конечно. Днем М.А. пришлось с ним разговаривать, то есть бухгалтер просил дать отзыв... А вечером — Смирнов, присланный дирекцией Большого театра для консультации по поводу либретто. Убийственная работа — думать за других!»

«Открытка от самодеятельности Автозавода им. Сталина, просят писать монтаж к двадцатилетию Октябрьской революции».

«После бешеной работы М.А. закончил “Черное море” ... сдал в Большой экземпляр либретто...»

«В разговоре М.А. сказал:

— Я работаю на холостом ходу... Я похож на завод, который делает зажигалки...»

«У М.А. из-за всех этих дел по чужим и своим либретто начинает зреть мысль — уйти из Большого театра, выправить роман (“Мастер и Маргарита”)...»

«Яков Л. предложил: в договор... не входить, а об уходе еще подумать. Таким образом, хотя бы сваливается работа над чужим и трудным, мучительным материалом...»

«Позвонил Яков Л. и сообщил, что на “Поднятой целине” был генеральный секретарь и, разговаривая... о репертуаре Большого, сказал:

— А вот же Булгаков написал “Минина и Пожарского”... Яков Л. обрадовался этому и тут же позвонил...»

379d. Михаил Булгаков и Яков Леонтьев.
Шарж Сергея Топленинова.

379v.

«Днем М.А. был в Большом на репетиции “Потемкина”, а потом там же работал с автором Чишко, выправлял текст либретто».

«Днем опять с Седым работа у М.А. Работа не нравится М.А., он злится, нервничает. Положение безвыходное».

«18 марта (1938). М.А. больной, сидит — в халате, в серой своей шапочке — над романом... 19 марта. Грипп. Роман... 20 марта. Грипп. Роман...»

«Яков Л. привез М.А. из театра поздно вечером, остался посидеть. Жаловался на очень зверскую заня-

тость, директора еще не назначили...»

«Из Большого (позвонил) Яков Л.: где М.А.?.. У меня к нему дело есть, интересное. Хороший разговор. Потом оказалось, что Большой театр предлагает М.А. делать либретто по “M-elle Фифи” с Дунаевским — композитором...»

377. Михаил Булгаков. 1930-е годы.

378. Большой театр в ту пору.

379. Яков Леонтьевич Леонтьев.

Представленные здесь автографы Булгакова — работа над либретто опер, ни одной из которых не довелось увидеть сцены...

Глава 61. В КРУГУ ДРУЗЕЙ

У Булгаковых было много друзей, и все они являлись выдающимися людьми своего времени — творчески одаренные, хорошо образованные, глубоко порядочные, они были той интеллектуальной средой, в которой только и мог дышать писатель Булгаков в то страшное для России время. Разумеется, тут представлены только некоторые из них.

380.

380. Борис Эрдман, театральный художник.

381 Николай Эрдман, писатель, драматург.

«Вчера у нас был Борис Эрдман, попросил дать ему почитать “Бег”. Прочитал у нас, понравилась ему пьеса необычайно! Весь вечер говорил о ней. А за ужином Миша прочитал три картины из “Пушкина”. Борис сказал, что придет следующий раз для того, чтобы прочесть всего “Пушкина”»...

381.

382.

Дневник Елены Булгаковой.

«Коля Эрдман остался ночевать. Замечательные разговоры о литературе ведут они с М.А. Убила бы себя, что не знаю стенографии, всё это надо было бы записывать. Легли уж под утро...»

Дневник Елены Булгаковой.

Эти прославленные мастера кино были большими друзьями Вильямсов, часто бывали в их доме. Здесь они познакомились и подружились с Булгаковыми.

«Горчаков привозил эскизы Вильямса к “Мольеру”. Особенно понравились М.А. — лестница у короля, внутренность театра — сцена (в последнем акте) и кладбище»...

«Дневник Елены Булгаковой».

382. Любовь Орлова и Григорий Александров.

383. С композитором Виктором Долидзе, автором знаменитой грузинской оперы «Кэто и Коте». Фотография сделана, скорее всего, в 1928 году, когда Булгаков побывал в Тифлисе. Но знакомство их, вероятно, более давнее — они могли познакомиться в Киеве, где Долидзе с 1910 по 1917 год учился в коммерческом училище и музыкальной школе.

384. С художником Михаилом Черемных. Он был одним из создателей «Окон РОСТА», «Окон ТАСС», журнала «Крокодил». Прекрасный график, автор многих сатирических карикатур и плакатов был близок Булгакову своим острым взглядом на те пороки и непотребства окружавшей их жизни, с которыми писатель боролся оружием сатирика-литератора...

385. Художник Петр Вильямс с женой Анусей — так ее именует в своем Дневнике Елена Сергеевна.

384.

385.

Глава 62. ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ

10 сентября 1939 года Булгаковы выезжают в Ленинград, и там на них обрушивается беда.

Записи в Дневнике Елены Сергеевны:

«11 сентября. Астория... Чудесный номер, радостная телеграмма Якову... Гулять. Не различал надписей на вывесках, все раздражало — домой. Поиски окулиста.

12 сентября. Молния Якову. Ночной разговор из Москвы от Леонтьевых... Страшная ночь...

15 сентября. Приезд в Москву. Яков — машину... В постель Мишу...

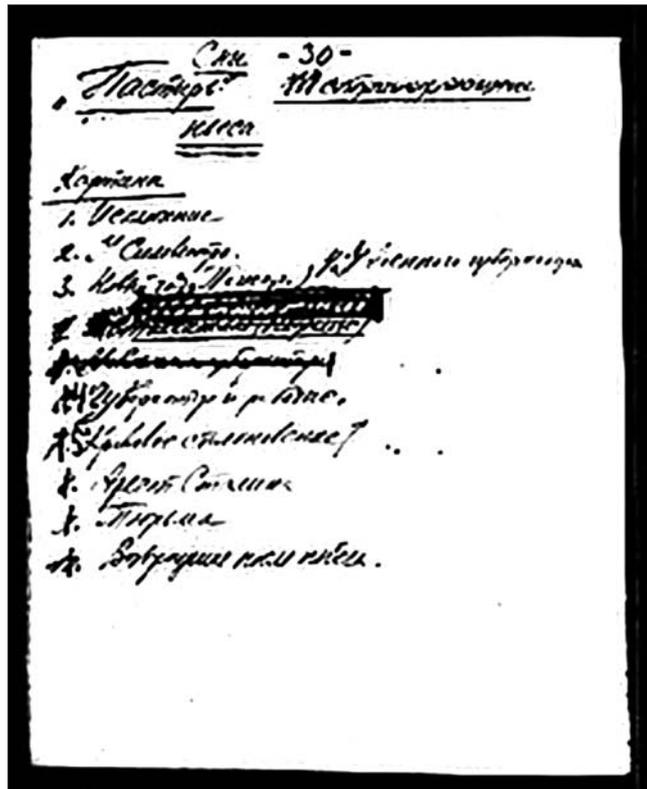

386. Михаил и Елена Булгаковы в санатории «Барвиха». Декабрь 1939 г.

386а.

26 сентября. Углубленный в себя взгляд, мысли о смерти, о романе...

В декабре Михаил Афанасьевич и Елена Сергеевна едут в подмосковный санаторий «Барвиху». По возвращении оттуда Булгаков пишет своему другу детства Александру Гдешинскому в Киев: «Ну вот, я и вернулся из санатория. Что же со мною? Если откровенно и по секрету тебе сказать, совет меня мысль, что вернусь я умирать... во мне происходит, ясно мной ощущаемая, борьба признаков жизни и смерти. В частности, на стороне жизни — улучшение зрения...»

Улучшение дарит надежду, и он «пером начинает» 6.1.1940 года новую пьесу. В записках Елены Сергеевны мы находим план этой пьесы, как она его помнит, — размечены четыре акта, семь картин... Написанной ей быть не суждено...

15 февраля Булгакова посещает Фадеев — глава Союза писателей. Ровно через месяц, уже после смерти писателя, он напишет Елене Сергеевне письмо, в котором, в частности, будут такие слова:

«Но я не только считал нужным, а мне это было по-человечески необходимо (чтобы знать, понять, помочь) навещать Михаила Афанасьевича, и впечатление, произведенное им на меня, неизгладимо. Повторяю, мне сразу стало ясно, что передо мной человек поразительного таланта, внутренне честный и принципиальный и очень умный, — с ним, даже с тяжело больным, было интересно разговаривать, как редко бывает с кем. И люди политики и люди литературы знают, что он человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью, что путь его был искренен, ограничен, а если в начале своего пути (а иногда и потом) он не все видел так, как оно было на самом деле, то в этом нет

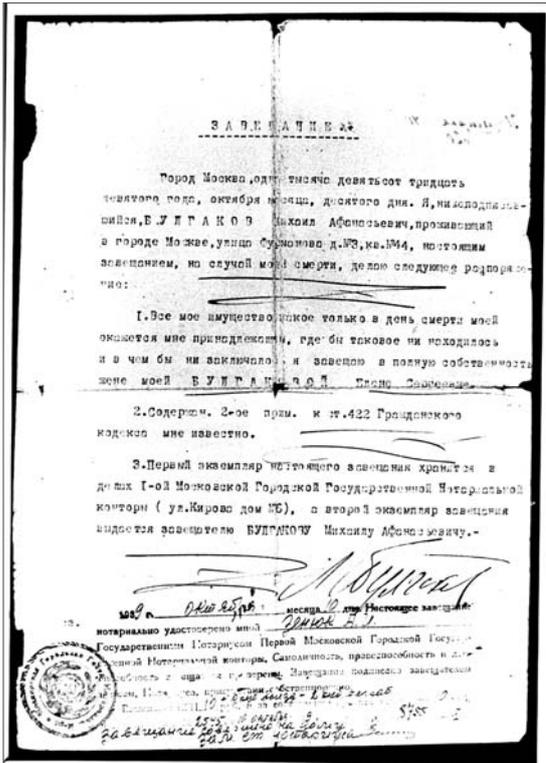

387. А.А. Фадеев

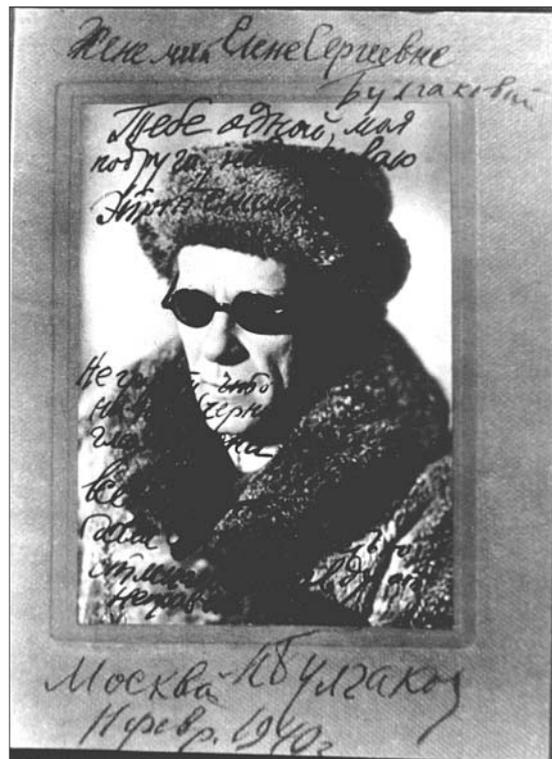
ничего удивительного. Хуже было бы, если бы он фальшивил».

Этот отрывок из письма Фадеева неизменно цитируют почти все исследователи, но почему-то никто не цитирует последний абзац этого письма, а он стоит того:

«Нечего и говорить о том, что все, сопряженное с памятью М.А., его творчеством, мы вместе с вами, МХАТом подыдем и сохраним: как это, к сожалению, часто бывает, люди будут знать его все лучше по

280 388а.

388б.

сравнению с тем временем, когда он жил. По всем этим делам и вопросам я буду связан с Маршаком и Ермолинским и всегда помогу всем, чем могу. Простите за это письмо, если оно вас разбередит». (Заметим попутно, что Ермолинский, цитируя это письмо, делает «рокировку»: «с Ермолинским и Маршаком...»!)

Ни одно произведение Булгакова не было опубликовано в бытность Фадеева генеральным секретарем Союза советских писателей.

Вскоре после возвращения в Москву Михаил Булгаков делает завещание в пользу своей жены Елены Сергеевны.

За месяц до кончины он подписывает ей свою последнюю фотографию:

«Жене моей Елене Сергеевне Булгаковой. Тебе одной, моя подруга, надписываю этот снимок. Не грусти, что на нем черные глаза: они всегда обладали способностью отличать правду от неправды. Москва. М. Булгаков. 11 февр. 1940 г.».

Глава 63. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

389.

390.

дартной киноплёнки. Следовательно, и фотоаппарат был соответствующий. А в ту пору такие аппараты были только у узкого круга профессионалов. Однако многомесячные поиски результата не давали, а разгадка все время была рядом... Ведь из всех людей, запечатленных на этой плёнке, к этому времени оставалась одна Ма-

Первый кадр из этой серии, который я увидел, был неполным — на нем отсутствовал один человек, о чем я не сразу догадался. Но об этом речь впереди. Потом в какой-то из книг обнаружил еще два или три, а всю серию только тогда, когда работал в Отделе рукописей ГБЛ (ныне РГБ) над иконографической частью Булгаковского архива. И тут стало ясно: все снимки отпечатаны с одной пленки, узкой — «леечной», а проще — с обычной стан-

391.

рика — Мария Артемьевна Ермолинская, которую я наконец-таки догадался спросить.

— Как же, знаю, это Константин Венц, кинооператор с Мосфильма — я до войны там снималась... Елена Сергеевна пригласила его, чтобы он сделал снимки Михаила

Афанасьевича с родными и друзьями, она понимала, что других уже может не быть... А вот где сейчас Венц — понятия не имею...

Ну, раз кинооператор, подумал я, то с пленкой у него проблем не было, и, скорее всего, он ее не экономил и доснял всю кассету, а в ней 36 кадров, следовательно... может быть, существуют и еще снимки? Надо искать Венца! Один из моих друзей — историк — высказал предположение, что это «не вся» фамилия, и в результате каких-то своих умпостроений «вычислил», что полная фамилия этого человека — Венценосцев, что вскоре и подтвердилось, а Венц был его творческий псевдоним. В конце концов мне повезло, нашлась его сестра, и тогда выяснились печальные вещи: «— *Самого Константина Михайловича уже нет в жи-*

392.

393.

394.

395.

396.

397.

398.

вых, архив его не сохранился — у нас вообще катастрофическое отношение к семейным архивам — и куда исчезла эта драгоценная пленка, никому не известно, Найдется ли она когда-нибудь? Бог весть... А портрет самого брата — вот он...»

Ну что ж, это тоже находка, и мы можем с благодарностью увидеть хотя бы на фотографии лицо человека, который сохранил для нас облик великого

397–398.
Сереза Шиловский,
Михаил Булгаков
и Сергей
Ермолинский.

399.
Михаил и Елена
Булгаковы. Сереза
Шиловский,
Павел Попов
и Марика (Мария)
Ермолинская-
Чемишкиан.

400.

писателя в последние, такие тяжелые для него дни. А оставались именно дни — съемка сделана 27 февраля 1940 года — до рокового часа судьба отсчитала только десять дней... Дату съемки удалось установить с помощью записей Елены Сергеевны. А она знала, что такое архив...

Большинство снимков в этой главе в подписях не нуждаются. Но мы сохраним общий порядок номеров, он нам понадобится в конце книги.

Глава 64. ДНИ СКОРБИ

ПОХОРОНЫ ПИСАТЕЛЯ М. А. БУЛГАКОВА

11 марта днем гроб с телом покойного драматурга Михаила Афанасьевича Булгакова был перевезен в помещение союза советских писателей. На гроб возложено много венков и цветов. В почетных караулах стояли гг. И. К. Луппол, Вс. Иванов, Л. М. Леонов, О. Я. Маршак, В. Г. Сахновский, Н. П. Хмелев, А. Файко, С. А. Самосуд, Я. Л. Леонтьев, М. И. Прудин, А. О. Степанова, В. Я. Станицын и др.

Гражданскую панихиду открывает академик И. К. Луппол. От имени союза писателей выступает Вс. Иванов, который говорит, что советская литература понесла большую потерю. Умер талантливый, своеобразный художник слова.

От имени Всесоюзной комиссии по драматургии, театру и кино выступает А. М. Файко. Он говорит о незавершенных творческих замыслах Булгакова, который до последних дней диктовал правку рукописей своего нового романа — философского, с глубоким чувством быта и романтики. Булгаков был весьма многосторонним писателем. Он писал о Мольере, он создал пьесу «Дон-Кихот», которая в скором времени должна увидеть оценку советских театров, пьесу «Пушкин», к работе над которой приступает Художественный театр.

По поручению коллектива Художественного театра выступает народный артист РСФСР В. О. Топорков:

— На днях наш театр будет в 900-й раз играть замечательную пьесу Булгакова «Дни Турбиных». С ней для Художественного театра связано рождение второго актерского поколения. Многие из актеров, пользующиеся сейчас признанием и любовью советского зрителя, впервые в полной мере обнаружили свои дарования в этом спектакле.

От коллектива Большого театра глубокую скорбь выражает главный режиссер театра В. А. Мейерхольт. Михаил Булгаков работал в Большом театре литературным консультантом. Им было написано либретто новой оперы «Минин и Пожарский».

Траурное собрание закончено. До позднего вечера с прахом покойного приходили проститься советские писатели, артисты, интеллигенция столицы.

★
Вчера в 5 часов дня гроб с прахом М. А. Булгакова был перевезен в крематорий. Сюда собрались представители советской литературы, Художественного и Большого театров. Народная артистка СССР О. Л. Книппер-Чехова возлагает цветы на гроб.

Перед кремацией соотстоялась последняя гражданская панихида. Прощальное слово от коллектива Художественного театра произнес народный артист РСФСР В. Г. Сахновский.

Происходит прощание с прахом покойного, после чего гроб опускается для кремации.

400a.

400b.

401b.

Посмертная маска Михаила Булгакова, снятая скульптором Сергеем Меркуровым.

401.

Елена Сергеевна и в часы скорби, когда боль утраты была невыносимо тяжела, находила в себе силы скрупулезно вести архив Булгакова — газетные вырезки с сообщениями о смерти и похоронах Михаила Афанасьевича, его последняя фотография на смертном одре, сделанная тем же Константином Венцем (401.), пригласительный билет на вечер памяти — все это бережно сохранено для будущих поколений читателей, для истории русской литературы.

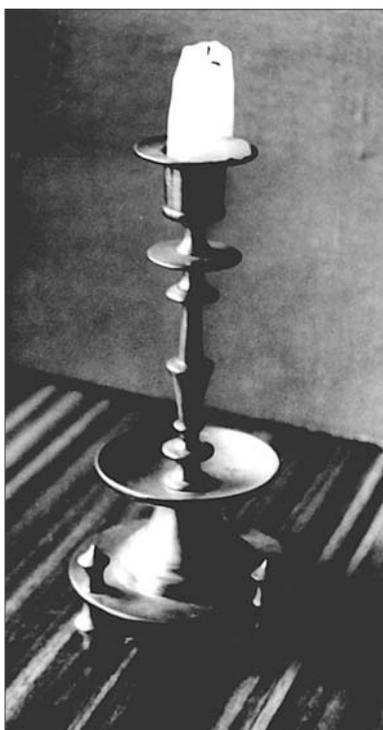
288

«...Я долго не оформляла могилы, просто сажала цветы на всем пространстве, а кругом могилы посажены мной четыре грушевых дерева, которые выросли за это время в чудесные высо-

401a.

402. Могила писателя на Новодевичьем кладбище.

403. Последняя недогоревшая свеча...

кие деревья, образующие зеленый свод над могилой. Я никак не могла найти того, что бы я хотела видеть на могиле Миши — достойного его. И вот однажды, когда я, по обыкновению, зашла в мастерскую при Новодевичьем кладбище, я увидела глубоко запрятавшуюся в яме какую-то гранитную глыбу. Директор мастерской на мой вопрос, объяснил, что это Голгофа с могилы Гоголя, снятая... когда ему поставили новый памятник. По моей просьбе, при помощи экскаватора, подняли эту глыбу, подвезли к могиле Миши и водрузили. С большим трудом, так как этот гранит труден для обработки, как железо, рабочие выруб-

404. Чернильница письменного стола М. Булгакова.

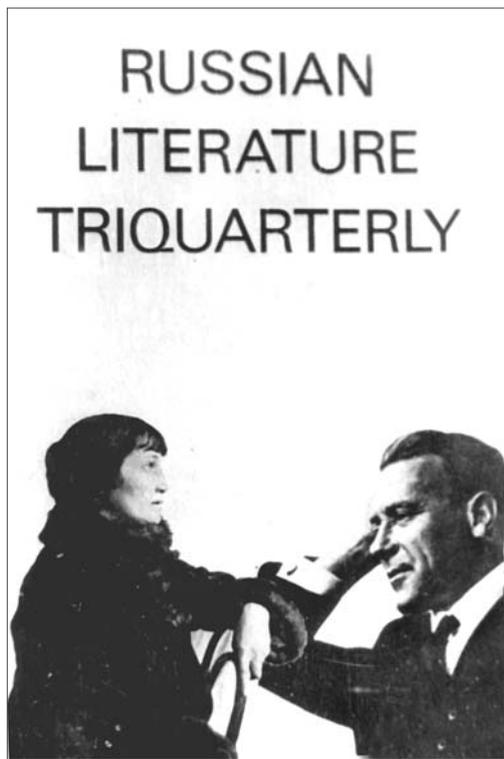
ли площадочку для надписи: Писатель Михаил Афанасьевич Булгаков. 1891—1940 (4 строчки, золотыми буквами). Вы сами понимаете, как это подходит к Мишиной могиле, — Голгофа с могилы его любимого писателя Гоголя. Теперь каждую весну я сажаю только газон. Получается изумительный густой ковер, на нем Голгофа, над ней купол из зеленых густых ветвей. Это поразительно красиво и необычно, как был необычен и весь Миша — человек и художник».

Елена Булгакова. Из письма
Николаю Афанасьевичу Булгакову
(из Москвы в Париж)

*«...Когда же берег ада
Навек меня возьмет,
Когда навек уснет
Перо, моя отрада,
И ты, в углу пустом
Осиротев остынешь
И навсегда покинешь
Поэта тихий дом...»*

Александр Пушкин.
«К моей чернильнице»

Глава 65. АННА АХМАТОВА

405а.

На обложке американского литературного журнала фотомонтаж — Анна Ахматова и Михаил Булгаков. Это и символично, и точно по смыслу: объединены две вершины русской литературы, тесно связанные друг с другом и своими взглядами на происходящие в мире процессы, и оценкой ситуации в отечественном искусстве, и просто личной человеческой дружбой, которая продолжалась долгие годы. Познакомились они на большом литературно-художественном вечере, проходившем в зале Ленинградской филармонии 10 мая 1926 года (о чем уже упоминалось раньше — в главе 16. «Литературные вечера»). Позже Ахматова неоднократно бывала у Булгаковых, когда приезжала в Москву, о чем свидетельствуют записи в Дневнике Елены Сергеевны. Присутствовала на чтениях Булгаковым отрывков из романа, читала и сама — свои новые стихотворения. Искала у них поддержки в трагические моменты своей

жизни — вот Елена Сергеевна записывает 30 октября 1935 года: *«Приехала Ахматова. Ужасное лицо. У нее — в одну ночь — арестовали сына (Гумилева) и мужа Н.Н. Пунина. Приехала подавать письмо Иос. Вис.»*. В первой редакции Дневника эта запись выглядит так: *«Днем позвонили в квартиру. Выхожу — Ахматова — с таким ужасным лицом, до того исхудавшая, что я ее не узнала, и Миша тоже. Оказалось, что у нее в одну ночь арестовали и мужа (Пунина) и сына (Гумилева)...»* Следующая запись — 31 октября в этой же редакции начинается так: *«Анна Андреевна переписала от руки письмо И.В.С. ... Сделать это ей посоветовал Михаил Афанасьевич, полагавший, что рукописный текст окажет большее воздействие на «инстанции», нежели машинопись. И оказался прав, о чем*

свидетельствуют дальнейшие записи Елены Сергеевны: «*31 октября. Отвезли с Анной Андреевной и сдали письмо Сталину...*

4 ноября. Ахматова получила телеграмму от Пунина и Гумилева — их освободили».

В 1940 году Ахматова напишет ставшее хрестоматийным стихотворение на смерть Михаила Булгакова:

ВОЙНА, ЭВАКУАЦИЯ, ТАШ-
КЕНТ.

«Как-то сидели мы с Люсей на кухне за инкрустированным сто-

ПАМЯТИ М. А. БУЛГАКОВА

Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье:
Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.
И нет тебя, и всё вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.
О, кто поверить смел, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней погибших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех потерявшей, всё забывшей,—
Придется поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь предсмертной боли.

1940. Фонтанный Дом

Рисунок И. Колесовой.

лом и вспоминали прошедшее. Елена Сергеевна рассказала, как вскоре после смерти Михаила Афанасьевича поздно вечером пришла к ней Анна Андреевна и прочитала стихи, написанные на смерть Булгакова. Ахматова не разрешила их записать, а просила Люсю запомнить. Та, плача от волнения, никак не выучивала, а Анна Андреевна терпеливо повторяла строку за строкой, и Елена Сергеевна наконец запомнила. Теперь эти строки опубликованы: «Вот это я тебе взамен могильных роз...».

Софья Пилявская. По долгу памяти

Есть загадка, над которой бьются исследователи — все хотят понять, почему Ахматова в этом стихотворении, написанном в память о Булгакове, говорит: «...и гостью страшную ты сам к себе впустил и с ней наедине остался...»?

Скорее всего, дело тут в том, что Ахматовой был известен первый абзац последней главы «Мастера и Маргариты», где прямо сказано: «Он отдается с легким сердцем в руки смерти...». Если кто-то найдет другое — неоспоримое — объяснение — честь ему и слава...

В комментариях к этому стихотворению в двухтомнике А. Ах-

матовой читаем: «В авторизованном списке рукой Е.С. Булгаковой (собрание В.Я. Виленкина) в последней строке: **смертельной боли**».

Так вот откуда идет расхождение — Елена Булгакова учила на слух, и одно слово, столь близкое и по значению и по звучанию, заменила другим. 405. Анна Ахматова. Ташкент. 1943 г.

Тремя годами позже Елена Булгакова и Анна Ахматова встретились в Ташкенте, в эвакуации. Они жили в одном доме, и когда Елена Сергеевна в 1943 году уехала в Москву, Анна Ахматова перешла жить в ее комнату и посвятила ей вот такое стихотворение:

ХОЗЯЙКА

Е. С. Булгаковой

В этой горнице колдунья
До меня жила одна:
Тень ее еще видна
Накануне полнолуния,
Тень ее еще стоит
У высокого порога,
И уклончиво и строго
На меня она глядит.
Я сама не из таких,
Кто чужим подвластен чарам,
Я сама... Но, впрочем, даром
Тайн не выдаю своих.

1943

ресаев мечтал о сугубо исторической пьесе, требовал, чтобы все даты, факты, события были точно соблюдены. Булгаков был с этим, конечно, согласен. Но, по его мнению, этого было мало. Нужны были еще и фантазия художника, и его собственное понимание этих исторических фактов. Задумав пьесу, Булгаков видел возможность говорить на излюбленную тему о праве писателя на свой, ему одному принадлежащий взгляд на искусство и на жизнь. В исторических пьесах — “Мольер”, “Пушкин”, “Дон Кихот” — он пользовался прошлым для того, чтобы выразить свое отношение к современной жизни, волновавшей его так же, как волновала и волнует она нас сейчас. Споры между Вересаевым и Булгаковым принимали порой довольно жесткий характер, ибо соавторы говорили на разных языках. Какое счастье, что эти споры проходили не только при личных встречах, но нашли выражение и в письмах. Это — переписка двух честных, принципиальных литераторов. После всех мучений, которые они доставляли друг другу в эти летние месяцы тридцать пятого года, их отношения остались по-прежнему дружескими, их взаимная любовь и уважение нисколько не пострадали».

«... Когда вся пьеса будет полностью готова, я направлю экземпляр Вам. Вот тут мы и сойдемся для критики этого экземпляра для точного улаживания всех разногласий, для выправления всех неточностей, для выпрямления взятых образов. Я все-таки питаю надежду, что мы договоримся. От души желаю, чтобы эти письма канули в Лету, а осталась бы пьеса, которую мы с Вами создавали с такой страстностью».

Преданный Вам М. Булгаков. 21.У.1935 г.»

«...Вы — подлинный автор произведения, как автором “Ревизора” был бы Гоголь, хотя бы Пушкин дал ему не только сюжет, но и участвовал в фабульной его разработке и доставлении материалов... предложение мое о нашем взаимном

**408. Михаил Булгаков
в рабочем кабинете. 1936 г.**

праве печатать пьесу в собрании своих сочинений считаю в корне неправильным, — конечно, она может быть помещена только в собрании Ваших сочинений... Я считаю Вашу пьесу произведением замечательным, и Вы должны выявиться в ней целиком, — именно Вы, как Булгаков. Без всяких самоограничений...»

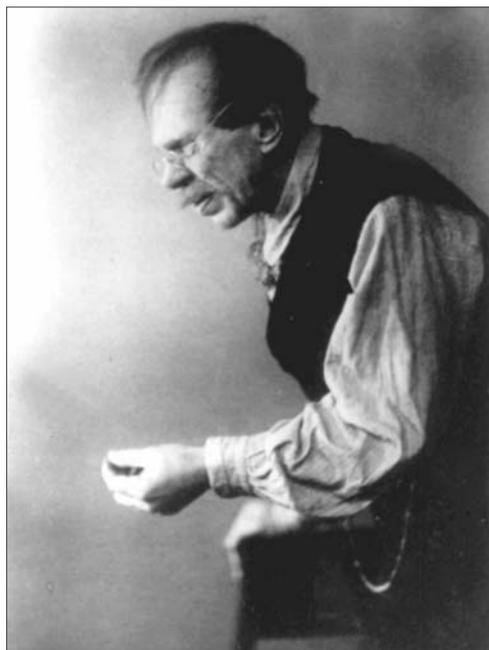
Ваш В. Вересаев. 6 июня 1935 г.

Битков. ...В секретном наблюдении за камер-юнкером Пушкиным проник я даже в самую его квартиру...

...В гостиной на фортепьяно лежат сочинения господина камер-юнкера...

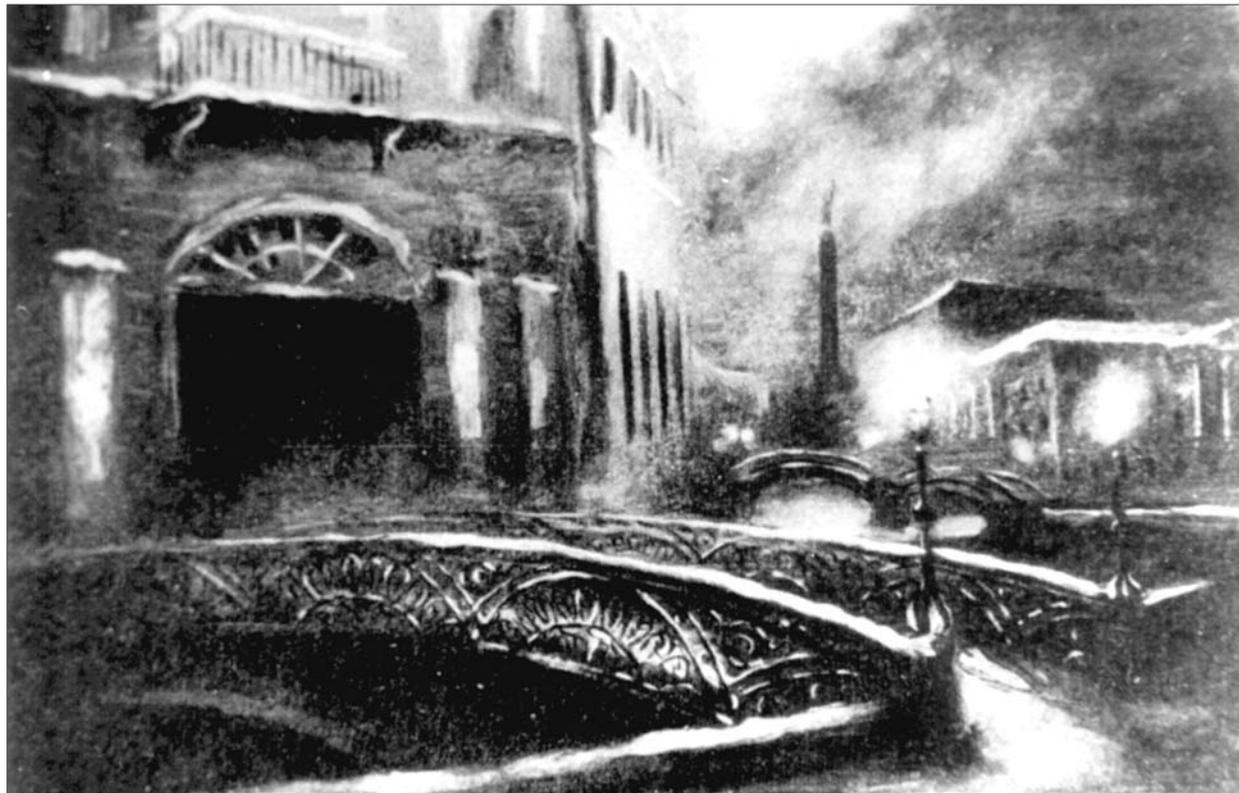
... С превеликой опасностью я дважды проникал в кабинет, каковой кабинет весь заполнен книгами...

...Сегодня обнаружил лежащую на полу чрезвычайной важности записку...

409.

410.

410а.

410б.

Петр Вильямс. Эскиз декорации — «Метель».

Николай 1. Никто не знает и никогда не поймет, какое тяжкое бремя я обречен нести!

Пушкина. Не огорчайте нас всех такими печальными словами.

Николай 1. Вы искренни? О да, о да. Разве могут такие ясные глаза

л г а т ь ?
Ваши слова я ценю,
вы одна
нашли их

для меня. Я хочу верить, что вы добрая женщина. Но одно всегда страшит меня, стоит мне взглянуть на вас... Ваша красота. О, как она опасна!..

Михаил Булгаков. «Последние дни («Пушкин»)».

409. В.Топорков в роли Биткова.

410. Сцена из спектакля. Пушкина — А. Степанова, Гончарова — С. Пилявская.

410а. Петр Вильямс. Эскиз декорации — «Мойка».

411. Сцена из спектакля. Николай I — В. Ершов. Пушкина — А. Тарасова.

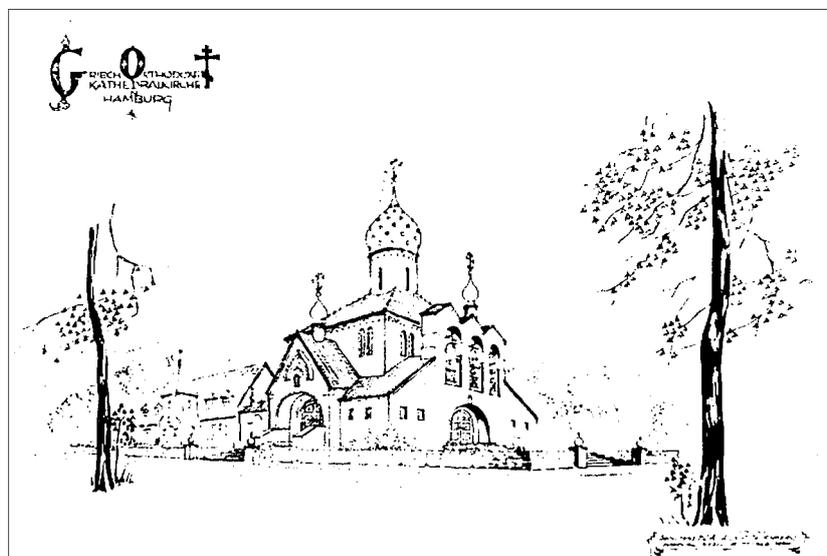
Глава 67. ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ДЕЙСТВУЕТ

Понемногу начал подниматься «железный занавес», и в 1960 году после многолетней разлуки близкие люди смогли наконец встретиться. В Москву приехал брат Елены Сергеевны Александр со своим сыном Оттокар и невесткой Аллис, а в 1964 году и Елена Булгакова получила разрешение на поездку в ФРГ, в Гамбург,

412. где состоялась ее последняя встреча с братом — он был уже стар и болен, и дни его были сочтены.

412а. Православный храм в Гамбурге, построенный по проекту Александра Нюрнберга.

412. Елена Сергеевна на Белорусском вокзале с братом Александром, племянником Оттокаром, сыном Сергеем и невестками Аллис и Татьяной.

413. Александр Нюренберг.

...Сберегая произведения Михаила Булгакова, она старалась «рассредоточить» рукописи, чтобы они, когда наступит благоприятная ситуация, обязательно попали к людям и были прочитаны... Брату писателя, Николаю Булгакову, с которым она в эти же годы ведет активную переписку, 14 сентября 1961 года сообщает: *«Мне выпало на долю — невероятное, непонятное счастье — встретить Мишу. Гениального, потрясающего писателя, изумительного человека... Я знаю, я твердо знаю, что скоро весь мир будет знать это имя... У моего брата есть экземпляр “Белой гвардии”, а также романа “Мастер и Маргарита”. Но это я ему послала с верным человеком, который передал ему из рук в руки, и брат (как я ему написала) не может выпустить этого от себя. Чтобы не произошло что-нибудь похожее на Бориса Пастернака... Умирая, он говорил мне только об этом романе, считая его своим лучшим произведением, в которое он вложил всего себя».*

Я несколько лет назад пытался найти этот экземпляр машинописи «Мастера...», встречался с Оттокаром Александровичем, затем писал ему в Гамбург, и вот что он мне ответил:

«Вы спрашиваете об экземпляре “Мастера и Маргариты”, который Елена Сергеевна передала в свое время моему отцу.

Я заключил с одним издательством в Германии договор о том, что они переведут и издадут роман на немецком языке и для этой цели передал им наш экземпляр. Не получая от издательства долгое время никаких сведений, я обратился к ним с просьбой вернуть мне обратно рукопись. Тогда стало известно, что за это время издательство перешло во вторые, а потом третьи руки и переехало из одного города в другой, затем третий. С трудом удалось найти их теперешний адрес и теперешняя владелица ответила, что ничего по поводу контракта и рукописи

413.

414. *не знает, и найти её не смогли. Это очень грустно, возможно тоже Королевские штучки.*

Но эта рукопись была машинописная, четвертый или пятый экземпляр — трудночитаемая. Отсюда следует, что в России безусловно есть еще экземпляры этой рукописи, возможно в литературном наследии Елены Сергеевны».

414. Николай Афанасьевич Булгаков.

415. Елена Сергеевна с сыновьями Сергеем (слева) и Евгением. 1940-е гг.

415.

Не знаю, есть ли в России еще экземпляры этой рукописи, но у меня, как я уже говорил, имеется ее фотокопия, — которая, однако не дает ответа всё на тот же вопрос — «тишина» или «покой»? И где-то во мне еще теплилась надежда — а вдруг в том экземпляре рукой Елены Сергеевны был вписан этот неуловимый «покой»...

Еще в 1947 году Елена Сергеевна обратилась к Сталину с письмом, в котором просила содействия в опубликовании произведений Михаила Булгакова, перечислила его труды — 14 пьес, романы, повести, рассказы, оперные либретто, наброски к учебнику истории и другие материалы. Просила его сказать свое слово в защиту писателя Булгакова. Ответа на это письмо не последовало, и пока был жив Сталин, ни одной строчки этого писателя в СССР напечатано не было...

Глава 68. ВОСКРЕШЕНИЕ «ДНЕЙ ТУРБИНЫХ»

1954 год. Первый год без Сталина... Еще остается два года до XX съезда партии, на котором Никита Хрущев скажет правду о Сталине, хотя и не всю... Но уже открыли Кремль для посещения простыми смертными, и я там побывал на балу выпускников московских школ — только что завершил десятый класс. Впрочем-то ничего особенного в этом вроде бы и нет, только мне-то уже двадцать восемь лет (война, фронт...), и я становлюсь студентом филологического факультета МГУ, правда, вечернего — кормить нас некому. Факт личной биографии, и нет, казалось бы, повода для включения его в наш сегодняшний разговор, но тут есть два момента, которые имеют к нему непосредственное отношение. Во-первых, приступая к изучению русского языка и литературы, я слыхом не слыхивал о таком писателе, как Булгаков, и за все шесть лет обучения на этом факультете ни слова о нем не услышу, а во-вторых, работая фотолаборантом в «Огоньке», был-таки приобщен к этому писателю моими старшими коллегами, которые организовали поход в театр Станиславского на премьеру нового спектакля, по пьесе, с которой они познакомились еще до войны, о чем вспоминали с восторгом. Это были «Дни Турбиных», теперь восстановленные Михаилом Яншиным, знаменитым Лаиосиком первой постановки 1926 года.

Потом я увижу «Последние дни» («Пушкин»), «Дон Кихота», но пройдет еще двенадцать лет, прежде чем я окунусь в волшебный мир романа «Мастер и Маргарита» и на всю жизнь прикую себя незримой цепью к этому великому человеку.

415а. Рисунок Бориса Ливанова.

М. БУЛГАКОВ

ДНИ ТУРБИНЫХ

Пьеса в 4-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ:

<p>Турбин Алексей Васильевич, полковник-артиллерист — И. В. Салит, А. И. Зиньковский</p> <p>Турбин Николай, его брат — Ю. С. Гребенников, Л. И. Зверинцев</p> <p>Тальберг Елена Васильевна, их сестра — И. В. Песеловская, Л. И. Зверинцев, Т. И. Семичева</p> <p>Тальберг Владимир Робертович, генштаба полковник, ее муж — засл. арт. РСФСР Ю. И. Мальковенко</p> <p>Мылдаевский Виктор Викторович, пятье-капитан, артиллерист — засл. арт. РСФСР А. А. Главарин, С. С. Лихачев</p> <p>Шервинский Леонид Юрьевич, поручик, личный адъютант Гетмана — В. Г. Безанонский, Б. В. Белоусов</p> <p>Студанский Александр Брониславович, капитан — засл. арт. РСФСР И. П. Габов, А. Г. Горбатов</p> <p>Ларюхин, аэтоморский музон — засл. арт. РСФСР Б. П. Ленин, В. Б. Коренев</p> <p>Гетман всен Украины А. И. Зиньковский, В. И. Михайлов, Б. В. Белоусов</p>	<p>Бозботун, командир 1-й танковой Белгородской дивизии — А. Г. Круглик, В. С. Любимов</p> <p>Галамба, сотник-ветлаворонец бывший украинский ротмистр — В. Г. Безанонский, А. Г. Горбатов, А. Г. Круглик, В. С. Любимов</p> <p>Ураган — В. А. Анисья, Л. И. Зверинцев, В. С. Любимов, В. К. Скраубе</p> <p>Кирпатый — Л. И. Гаприлов, В. Б. Коренев, В. И. Бочарев</p> <p>Фон-Шратт, германский генерал — засл. арт. РСФСР И. И. Михайлов, А. В. Роговин</p> <p>Фон-Дуст, германский майор — В. С. Любимов, А. В. Роговин</p> <p>Врач германской армии — В. Л. Рычков, Л. И. Зверинцев, А. Л. Филозов</p> <p>Камер-лакей — В. И. Михайлов, С. Ф. Уени</p> <p>Максим — засл. арт. РСФСР Ю. И. Мальковенко, засл. арт. РСФСР Б. И. Лифанов</p> <p>1-й офицер — В. С. Любимов, В. К. Скраубе</p> <p>2-й офицер — В. И. Куталов, А. Г. Круглик, А. В. Роговин</p> <p>3-й офицер — В. С. Любимов, Л. М. Сатановский</p>
---	--

Действие происходит в г. Киеве зимой 1918 г. и в начале 1919 г.
Постановка — народного артиста СССР М. М. Яншин
Режиссер — С. И. Тузанов

Художник — заслуженный деятель искусств РСФСР Б. Р. Эрдман
Партиту фортепиано исполняет концертмейстер А. А. Полюбавринов
Заведующий художественно-востановочной частью — А. А. Круглик
Свет — А. А. Блане Ведет спектакль — И. Ф. Ушаков

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР ТЕАТРА —
заслуженный артист РСФСР Б. А. ЛЬВОВ-АПОХИН

Заказ 1415 Тираж 5000 Цена 8 коп.

Ф-на «Картолитрафия», ул. Зорге, 15

КС СТАНИСЛАВСКОЮ

М.Булгаков

ДНИ ТУРБИНЫХ

Пройдет еще четверть века, и я узнаю историю, произошедшую с Михаилом Яншиным.

Сначала это будет одна строка в Дневнике Елены Булгаковой, а потом горький рассказ самого Яншина в книге воспоминаний о Михаиле Булгакове. И вот теперь, полвека спустя после той премьеры мне попадут в руки фотографии того давнего спектакля, и именно в тот момент, когда я должен буду писать главу «Прорыв плотины», и спектакль, поставленный Михаилом Яншиным стал тем первым ручейком, что начал размывать эту, казалось бы, нерушимую стену запретов и замалчивания. А через считанные недели на съезде писателей Вениамин Каверин произнесет в полный голос имя Михаила Булгакова, скажет о его огромной роли в развитии отечественной драматургии.

В Дневнике Елены Булгаковой читаем: *«1937 г. 22 февраля. Ночью с Калужскими пошли в Дом актера поужинать. Там Яншин объяснялся по поводу статьи о «Мольере», говорил, что его слова исказили, что он говорил совсем другое».*

416.

Вот что пишет об этом сам Яншин (передаем с некоторыми сокращениями).

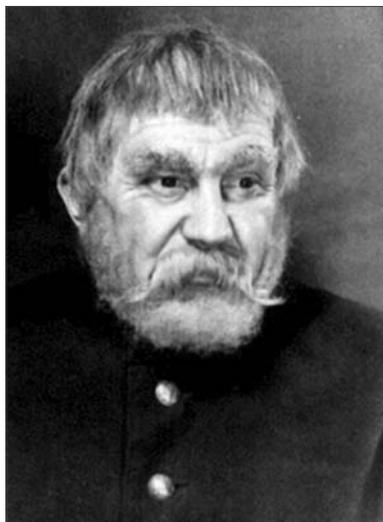
«Закончу воспоминания о Булгакове трагедией, которая произошла со мной.

Художественный театр ставил пьесу Булгакова “Кабала святош”. Репертуарный комитет протестовал против этого названия и требовал, чтобы пьеса называлась «Мольер».

Я играл Бутона, слугу Мольера... Репертком, изменив название, спутал карты. А в те времена уже были случаи снятия пьес как пьес “лжеисторических”. Под эту рубрику и попал спектакль “Мольер”. В связи с этим реперткомовским запрещением у меня, как это часто бывает, появился репортер. Нужно было напечатать мнение артиста об этом спектакле. Я объяснил репортеру, что Булгаков тут ни при чем, что виноват Репертуарный комитет, изменивший название пьесы, что виноват театр, исходивший в постановке из этого нового названия. Словом, не помню точно, но ясно одно: я говорил в защиту Михаила Афанасьевича.

417.

418.

419.

Каков же был мой ужас, когда я прочел в отчете репортера, что всю вину за искажение исторической правды я взваливаю на Булгакова. Это была совершенно неслыханная подлость репортера. Для меня, конечно, это была трагедия. Я понимал, что Михаил Афанасьевич, в последнее время дошедший до очень большой нервозности, стал подозрителен даже к знакомым ему людям. Я понимал, что, может быть, я был из тех, которым он доверял. И вдруг такая статья!

До сих пор не могу вспоминать об этой истории равнодушно. Она камнем лежит у меня на сердце, как будто случилась вчера.

Отношения мои с Михаилом Афанасьевичем оборвались. Мы встречались с ним не раз, это естественно, но я был для него, вероятно, таким же посторонним человеком, как многие другие.

В последний раз я встретил его на Кузнецком Мосту — ему, видимо, нужно было перейти через Петровку, но со всех сторон неслись машины, а он не любил этого. Он стоял в некоторой растерянности. Я окликнул его и предло-

421.

жил свои услуги. Мы перешли на другую сторону улицы, он поблагодарил меня и пошел дальше.

Я долго смотрел ему вслед. Я не знал, что это последнее свидание с ним.

Но встретился с ним еще раз — на сцене, в 1954 году, когда работал в Театре имени Станиславского над пьесой «Дни Турбиных». Моего Лариосика играл молодой актер

422.

Е. Леонов. А я, режиссер, ставил не просто очередной спектакль, а спектакль, наполненный самыми прекрасными воспоминаниями о незабываемых днях моей театральной молодости, воспоминаниями о Михаиле Афанасьевиче Булгакове...»

Это теперь можно было бы опубликовать опровержение, даже в суд подать, а тогда ...

1937 год, страшное время. Статья явно инспирированная, и репортер выпол-

нял «социальный заказ», может быть, сам этого и не написал, а в редакции его «подправили», может и он мучался угрызениями совести всю жизнь, как и Яншин.

Классические мхатовские «Дни Турбиных» прекратили свое существование в первый день Великой Отечественной войны. *«Летом 1941 года театр выехал на гастроли в Минск, в репертуаре были и “Дни Турбиных”, вагоны с декорациями, костюмами и реквизитом пришли в Минск ночью под 22 июня и стояли на товарной станции в ожидании разгрузки. А ранним солнечным утром первый дикий налет фашистских летчиков безвозвратно уничтожил все декорации, костюмы и бутафорию*

423.

спектакля, сгоревшие вместе с вагонами...»

Из воспоминаний Федора Михальского.

К этому следует добавить, что и артисты едва не погибли — с невероятными трудностями, где пешком, а где на попутном транспорте уходили они на восток перед стремительно наступавшими фашистскими войсками...

И хотя «Дни Турбиных» в Советском Союзе на долгие годы исчезли, пьеса продолжала свое победное шествие по всему миру — спектакли по этой пьесе шли по всей Европе — Париж, Ницца, Гаага, Мадрид, Прага, Берлин, Варшава, Краков, Лодзь, Белосток, Бреславль (Вроцлав). Ставились они в Йеле — США, в Лондоне, в театре Русской драмы в Риге. На русском языке их играли эмигрантские труппы в Берлине и Праге, в Китае и США.

416. Елена — Н. Веселовская, Николка — Ю. Гребенщиков.

417. Максим — Б. Лифанов.

418. Алексей Турбин — Н. Салант.

419. Петлюровец — В. Абрамов.

420. Лариосик — Е. Леонов.

421. Фон Дуст — А. Роговин.

422. Сцена из спектакля: (слева направо)
Алексей Турбин — А. Зиньковский,
Мышлаевский — Н. Михайлов.
Николка — И. Козлов.

423. У входа в Театр им. Станиславского.

Глава 69. ПРОРЫВ ПЛОТИНЫ

Эти два снимка — Анна Ахматова и Вениамин Каверин — сделаны в один день и в одном месте — на съезде писателей России, проходившем в Кремле. Еще совсем недавно это было совершенно невозможно — Ахматова в президиуме! Да еще на самом почетном месте, но... одна! Думаю, что она специально так села, чтобы подчеркнуть свою остраненность от «главных писателей», наделенных правом взирать на зал с высоты олимпа. Но еще не успели приморозить» хрущевскую оттепель, и цензурная плотина нет-нет да прорывалась в отдельных местах. Через эти прорывы и удалось пробиться к читателям некоторым булгаковским произведениям. Жить Ахматовой оставалось менее года, и до последних дней Анна Андреевна была верна дружбе, связывавшей ее несколько десятилетий с семьей Булгакова. Она понимала, что Булгаков писатель великий, будучи в эвакуации в Ташкенте, она читала его произведения — рукописи их Елена Сергеевна, не расстававшаяся с архивом, привезла туда — и поддерживала в ней уверенность, что всё это обязательно будет опубликовано. Однажды Ахматова, читая там вслух Раневской «Мастера и Маргариту», вдруг прервалась и с чувством произнесла: **«Фаина, он гений, он гений!»**

Писательница Наталия Ильина в своих воспоминаниях пишет: *«Это уже февраль был (1966 года). Я приехала в больницу вместе с Еленой Сергеевной Булгаковой. Ахматова очень любила М.А.Булгакова... и сохранила нежную привязанность к его вдове...»*.

А через месяц Ахматовой не стало.

Три крупных писателя способствовали изданию произведений Булгакова, подталкивали прохождение различных материалов о нем в прессе, и таким образом разрушили стену молчания перед его именем. «Первопроходцем» в этом процессе был

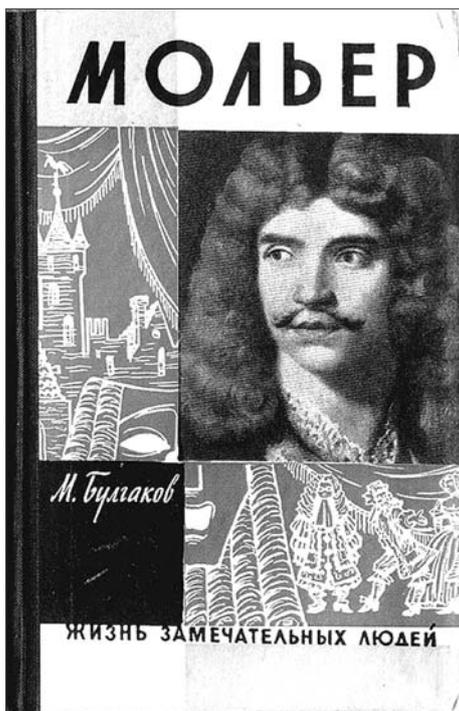
ВЕНИАМИН КАВЕРИН

Выступая на Втором съезде писателей СССР, Вениамин Каверин сказал: *«Я вижу нашу литературу, в которой приклеивание ярлыков считается позором и преследуется в уголовном порядке, которая помнит и любит свое прошлое. Помнит, например, что сделал... Михаил Булгаков для нашей драматургии...»*

Шел 1954 год, первый год без Сталина, о Булгакове вслух говорить еще никто не осмеливался. Днем позже он получил от Елены Сергеевны корзину цветов и «собрание сочинений» Булгакова, изготовленное собственноручно ею с помощью пишущей машинки и нехитрых переплетных приспособлений: несколько маленьких томиков...

Каверин не удовлетворился заявлением на съезде, а начал упорно продвигать в печать булгаковские произведения, в частности, повесть «Жизнь господина де Мольера», пролежавшую под спудом без малого тридцать лет. Книга вышла в 1962 году, в послесловии к ней Каверин писал: *«Драматургия — лишь одна, не знаю, самая ли сильная, сторона того, что сделал Булгаков. Автор фантастических повестей “Роковые яйца”, “Дьяволиада”, романа “Мастер и Маргарита” (рукопись), он принадлежит к тому направлению нашей литературы, которое определилось впервые непостижимым миражем гоголевского “Носа”... От Гоголя к Щедрину, от Щедрина к Сухово-Кобылину, а от Сухово-Кобылина к Булгакову — вот линия развития, которой мало занималась наша история литературы»*.

И опять Каверин сказал первое слово — и о существовании «Мастера и Маргариты», и о месте Булгакова в отечественной литературе. В восьмидесятые годы, впервые узнав о даре Елены Сергеевны, я написал Каверину письмо с просьбой — разрешить мне посмотреть томик с «Мастером...» — искал следы неуловимого «покоя». Ответ его был такой:

425.
Вениамин
Каверин.

«Среди рукописей, подаренных мне Еленой Сергеевной Булгаковой, не было, как раз «Мастера и Маргариты»: не такое было время, чтобы его передавать из рук в руки...».

Однако, «время» не помешало Вениамину Каверину громогласно призывать к признанию Булгакова...

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

«Откладывать дело Твардовский не любил: решено и подписано. Условились, что роман будем печатать в ближайших номерах. Но Александра Трифоновича продолжало несколько беспокоить, что книга обрывается на полуслове, да и название “Записки покойника” ...»

С заметным сопротивлением в голосе Елена Сергеевна согласилась подумать, а на другой день позвонила весело: “Представьте, я нашла в бумагах листок, где Михаил Афанасьевич прикидывал названия для этой вещи. Там есть и такое: “Театральный роман”!

...Человек, с которым Твардовский решил посоветоваться и от которого в известной мере зависела публикация романа, упрямо отвергал саму возможность его появления. Мы сидели на сером плюшевом диване в его кабинете, крутили ложечками чай в стаканах, чувствуя, как нака-

ляется беседа: *«Да вы смеетесь! В книге задет авторитет Художественного театра, это может подорвать саму систему Станиславского, а подорвать “систему” — значит, разорить театральное хозяйство: у нас все театры страны по ней работают».*

Не прошло и двух лет после этих событий, как “Театральный роман” был напечатан в “Новом мире” (1965, № 8)...

Владимир Лакшин. «Театральная история с «Театральным романом».

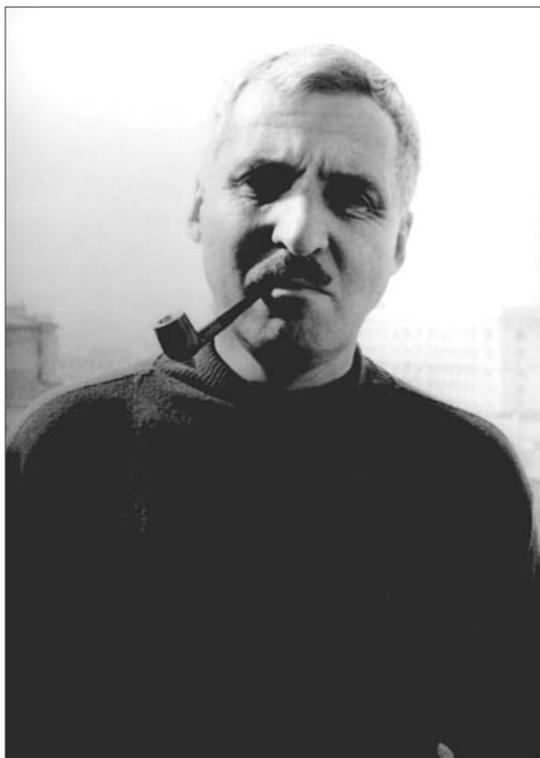
426.

Аргумент «инстанций» насчет авторитета Художественного театра удалось отвести с помощью «маленькой хитрости» — дали послесловие к роману, написанное одним из корифеев театра — Василием Топорковым — народным артистом СССР, профессором, доктором искусствоведения. Из послесловия следовало, что и Театр не задет, и система Станиславского продолжает стоять незыблемо...

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

В письме, адресованном Лидии Яновской 15 сентября 1965 года Константин Симонов писал: *«В будущем году выйдет однотомник. Пишу это Вам, на всякий случай плюнув три раза через левое плечо, но всё же надеюсь, что будет именно так. Затем на очереди “Мастер и Маргарита”. Надеюсь, что не через год, так через два, не через два, так через три, этот роман, по-моему, лучшая вещь Булгакова (а если говорить об истории Христа и Пилата, то это вообще одни из лучших страниц русской литературы XX века), — будет напечатана...»*

И это пишет один из самых влиятельных секретарей Союза писателей, председатель комиссии по литературному наследству Булгакова. Сколь же велика тогда была сила противодействия этой и другим публикациям писателя, если даже Симонов столь не уверен в благополучном исходе. Но он сделал всё, чтобы этот роман появился, и он появился... Можно предположить, что если бы не железный натиск Симонова, пробивавшего в разных «инстанциях» публикацию романа, он мог еще несколько лет не увидеть света...

427.

Попутно, именно в связи с этой первой публикацией «Мастера...» я бы хотел вспомнить еще одного человека, о котором все позабыли. Честно говоря, я и сам как-то о нем запамятовал, а напомнил один случай. Однажды я взялся сопроводить двух австралийцев — почитателей Булгакова на Новодевичье кладбище — они хотели поклониться его могиле. Когда мы завершили этот грустный и торжественный ритуал, я провел их по кладбищу, показывая памятники известных в нашей истории людей. И вдруг на одном камне прочитал: «Писатель Евгений Поповкин». Остановив моих спутников возле него, я сказал: «А здесь покоится писатель, в общем-то ничего не написавший, но имеющий большие заслуги перед русской литературой — у него хватило смелости на-

В. ТОПОРКОВ,

печать и текст СССР

О «Театральном романе» Михаила Булгакова

Однажды мы встретились с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым за кружкой пива — разговорились. Я рассказал какой-то забавный случай, один из тех, которые почему-то часто со мной происходит. Рассказ понравился писателю, удивился, понравился и так я рассказываю».

— Почему вы это не пишете? — спросил он.

— Но... я не умею...

— Чего ж тут уметь? Пишите так, как сейчас рассказываю.

Именно так и писал сам Булгаков. Писал — как рассказываю. А рассказываю поистине мастерски. Обладая природным юмором, он так хитро подбирал «ловушки» для разжигания интереснейшего любопытства слушателя, что невозможно было предугадать — к печальной или веселой развязке клонится его повествование.

Не забуду рассказ о его первом дебюте в литературе: голодный, казавшийся без гроша в карманах рыжий солдатский шикити, пригласив Булгакова редактору какого-то журнала свой первый литературныйopus — последний шаг на литературном пути. Шикити был сух. Редактор через губу бросил:

мне понять, что ему что-то нужно, что он чего-то хочет от меня. Я предлагала ему лекарство, питье — лимонный сок, но поняла ясно, что не в этом дело. Тогда я догадалась и спросила: “Твои вещи?”. Он кивнул с таким видом, что и “да”, и “нет”. Я сказала: “Мастер и Маргарита”? Он, страшно обрадованный, сделал знак головой, что “да, это”. И выдал из себя два слова: “Чтобы знали, чтобы знали”».

Елена Булгакова.

Глава 70. ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Первая наша встреча произошла в июне 1983 года. Я тогда еще очень мало знал о Булгакове и пришел к Сергею Александровичу Ермолинскому, чтобы получить ответы на множество вопросов. Не могу в точности сказать, о чем мы в тот раз беседовали, но он предложил мне прочитать его статью «Михаил Булгаков», вошедшую в книгу «Драматургические сочинения»:

428.

«Тогда ваши вопросы отпадут». Я ее прочитал внимательно, однако вопросов стало еще больше. Мы их пытались прояснить при второй встрече, осенью того же года. Записи этих бесед у меня где-то хранятся, но искать их не имеет смысла, потому что большинство вопро-

сов я прояснил самостоятельно... Один из них — фотография, о которой здесь пойдет речь...

На ней дарственная надпись: «Вспоминай, вспоминай меня, до-

429.

рогой Сережа!.. Твой любящий искренне М. Булгаков. Москва 29 октября 1935 года».

Посмотрим, что говорит об этой фотографии Ермолинский: *«Передо мной его фотография. На ней написано: “Вспоминай, вспоминай меня, дорогой Сережа”. Фотография подарена 29 октября 1935 года... Я не обратил тогда внимания на эту, в общем-то, непонятную для того времени надпись, схожую с заклинанием: “вспоминай, вспоминай”. Понял позже — сидя у его постели».*

Отметим, что после слова «подарена» отсутствует местоимение «мне»...

Пропуск весьма существенный, особенно если учесть, что местоимением этим Ермолинский в своих

430.
430а.
430б.

воспоминаниях пользуется очень часто. Вот несколько примеров: *«Копию этой маски мне подарила Лена...»*, *«Он рассказал мне...»*, *«Он спешил ко мне...»*, *«Он говорил мне обидчиво...»*, *«Он приходил ко мне...»* — при-

меры можно было бы множить и множить. И вдруг в таком наиважнейшем случае «притяжательность» исчезает... Может быть, эта деталь и не привлекла бы моего внимания, но, читая его воспоминания, я, естественно, с особым интересом отнесся к фотографиям. И неудивительно, что сразу заострился на некоторых фотографических моментах.

В своей книге он кадрирует снимки не с целью укрупнить чье-то лицо, а устранить его. Вот, например, в снимке, ставшем уже каноническим, — даже подпись к нему словно приросла: «Три драматурга

МХАТа — В. Катаев, Ю. Олеша, М. Булгаков», — оказался отрезанным Катаев. Сделано это без видимой необходимости — места в книге предостаточно. Беседуя осенью 1983 года с Сергеем Александровичем, я понял, что единственная причина данной кадрировки — его неприязнь к Валентину Катаеву.

Подобная операция была проделана и с другим снимком... Ощущение, что фотография претерпела «вивисекцию», возникло после того, как я установил автора этой фотографии — им оказался кинооператор «Мосфильма» Константин Венц. Но о нем мы уже говорили, так что повторяться не буду, а только скажу, что тут сработала моя интуиция — все остальные его кадры были типично киношные — горизонтальные, с традиционной композицией, а вот один какой-то «уквадраченный» — как раз тот, что помещен в книгу — на нем мы видим Булгакова с автором воспоминаний. Я просто кожей чувствовал — слева кого-то не хватает... А вскоре нашлась и разгадка — обнаружился этот снимок в первоизданном виде — то, чего «не хватало слева» оказалось Сережей Шиловским, сыном Елены Сергеевны — пасынком Михаила Афанасьевича.

Какими мотивами руководствовался автор книги, ведь к мальчику он никаких враждебных чувств не питал? Почему он был ему здесь не нужен? Третий лишний?.. Или просто захотелось «укрупнить» свою дружбу с великим человеком? Теперь об этом спросить некого, пришлось искать ответ косвенный — устанавливая адресата дарственной надписи. Так я и поступил. В дневнике Елены Сергеевны 29 октября 1935 года сделана запись: *«Вечером Ерм(олинские) и Лямин»*. Ермолинские — это Сергей Александрович и его жена Марика (Мария Артемьевна). Николай Николаевич Лямин в ту пору — лучший друг Булгакова. Наталия Абрамовна — его вдова — говорила мне, что дарственная надпись сделана Сереже Шиловскому: *«— Предположить, что Ермолинскому дарилась фотография, а Лямину, находившемуся здесь же, — нет, нелепо, такой бестактно»*

сти Булгаков попросту не мог допустить... Да и характер надписи таков, что мог быть посвящен только ребенку. Впрочем, поговорите еще и с Марикой...»

Разговор с Марией Артемьевной заслуживает того, чтобы его передать поподробней:

«— Если бы Ермолинский получил, да еще при мне, такой царский подарок, я бы об этом не знать не могла. Но у него не было этой фотографии — ни тогда, ни позже. В 1940 году при его аресте у нас проводился обыск — изъяли все бумаги, документы, письма, фотографии, принадлежавшие Ермолинскому, была составлена опись, под которой я расписалась, — фотографии с надписью Булгакова, о которой идет

речь, там не значилось, не было ее и среди оставшегося. Дарилась она, конечно же, Сереже Шиловскому — это же видно из самой надписи. Вам, наверно, известно, что Михаил Афанасьевич был подчеркнута корректен, посмотрите его посвящения: “Жене моей Елене Сергеевне Булгаковой...”, “Настоящему моему лучшему другу Николаю Николаевичу Лямину...”, “Дорогому Александру Шамилиевичу Мелик-Пашаеву...”. А тут вдруг — “Дорогой Сережа”! Фотография эта, как я полагаю, находилась в домашнем архиве Елены Сергеевны, который впоследствии был передан ею в отдел рукописей ГБЛ. На каком этапе она могла попасть к Ермолинскому, установить, очевидно, невозможно, тем более что принадлежала фотография Сереже Шиловскому и оставалась у него, вероятнее всего, до тех пор, пока он после смерти матери не передал все оставшиеся материалы булгаковского

Уважаемой
Юрий Михайлович!
Прочитала с интересом
Вашу детскую статью
в журнале “Советское фото”
за 1988 г. в № “Осторожно:
История!” Мне, как
музейному работнику,
она особенно интересна.
В архиве музея МХАТ
тоже хранятся фотогра-
фии М. А. Булгакова, но
теперь я вижу, что и
у нас они неверно
описаны. Доверюсь Вашему
профессиональному опыту,
мы обязательно обратимся

432.

К Вацлему находкам и исправил наши неточности. Елена заинтересовалась историей с фотографией, которую публиковал С. Я. Ермолинский. Дело в том, что я была знакома с Сергеем Евгеньевичем Шимовским и такую фотографию я видела у него дома на Суворовском бульваре в начале 40-х годов. Я уверена в том, что фотографию Булгаков подарил Сереже, но как мать, что он умер так рано и многие тайны унес с собой.

С уважением
Ташма Георгиевна
Ганджилова.
Работаю в музее с 1970 г. — еще была жила Елена Сергеевна,

архива в тот же отдел рукописей...»

Примем к сведению рассказ Марии Артемьевны и обратимся к публикациям Эллендее Проффер — в ее книгах издательства «Ардис» (США) интересующая нас фотография печаталась дважды, и в подписях значилось, что подарена она сыну Елены Сергеевны, пасынку Булгакова. На мой письменный запрос Э. Проффер ответила, что у нее только репродукция этой фотографии, правда хорошего качества, но о том, откуда у нее этот снимок, умолчала — дело было до «перестройки» и указать 430. источник было бы небезопасно для последнего... А что было у Ермолинского — оригинал или тоже репродукция, мне тогда выяснить не удалось. Художник, оформлявший его книгу, уверял меня, что все

433.

помещенные в ней снимки — оригиналы. Однако это не так — оригиналы их я потом обнаружил в другом месте... Но искомого снимка среди них не было.

Ясно одно — эта фотография попала к Ермолинскому уже после смерти Елены Сергеевны, то есть после 1970 года, иначе трудно объяснить тот факт, что свою статью в журнале «Театр» (1966, № 9) он проиллюстрировал таким же портретом, не имевшим никакой надписи...

За несколько лет до выхода книги Ермолинского умер и Сережа Шилловский, так что, публикуя эту фотографию, Сергей Александрович мог быть уверен, что принадлежность ее оспорить будет некому. Только вот всего не предусмотришь. Вскоре после журнальной публикации, где я рассказал то же, что и здесь, в редакцию пришло письмо от сотрудницы музея

МХАТа Галины Георгиевны Панфиловой, в котором, в частности, говорилось:

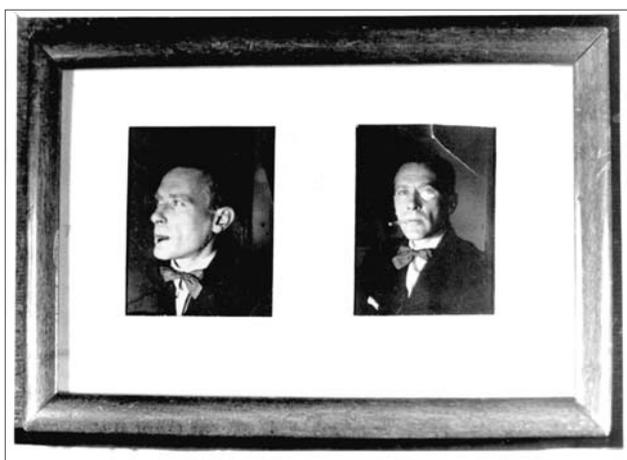
«...Меня заинтересовала история с фотографией, которую опубликовал С.А.Ермолинский. Дело в том, что я была знакома с Сергеем Евгеньевичем Шиловским и такую фотографию я видела у него дома на Суворовском бульваре в начале 70-х годов... Работаю в Музее с 1970 г. — еще была жива Елена Сергеевна».

Впрочем, я имею возможность показать ее письмо в подлиннике, целиком....

Разумеется, я тут же пошел в Музей и познакомился с автором письма. Галина Георгиевна оказалась театроведом высочайшего класса и очень помогла мне в разыскании материалов, связанных с периодом работы Михаила Булгакова в МХАТе. Большую помощь она оказала и в подготовке этой книги...

432, 433. Страницы письма Г.Г. Панфиловой.

Глава 71. ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ-2

434.

им левый глаз — только правый. И платочек в кармашке пиджака был не с той стороны — снимок явно «перевернут» — напечатан зеркально. Печать, несомненно, авторская, контактная — не через увеличитель. Однако снимок резкий, значит негатив на пленке — иначе неизбежна небольшая расплывчатость за счет толщины стекла. Камеры, работающие на пленке, у нас появились в середине двадцатых годов. И я начал просматривать все изобразительные материалы, связанные с Булгаковым. В одной книге обнаружился фотомонтаж к сотову спектаклю «Зойкиной квартиры» — 1927 год! Этот портрет с моноклем здесь тоже перевернут, но немного увеличен. С тех пор он нигде не появлялся. И такая прическа

Нетрудно представить, что я почувствовал, увидев у моего знакомого сразу два неизвестных портрета Михаила Булгакова — они помещались в маленькой рамке под стеклом, и вся-то рамка меньше почтового конверта. Разумеется, попросил дать мне их на пересъемку. Первое, что обнаружилось при внимательном рассматривании — явная несуразность: не на месте монокль! Булгаков никогда не «оснащал»

435.

435а.

у Булгакова была в 1927-м... Итак, дата установлена.

По размерам контактных отпечатков безошибочно определен размер кадра камеры: 4,5 × 6 см. Вспомнил, что мне уже как-то попался перевернутый булгаковский портрет, и примерно такого же размера — в моей фототеке он приведен в нормальный вид. Иду в архив и в альбоме Е.С. Булгаковой снова смотрю этот перевернутый при печати снимок — он точно такого же размера, печать контактная, только фон другой — какой-то пятнистый. А фон этот мне встречался на снимках Бориса Шапошникова, друга Булгаковых, художника, искусствоведа, музейного работника, увлекавшегося фотографией на уровне добротного любитель-

435б.

435в.

435г.

435д.

ства. Если бы не он, мы никогда бы не смогли увидеть лица многих замечательных людей, которые были его друзьями. И называли их — «пречистенцы» — это жившие на Пречистенке деятели науки и искусства — цвет российской интеллигенции. Почти все они были репрессированы в годы сталинского террора. Михаил Булгаков принадлежал к кругу самых близких друзей Шапошникова, сделавшего много фотографий писателя в двадцатые и тридцатые годы. Так может быть, и эти два портрета его работы? У его внучки Наталии Шапошниковой (мы с ней уже встречались на страницах этой книги) хранится маленький, но необычайно ценный для истории отечественной культуры альбом деда. Есть в нем и несколько булгаковских портретов. Там под фотографиями, как правило, аккуратно проставлены даты. В альбоме нахожу два снимка, датированных 1927 годом, они точно такого же размера, только это не Булгаков, а сам Шапошников — его автопортреты. И вот еще одно совпадение: они тоже тонированы, как и наши «исходные» снимки. Сепия (коричневый тон) в то время была очень распространена, но тут даже плотность тона оказалась один к одному! Просматриваю альбом и отмечаю, что в 1925 году он снимки не тонировал вообще, в 1928—1929-м — редко,

435е.

а в 1926—1927-м широко пользовался сепией именно такой насыщенности. По всем профессиональным признакам авторство устанавливается бесспорно — это Борис Шапошников... Спрашиваю Наталию Вадимовну — почему у большинства портретов такой пятнистый фон?

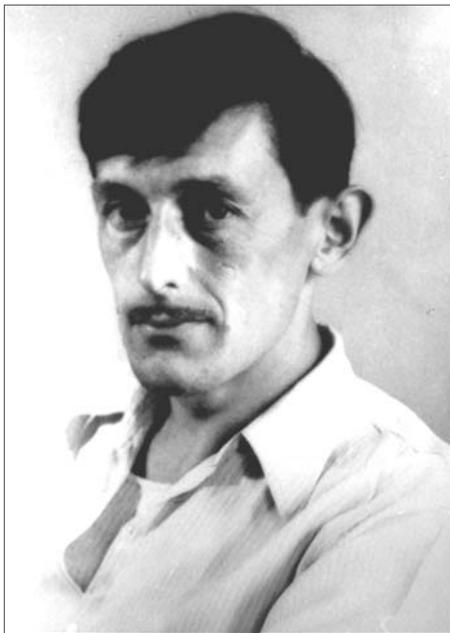
Да просто в его кабинете, где он обычно всех снимал, были такие обои. Кстати, в конце альбома есть снимок того кабинета, можете его переснять, — говорит она. — *Но когда фон был нужен ровный, дедушка сажал человека перед дверью, которая была темной. Причем всех снимал на одном и том же стуле — вот он, на переднем плане. Словом, стул этот тоже как бы исторический. Дедушка почему-то недо-*

люблювал увеличения и почти все печатал контактом. И в семейных альбомах Булгаковых, сделанные им фотографии, преимущественно — контакты. К сожалению, и с узкой пленки тоже, поэтому они практически не поддаются реставрации, а негативы не сохранились: Бориса Валентиновича, как и других «пречистенцев», репрессировали после того, как была закрыта, а по существу, разогнана, ГАХН — Государственная академия художественных наук, где и находился тот дедушкин кабинет...

435ж.

Глава 72. ТЕАТРАЛЬНЫЙ ТРИУМФ

436.

«...Я горжусь (и удивляюсь только, что до меня никто этого не сделал) своим открытием “дома Турбиных” и приглашаю всех, кто посетит Киев, опуститься вниз по крутому Андреевскому спуску до дома № 13, заглянуть во дворик (слева, под верандой, прошу обратить внимание на лестницу, это именно там у бедного Василисы по животу прошел холодок при виде прекрасной молочницы Явдохи), а затем подняться назад, через “рыцарский” дворик Замка Ричарда Львиное Сердце пробраться на горку, усесться на краю ее обрыва, закурить, если куришь, и полюбоваться Городом, который так любил Бул-

437.

гаков, хотя никогда больше в него не возвращался».

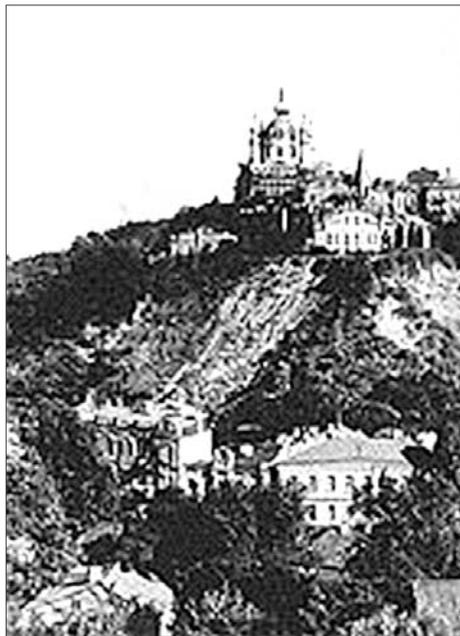
Виктор Некрасов. «Дом Турбиных»

Для тех, кто не знает. Замечательного писателя, свободомыслящего человека Виктора Некрасова уже через два десятилетия после смерти Сталина «блюстители чистоты коммунистической идеи» вынудили покинуть родину. Он скончался и похоронен в Париже...

«... В 1970 году, сразу после окончания сезона я уезжала с театром на гастроли в Киев. Судя по рассказу Некрасова о киевском доме Булгаковых и нынешних его обитателях, можно было предположить, что там сохранились старые фотографии булгаковской семьи. Люся просила меня, не считаясь с расходами, постараться достать всё, что можно, из фотографий для пересъемки.

С помощью нашего актера-фотографа мне удалось снять весь дом внутри и снаружи, с улицы и со двора. Второй раз мы приехали туда с Прудкиным и с Конским. Хозяйка приняла их очень благосклонно. Кабинет ее сына был в кабинете доктора Турбина. Нашлось очень много фотографий из семейных альбомов — и групповых и одного Михаила Афанасьевича, где он снят гимназистом, студентом и молодым врачом. Но это была все же коммунальная квартира — одна из комнат была закрыта, а турбинская столовая, по-моему, была перегорожена».

Софья Пилявская. По долгу памяти

437а.

Повторяем уже показанную в начале книги фотографию Виктора Некрасова — дом Турбиных, вид с противоположной горы.

436. Виктор Некрасов.

437. Дом Турбиных, Андреевский спуск, 13.

Глава 73. «ДОН КИХОТ» В ПИТЕРЕ

13 марта 1941 года в Ленинграде состоялась премьера «Дон Кихота» — в Государственном академическом театре имени Пушкина. Заглавную роль играл великий артист Николай Черкасов, создавший замечательные образы во многих спектаклях и кинофильмах, и, в частности, роль Дон Кихота в одноименном фильме режиссера Григория Козинцева, на съемках которого проявил себя еще и необычайно смелым человеком — в сцене, где Дон Кихот разговаривает со львом, он снимался лицом к лицу со зверем, ничем от него не отгороженный. Съёмочная группа никак не могла найти техническое решение этого эпизода — сетка исключалась, стекло отсвечивало — выручила храбрость актера...

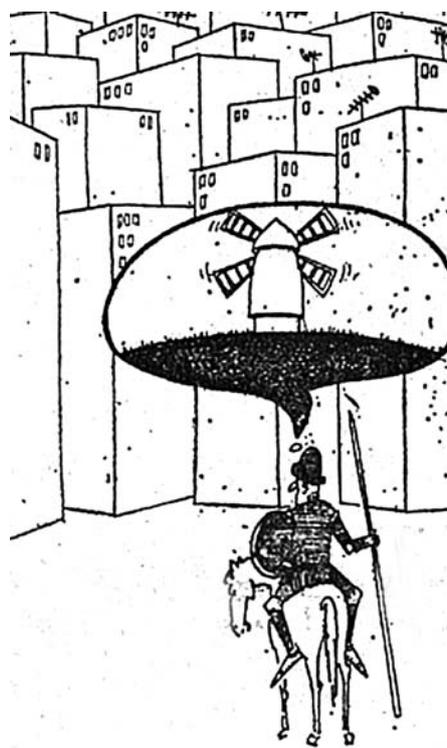
Через два десятка лет Николай Черкасов сыграет роль генерала Хлудова в пьесе «Бег», по отзывам современников, его Хлудов был поистине страшен — от каждой его реплики буквально мороз ходил по коже...

438.
Дон Кихот — Н.Черкасов,
Санчо Панса — Б. Горин-Горяинов.

439.

440.

439, 440. Сцены из спектакля.

Глава 74. «ДОН КИХОТ» У ВАХТАНГОВА

441.

Елена Сергеевна Булгакова и Сергей Евгеньевич Шиловский — с ними Михаилу Булгакову было тепло и надёжно, — и через много лет — до конца дней своих служили его делу, его памяти, сохранению литературного наследия великого писателя. И не было такого спектакля по булгаковским пьесам, на котором бы они не побывали...

«В пьесе “Дон Кихот” Булгакова мы узнали не только рыцаря Печального Образа, но и самого автора пьесы, который нёс свою правду в жизнь».

Рубен Симонов.
«Мои любимые роли»

442.

442. Сцена из спектакля театра Вахтангова «Дон Кихот». 1941 г.

443. Дон Кихот — В. Осенев.

444. Антония — Г. Пашкова.

445. Санчо — А. Горюнов.

443.

444.

445.

Глава 75. БУЛГАКОВ НА РАЗНЫХ СЦЕНАХ

446.

Год за годом с нарастающим успехом появляются на сценах практически все булгаковские пьесы...

446. «Мольер» в Ленинградском Большом
Драматическом Театре.
Мольер — С. Юрский,
Арманда — Н. Тенякова.

447. Спектакль «Блаженство» — Московский
городской драматический театр «Сфера».
Анна — О. Малакова,
Милославский — С. Николаев.

448. Московский театр-студия киноактера.
Спектакль «Иван Васильевич».
Иван Грозный — А. Толбузин, Тимофеев — К.
Столяров.

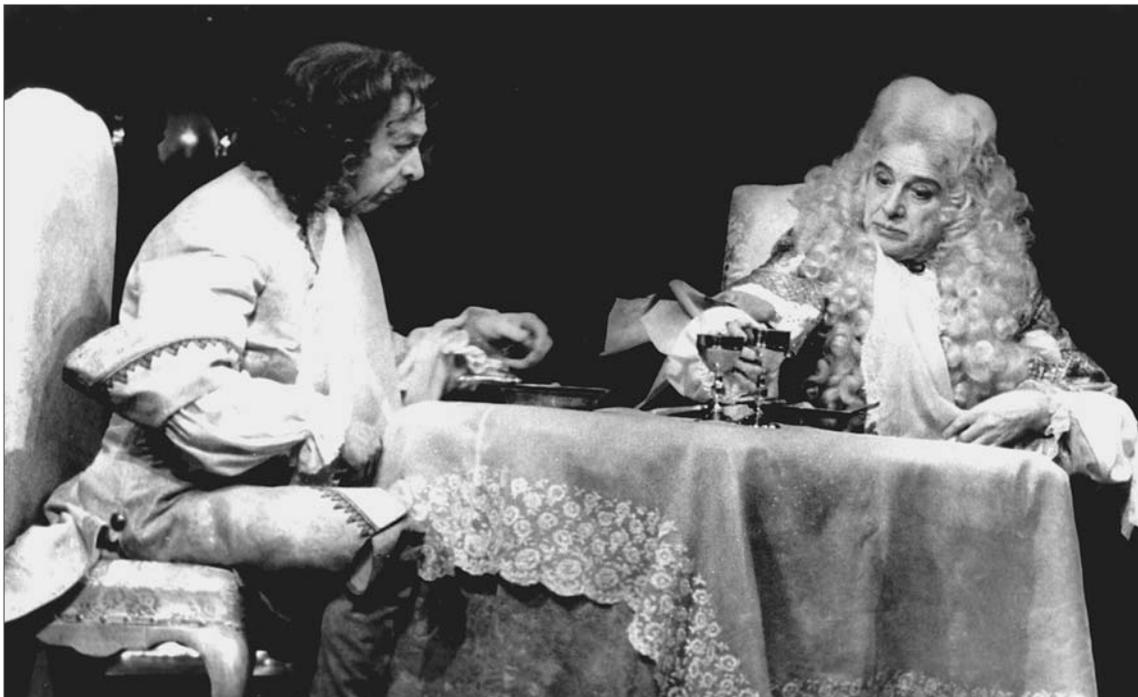
449. «Кабала святош» («Мольер») —
во МХАТе.
Мольер — О. Ефремов,
Людовик XIV — И. Смоктуновский.

447.

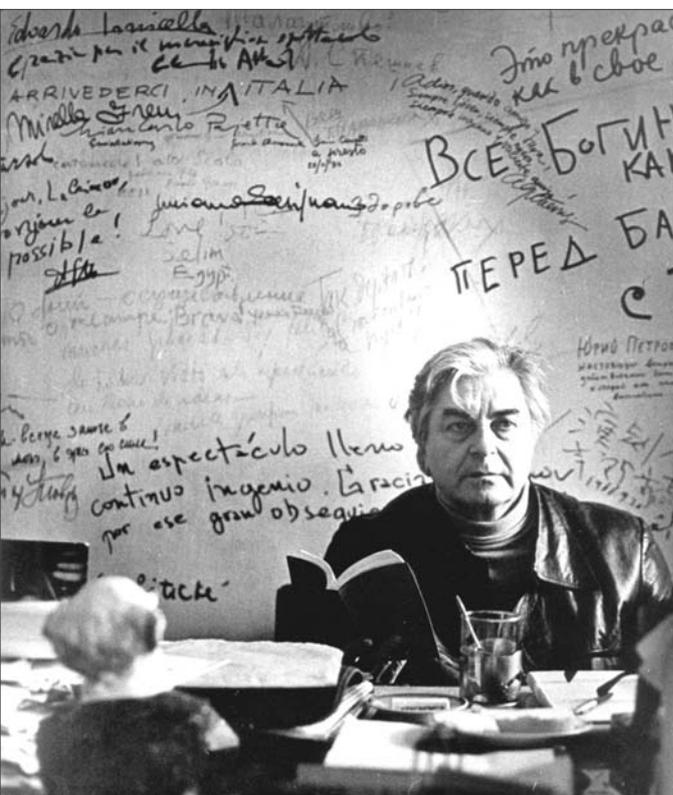

448.
449.

Глава 76. «МАСТЕР И МАРГАРИТА» НА ТАГАНКЕ

450.

Спектакль-инсценировка романа «Мастер и Маргарита» имел необычную для театров и вполне привычную для Театра на Таганке историю — его выходу в свет всячески препятствовали те, кто должен был бы этому способствовать — управления культуры разных уровней. Противодействие осуществлялось разными методами — от «нерекомендования» и множественных замечаний, до финансовой блокады — театру попросту не выделили денег для постановки спектакля. Однако и это не остановило руководителя театра Юрия Любимова и всю труппу, воодушевленно работающую над вопло-

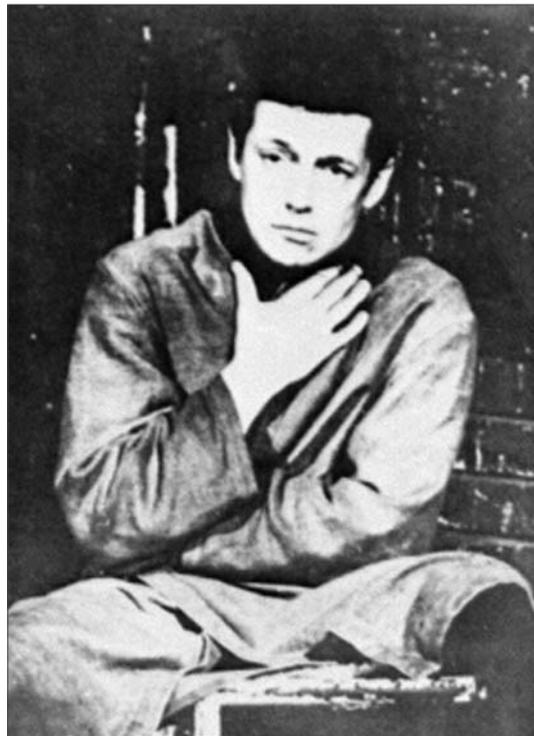
450. Юрий Любимов — главный режиссер театра, режиссер-постановщик спектакля.

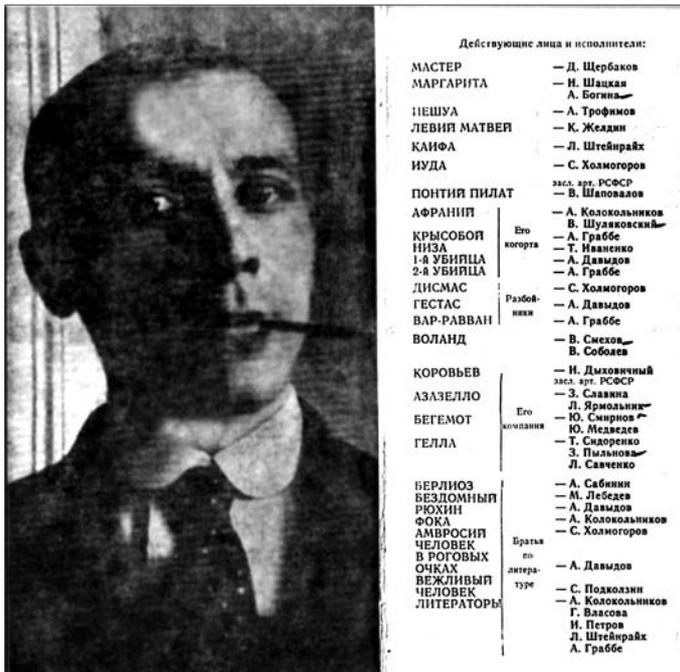
451.

452.

453.

щением в сценические образы персонажей и эпизодов любимого романа. Были использованы детали декораций от других спектаклей — задник-рубашка из «Гамлета», огромный циферблат из «Часа пик»... «Мастер и Маргарита», преодолев все препоны, пришел к зрителю, и каждый спектакль проходил с аншлагом, люди сидели и стояли даже в проходах, что, впрочем, никого не смущало...

453а. Программка спектакля.

454.

454а. Сцена из спектакля.

После реплики Воланда — «...что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет!» — следовала бурная реакция зала — взрыв восторга, переходящий в овацию. Тогда это казалось безумной смелостью. Но, это могло свидетельствовать и о том, что большинство зрителей только что впервые услышало эту фразу, то есть романа не читало...

451. Берлиоз — А. Сабинин, Воланд — В. Смехов, Безродный — М. Лебедев.

452. Маргарита — Н. Шацкая

453. Мастер — Д. Щербаков

454. Свита Воланда.

Глава 77. БУЛГАКОВ В ТЕАТРЕ САТИРЫ

Пьеса «Бег» впервые увидела свет ramпы только в 1957 году, 26 марта в Сталинграде. Есть в этом какая-то высшая справедливость, ибо никто иной, как сам Сталин запретил ее постановку во МХАТе, хотя и репетиции были в разгаре, и все было готово к ее выпуску... Потом «Бег» с огромным успехом пошел во многих театрах страны, был сделан фильм, который и поныне волнует зрителей...

«Шизофрения, как и было сказано...» — пьеса-напоминание о совсем близком прошлом, когда психушки были одним из «методов» борьбы с инакомыслием. Вот и Иванушку «утихомирили», невзирая на отсутствие у него шизофрении — чтобы не смущал народ рассказами о каком-то там Сатане-Воланде...

Кстати, в Театре сатиры никогда не было правительственной ложи...

340 455.

456.

457.

458.

459.

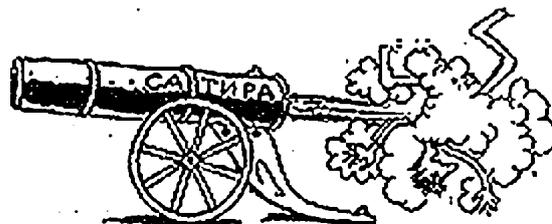
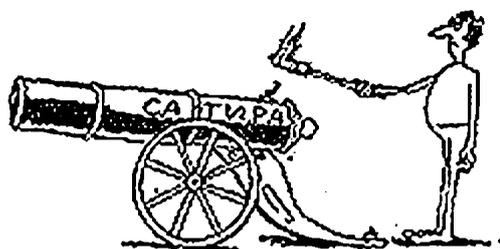
341

461.

460.

460a.

462.

Глава 78. ГОСТИ ЕЛЕНЫ СЕРГЕЕВНЫ

«... В 1967 году для работы на втором курсе Школы-студии я взяла отрывок из булгаковской пьесы “Кабала святош”. Работа была принята кафедрой, и опять я взяла еще одну сцену. На третьем курсе мне было рекомендовано подумать о дипломном спектакле целиком для четвертого курса. Я заробела — уж очень ответственно, но Люся так этим загорелась, что даже кричала на меня за то, что я сомневаюсь. Елена Сергеевна готова была вынести в студию весь свой дом и купить на костюмы любые материи и в любом количестве.

“Кабалу” приняли хорошо, и на другой день спектакль играли уже для публики, а главное — для Елены Сергеевны. Она была с сыном Сергеем и с внуком Сережей. Оказывается, в этот вечер были еще Рихтеры, Журавлевы, Лакшин и еще какие-то знакомые Елены Сергеевны. Я волновалась очень, и мне было не до публики. Опять были два подноса, и в конце — роскошный букет...

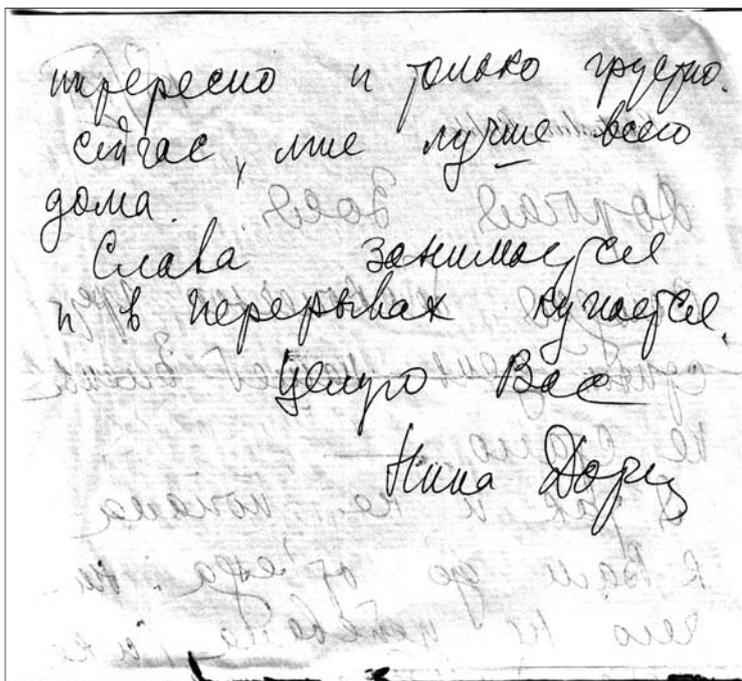
463.

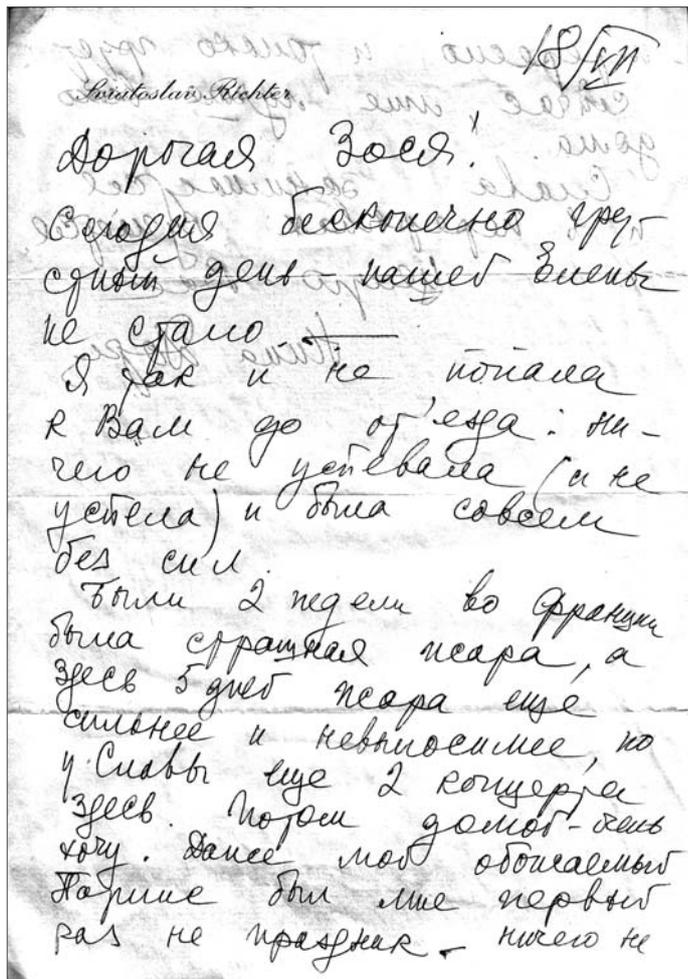

464.

464а.

После за кулисы к дрожащим артистам пришла Елена Сергеевна и стала их благодарить. Но вдруг, судорожно всхлипнула, укрылась за ширмой и оттуда, преодолевая слезы, снова заговорила, находя новые слова благодарности замершим в волнении ребятам. Они и я понимали, что это преувеличение, благодарность не столько за игру, сколько за любовь к автору, почти все пьесы были еще под

запретом, но все мы в тот вечер были счастливы. Второй и последний спектакль ребята играли вдохновенно, и все шептали перед выходом: «В последний раз!»...

Елена Сергеевна привела в театр специалиста из МИДа, и он записал все на пленку (она потом «пропала»). На следующий день у нее дома был банкет. Около двух часов ночи я с трудом увела моих артистов. Когда мы вышли из подъезда, Люся бросила нам из окна цветы, которые стояли в вазе. Кто-то из мальчиков встал на колени, приветствуя хозяйку, а за ним и остальные. На память об этой встрече осталось фото».

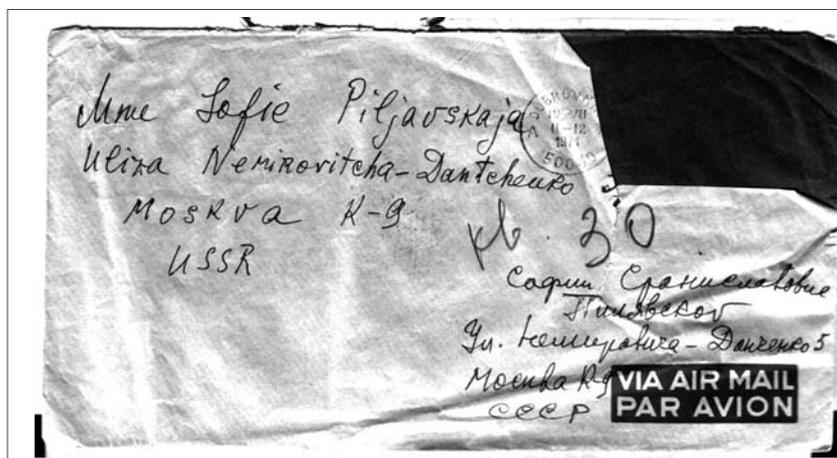
Софья Пилявская.
«По долгу памяти»

464б.

464в.

463. Елена Булгакова и Софья Пилявская с участниками студенческого спектакля «Кабала святош» («Мольер»).

464. В гостях у Елены Булгаковой. Сидят: певица Нина Дорлиак, театровед Виталий Виленкин. Стоят: Святослав Рихтер, режиссер Тамара Дударева.

Елена Сергеевна пишет Николаю Афанасьевичу Булгакову в Париж: *«Я сидела в МХАТе в фойе (я связана с этим театром уже более 40 лет) и, глядя на портрет Миши, думала: “Ты слышишь Миша? Это о тебе так говорят! Это тебе играет Рихтер, это для тебя поет лучший тенор Большого театра” (он пел по моей просьбе — любимую Мишину “Эпита- ламу”)*».

Рихтеры, будучи на гастролях в Югославии, узнали о кончине Елены Сергеевны, и Нина Дорлиак пишет Софье Пилявской из Дубровника: *«Сего- дня бесконечно грустный день — нашей Елены не стало...»*

464а, 464б, 464в. Письмо Н. Дорлиак Софье Пилявской.

Глава 79. БУЛГАКОВ НА ЭКРАНЕ.
«БЕЛАЯ ГВАДИЯ»

465.

466.

347

467.

465—467.
Кадры из
телевизионного
фильма
«Белая гвардия».

468.

Кадр из фильма.
В ролях:
Елена — Валентина Титова,
Алексей Турбин — Андрей
Мягков,
Мышлаевский — Владимир
Басов,
Лариосик — Сергей Иванов,
Николка — Андрей Ростоцкий.

Режиссер Владимир Басов.

Глава 80. БУЛГАКОВ НА ЭКРАНЕ. «БЕГ»

469.

469—471. Кадры из фильма «Бег».
Режиссеры Александр Алов и Владимир Наумов.

В ролях: Серафима — Людмила Савельева,
Голубков — Алексей Баталов,
Корзухин — Евгений Евстигнеев,
Чарнота — Михаил Ульянов,
Хлудов — Владислав Дворжецкий...

«Голубков. В сущности, как
странно всё это! Вы знаете, време-
нами мне начинает казаться, что
я вижу сон, честное слово! Вот уже

470.

месяц, как мы бежим с вами, Серафима Владимировна, по весям и городам, и чем дальше, тем непонятнее становится кругом...».

«Чарнота. ...Драпать надо! Корпус идет за нами по пятам, ловят нас! Нас Буденный к морю придушит! Вся армия уходит! В Крым идем! К Роману Хлудову под крыло!»

Глава 81. БУЛГАКОВ НА ЭКРАНЕ. «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»

472.

«...Террором ничего поделать нельзя с животным, на какой бы ступени развития оно ни стояло. Это я утверждал, утверждаю и буду утверждать. Они напрасно думают, что террор им поможет. Нет-с, нет-с, не поможет, какой бы он ни был: белый, красный или даже коричневый!..»

Михаил Булгаков. Собачье сердце

472—475.

Кадры из фильма «Собачье сердце».

Режиссер Владимир Бортко.

В ролях: профессор Преображенский — Евгений Евстигнеев,
доктор Борменталь — Борис Плотников,
Шариков — Владимир Толоконников.

473.

351

474.

475.

В перерыве между съемками —
Борменталь и Швондер (Роман
Карцев) дружески беседуют...

Глава 82. ЮБИЛЕЙ. СТО ЛЕТ ИЗ ВЕЧНОСТИ

Москва. 14 мая 1991 года.

Это был удивительный вечер — в зале, где всегда были «самые-самые», праздновался триумф Михаила Булгакова. Еще не распался Советский Союз, еще свобода и гласность были только провозглашены, еще «мальчишки из девятки» суетились в фойе и в зале потому лишь, что в президиуме восседала «первая леди» — супруга последнего генерального секретаря той самой партии, что запрещала все книги и спектакли великого сына России, а он уже завладел душами и умами миллионов людей на всей планете. Не генеральный секретарь, разумеется, а Михаил Афанасьевич Булгаков. И уже «мальчишки» не осмеливались хватать за фалды фоторепортеров, и мне удалось без помех снимать это торжественное событие. И помнится, подумалось тогда: а ведь отмечаем мы не столетие со дня рождения писателя, а просто его Столетие, той второй даты — что через черточку — не существует: жив он! И будет жить вечно, пока живы его книги и люди, которые их читают. И вспомнились слова из «Мастера и Маргариты»: «Бессмертие... пришло бессмертие... Чье бессмертие пришло? Этого не понял прокуратор...»

476, 478.

477. Выступает Владимир Лакшин.

479.

Юбилей Михаила Булгакова отмечался грандиозно — ничего подобного при чествовании других писателей припомнить невозможно. Об этом может свидетельствовать уже краткий «хрономе-

траж» того теплого солнечного месяца мая 1991 года.

Начало месяца — открытие нескольких выставок, посвященных жизни и творчеству писателя.

13 и 14 мая — Всесоюзная научная конференция в Институте мировой литературы (Москва), на кото-

рой было зачитано более двадцати докладов.

14 мая — презентация экспозиции во МХАТе — «Михаил Булгаков и Художественный театр».

14 мая — Торжественное заседание в Колонном зале Дома союзов. Прямо с заседания многие его участники поспешили на вечерний поезд, чтобы утром успеть на панихиду по Михаилу Булгакову в Киеве.

481.

479. Вернисаж во МХАТе.

480. Елизавета (Лиля) Шиловская, Оттокар Нюренберг, Софья Пилявская на открытии выставки во МХАТе.

481. В Литературном музее.

482. МХАТ. В фойе театра.

483. Выставка на ВДНХ.

484. Как всегда, не обошлось без ошибки...

482.

483.

484.

355

485. Киев. Храм Вознесения Честного Креста на Подоле.

Здесь был крещен Михаил Булгаков. Здесь же прошла поминальная панихида на 100-летие писателя (фото 486, 487). 15 мая 1991 г.

15 мая — день рождения писателя. При большом стечении публики прошла панихида в Кресто-Воздвиженской церкви, что на киевском Подоле. Именно в этом храме ровно век тому на-

486.

зад был крещен младенец, нареченный Михаилом...

С панихиды все отправились на Андреевский спуск к дому № 13, где состоялось торжественное открытие мемориального музея Михаила Булгакова. Как водится в таких случаях, произносились речи, говорилось

487.

о том, каким замечательным и необыкновенным писателем был юбиляр... И последнее утверждение тут же получило чудодейственное согласие небес: как только прозвучали слова: «Итак, мы открываем Дом Булгакова», внезапно среди солнечного дня сверкнула молния, и раздался могучий раскат грома. Это отсалютовала невесть откуда

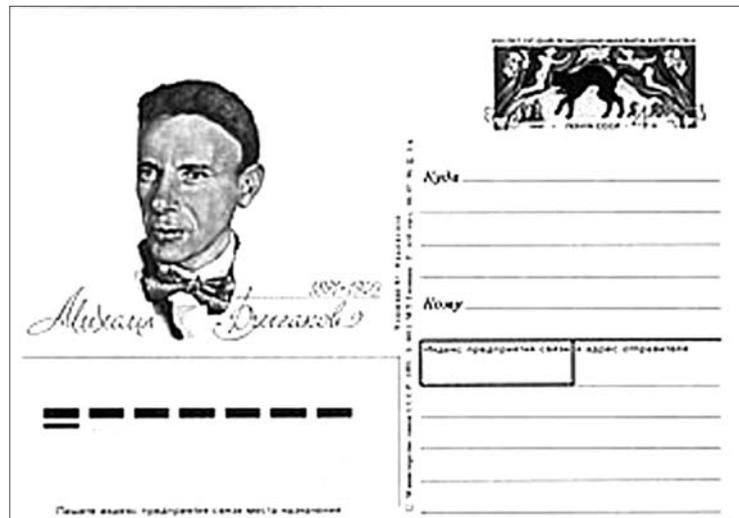

488.

489.

357

490.

490. Открытие музея.

491. Празднуют все...

В майские дни 1991 года москвичи отмечали столетний юбилей Михаила Булгакова грандиозным действием — вокруг Патриарших прудов состоялся веселый праздник, участие в котором принимали многие герои романа «Мастер и Маргарита» — именно с этим произведением писателя теперь накрепко связан уютный уголок Москвы. Разумеется, была создана обстановка, напоминающая двадцатые и тридцатые годы, сооружен трамвай той поры, правда, на автомобильной базе, но «совсем

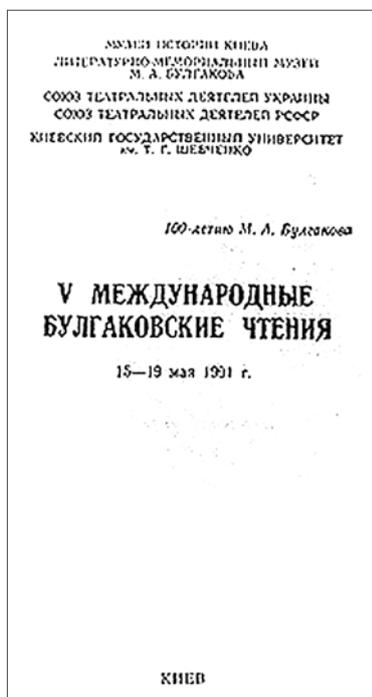
491.

взявшаяся в самом зените маленькая, как пятнышко, совершенно круглая тучка. Это было настолько по-булгаковски, что все дружно засмеялись и устроили настоящую овацию этому на редкость вовремя свершившемуся чуду. А когда подняли вновь головы, никакой тучи и в помине не было — в беспредельной синеве господствовало лишь одно солнце... Мистика, да и только!

488. Был месяц май...

489. Мемориальная доска на доме № 13 по Андреевскому спуску.

как настоящий», наполненный публикой, наряженной соответственно той эпохе. Было много музыки, смеха, читались фрагменты романа — словом, окунулись в далекое прошлое... Всё было почти так же, как в тот жаркий весенний день, когда начиналось действие романа, только на «скамейке Воланда» — второй справа

493.

492. Презентация портрета. Лидия Яновская открывает чтения.

493. Булгаковские чтения в актовом зале бывшей Александровской гимназии, где учился будущий писатель. Ныне филологический факультет Киевского государственного университета.

494. Презентация музейной экспозиции.

494.

495.

496.

497.

498.

от Патриаршего переулка — рядом сидели пожилые женщины, вероятно, бегавшие тут еще девчонками, когда Булгаков приходил сюда обдумывать свой бессмертный роман. Конечно, они были слишком молоды, чтобы заподозрить в одной из них ту злокозненную Аннушку, что пролила на рельсы подсолнечное масло...

Какая великая сила все-таки заключена в произведениях великих писателей, что люди начинают верить в то, что «всё так и было», — разве не так же точно тысячи и тысячи паломников многие годы устремляются на высокую скалу, вознесенную над Рейном, чтобы поклониться памяти красавицы Лорелей, образ которой создал великий Гейне...

499.

500.

495—500.

Москва.

Булгаковские торжества на Патриарших.

Глава 83. МИР БУЛГАКОВЕДЕНИЯ

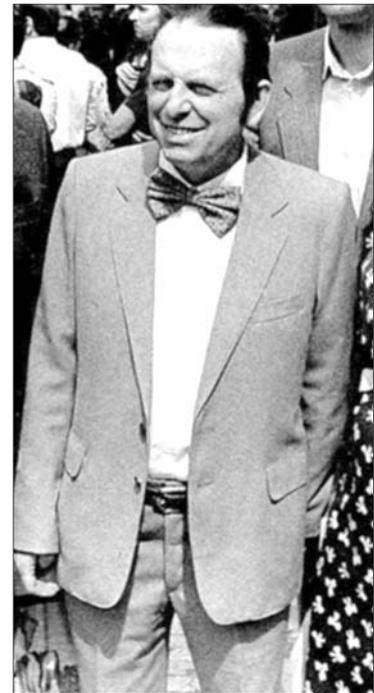

501.

502.

503.

501. Рита Джулиани. Италия.
Рим.

502. Лесли Милн. Англия.

503. Анатолий Кончаковский.
Украина.

504. Дмитрий Меркулов.
Голландия.

505. Колин Райт. Канада,
Людмила Трубецкая. Франция.

506. Марианна Гург. Франция

Здесь представлены, разумеется, далеко не все булгаковеды, а лишь те, что живут и работают за рубежами России, и опять-таки те, с кем я знаком лично и кого я имел возможность фотографировать на различных булгаковских мероприятиях...

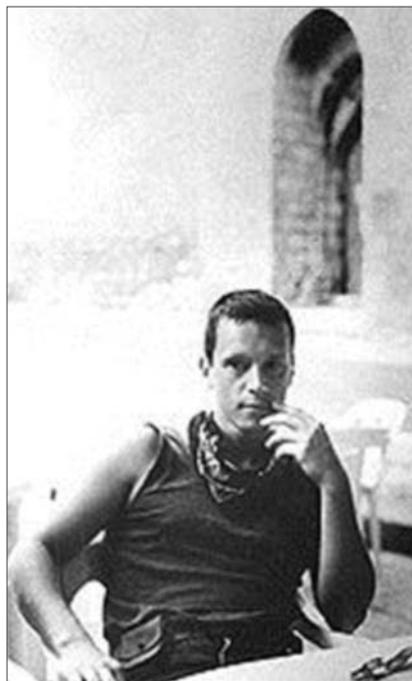
506.

505.

504.

507.

508.

510.

509.

507. Томас Решке. Германия.

508. Августа Докукина-Бёбель. Италия. Генуя.

509. Алена Моравкова. Чехия.

510. Кальпана Сахни. Индия.

511.

**Надин Натов (США) — слева,
Миловое Йованович, Сербия,
Лидия Яновская, Израиль.**

Глава 84. ТЕАТРАЛЬНЫЙ ТРИУМФ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

512.

366

513.

«... — Мессир, мне больше нра-
вится Рим...»

Михаил Булгаков.
«Мастер и Маргарита»

512. МХАТ им.Чехова.

513. Афиша спектакля «Собачье сердце». Театр Белли. Рим.

514. Рыбинск. Бывший Андропов...

515.

514.

515. Нижний Новгород. Театр драмы.

516. МХАТ. Перед спектаклем.

515.

Глава 85. ПО ПАМЯТНЫМ МЕСТАМ

517.

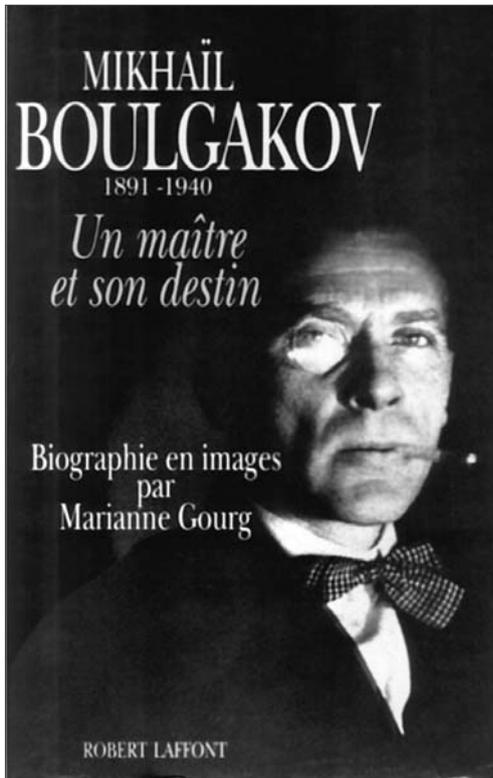
Старейшая артистка МХАТа, близкий друг семьи Булгаковых Софья Пилывская выступает с воспоминаниями о писателе и его театре в том самом зале дома (ныне музея) Станиславского, где так часто бывал и принимал участие в репетициях своих и не своих пьес Михаил Булгаков.

518.

Экскурсию по булгаковской Москве проводит литературовед и искусствовед Людмила Иейте. Разработанный ею маршрут охватил практически все места и здания, связанные с жизнью и творчеством писателя.

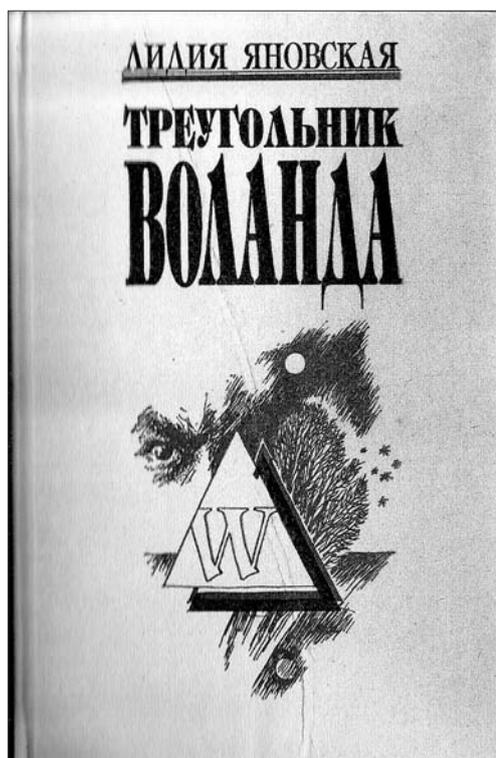
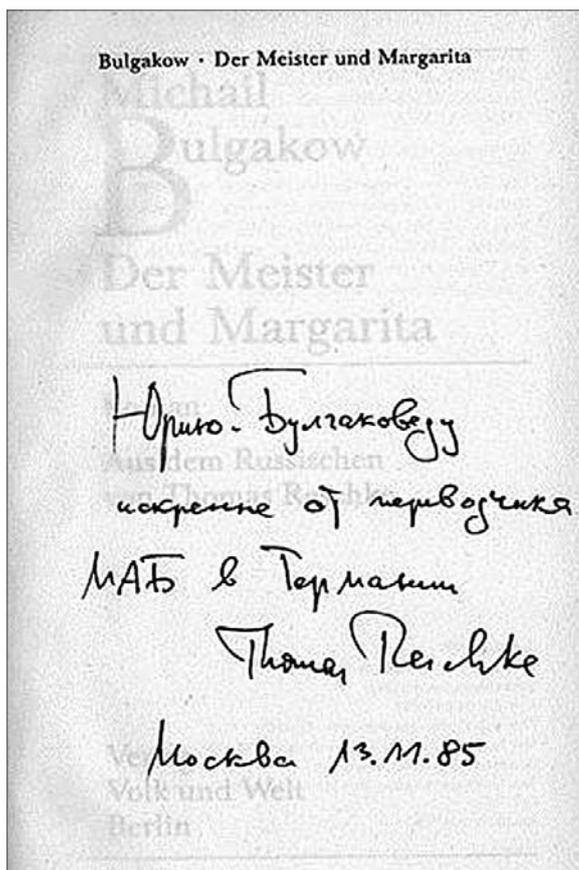
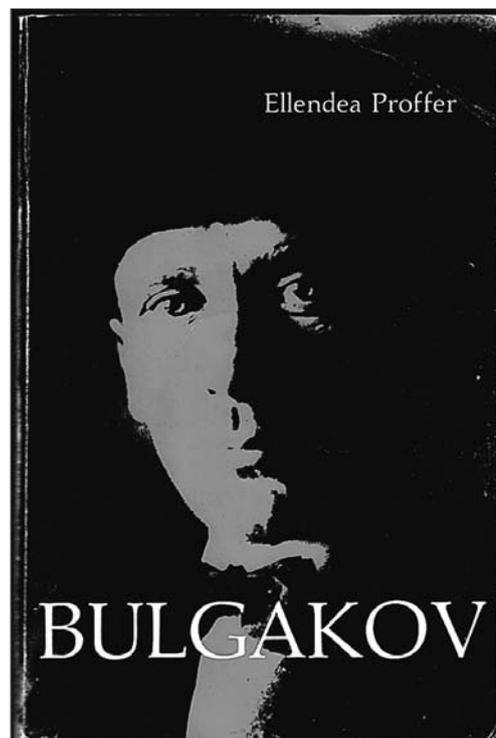
Глава 86. ЧЕТЫРЕ КАПЛИ В БЕЗБРЕЖНОМ ОКЕАНЕ

Здесь как бы сам собой напрашивается снимок, на котором можно было бы увидеть много-много булгаковских книг, но... сколько бы мы их ни пытались вместить в кадр, это все равно будет капля в море — во всем мире вышло столько изданий его произведений и столько книг о нем самом, что никакой фотографией их не объять... Предоставим это нашему воображению.

519—522. Книги о жизни и творчестве Михаила Булгакова, вышедшие во Франции, на Украине и в США.

Роман «Мастер и Маргарита» в переводе Томаса Решке, Германия, с дарственной надписью Юрию Кривоносову.

Глава 87. ВЕЧЕР ПАМЯТИ В ДОМЕ ЕРМОЛОВОЙ

523.

Елена Сергеевна Булгакова. 1961 г.

Случай беспрецедентный — творческий вечер, посвященный памяти не самого писателя, а его жены... Именно жены, так как назвать Елену Сергеевну Булгакову вдовой просто язык не поворачивается — какая же она вдова, если писатель он бессмертный! Общение их происходило и после его ухода за видимый горизонт — «Письма на тот свет», которые она ему писала, их встречи и беседы во сне, устные рассказы Михаила Афанасьевича, которые она записывала по памяти в последние свои годы, дневники и письма, в которых он как бы продолжал жить на этом свете...

Вечер проходил под эгидой Российского союза театральных деятелей — по-старому ВТО — в уютном доме Ермоловой, что на Тверском бульваре. Главной движущей силой в его подготовке стали невестка Елены Сергеевны — Елизавета Дмитри-

евна (Лиля) Шиловская и Софья Станиславовна Пилявская, которая и вела этот вечер.

Еще при входе гостей встречала сама Елена Сергеевна — «от мала до велика»: на стенде были собраны ее фотографии за разные годы, впервые представленные широкой публике. В зале играл камерный оркестр, горели прожектора — работало телевидение, выступали литературоведы, искусствоведы-театроведы, знаменитые актеры читали отрывки из произведений Мастера и даже фрагменты его писем к Елене Сергеевне... Перечисление имен заняло

524.

бы слишком много места, назову лишь двух булгаковских «мольеров» — Олега Ефремова и Сергея Юрского.

Старейший знаток театра Виталий Яковлевич Виленкин (524) рассказал

о своих встречах с супругами Булгаковыми, о светлых и мрачных днях, связанных у них с МХАТом, Владимир Яковлевич Лакшин вспоминал свои беседы с Еленой Сергеевной, о ее сотрудничестве с «Новым миром», завершившимся публикацией «Театрального романа»...

Самое удивительное, что вечер этот не был приурочен ни к какой дате, — проходил он 19 декабря

525.

1990 года, а день рождения Елены Сергеевны — 21 октября, до круглого юбилея — столетия — вообще оставалось целых три года. Вот просто так, взяли и вспомнили хорошего человека. И только сейчас, через годы, я понял, что повод-то

526.

был, и повод замечательный, хотя он себя и не выставлял напоказ: к этому времени все произведения Михаила Булгакова вышли в свет! И вышли они благодаря Елене Сергеевне, жизненный подвиг которой был теперь завершен. И будем считать, что именно этому и посвящался такой необыкновенный вечер...

527.

528.

525. Софья Пилявская ведет вечер.

526. Один из «мольеров» — Сергей Юрский (слева).

527. Алина Покровская читает отрывки из «Мастера и Маргариты».

528. Инициаторы и организаторы вечера: Лидия Яновская, Лиля Шиловская (сидят), Софья Пилявская (в центре), а рядом с ней — Спаса-Зинаида и Юрий Кривоносовы.

Глава 88. ПРОЩЕНИЕ И ВЕЧНЫЙ ПРИЮТ

Мастер и Маргарита.
Рисунок Нади Рушевой.

«Всё так, как ты любил, как ты хотел всегда. Бедная обстановка, простой деревянный стол, свеча горит, на коленях у меня кошка. Кругом тишина, я одна. Это так редко бывает.

Сегодня я видела тебя во сне. У тебя были такие глаза, как бывали всегда, когда ты диктовал мне: громадные, голубые, сияющие, смотрящие через меня на что-то, видное одному тебе. Они были даже еще больше и еще ярче, чем в жизни. Наверно, такие они у тебя сейчас...

Москва, весна, солнце, Замоскворечье. Миша идет рядом со мной, в черном пальто, в шапке. Я понимаю, что он воскрес и только боюсь, чтобы кто-нибудь из встречных (а все встречают его с каким-то необычайным почетом) не дал ему понять, что он умер.

Мы идем к церкви. Я всю дорогу думаю: надолго ли и успеет ли он закончить “Записки покойника”?

В церкви мы становимся в дверях. По дороге он был необыкновенно оживлен, весел. Теперь начинается утомление. Все выходят и приветствуют его. И опять — мои страхи...»

Елена Булгакова. «Письма на тот свет»

«Миша, это — Лиля, она моя дочь, она жена Сережи. Она хорошая девочка, я ее люблю!» — так сказала Елена Сергеевна, подведя меня за руку к памятнику. Это было вскоре после нашей свадьбы с Сергеем, в 1948 году. Я очень волновалась, не знала, как мне себя здесь вести. Потом я очень часто сопровождала ее на Новодевичье, и это нельзя было

529.

бы назвать посещением кладбища — она просто приходила на встречу с Михаилом Афанасьевичем, рассказывала ему о событиях в семье, делилась хорошими новостями, была возвышенно-торжественной, когда общалась об издании его произведений...

Елена Сергеевна заботливо ухаживала за его могилой, прибирала, рыхлила землю, пересаживала цветы, снимала их с камня — не любила, чтобы туда клали, — для этого у нее был предназначен небольшой кувшин с водой. Тамошние уборщицы ее обожали и всегда старались ей чем-нибудь помочь... А она двигалась легко, была удивительно гибкой и подвижной... Уходя, говорила:

— Ну вот и свиделись, скоро опять приду...

Потом я приходила уже к ним обоим, привела Сережу-сына, а потом и Сережу-внука и говорила им:

— Тут покоится наша Люся, она нас любит, и с ней рядом ее вечный друг, ее Мастер, и его любит весь мир...»

Лиля (Елизавета) Шиловская. «На Новодевичьем»

«На высоте, на холме, между двумя рощами виднелись три темных силуэта. Воланд, Коровьев и Бегемот сидели на черных конях в седлах, глядя на раскинувшийся за рекою город с ломаным солнцем, сверкающим в тысячах окон, обращенных на запад, на пряничные башни Девичьего монастыря... Нам пора — Воланд указал рукою в черной перчатке с раструбом туда, где бесчисленные солнца плавил стекло за рекою, где над этими солнцами стоял туман, дым, пар раскаленного за день города... Мастер выбросился из

седла, покинул сидящих и побежал к обрыву холма. Черный плащ тащился за ним по земле. Мастер стал смотреть на город. В первые мгновения к сердцу подкралась щемящая грусть, но очень быстро она сменилась сладковатой тревогой, бродячим цыганским волнением.

— Навсегда! Это надо осмыслить, — прошептал Мастер и лизнул сухие, растрескавшиеся губы. Он стал прислушиваться и точно отмечать все, что происходит в его душе. Его волнение перешло, как ему показалось, в чувство глубокой и кровной обиды. Но та была нестойкой, пропала и почему-то сменилась горделивым равнодушием, а оно — предчувствием постоянного покоя...

530.

376

Кони рванулись, и всадники поднялись вверх и поскакали. Маргарита чувствовала, как ее бешеный конь грызет и тянет мундштук. Плащ Воланда вздуло над головами всей кавалькады, этим плащом начало закрывать вечеряющий небосвод. Когда на мгновение черный покров отнесло в сторону, Маргарита на скаку обернулась и увидела, что сзади нет не только разноцветных башен с разворачивающимся над ними аэропланом, но нет уже давно и самого города, который ушел в землю и оставил по себе только туман...»

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

*...И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал.
Что в мой жестокий век
восславил я Свободу...*

Александр Пушкин

P. S.

Несколько лет назад в Академии художеств была развернута выставка проектов памятника Михаилу Булгакову. Были они под девизами, поэтому я не знаю имени автора проекта, который вы здесь видите. Первое место присудили совсем другому проекту, на мой взгляд, заумному и пом-

531—532.

**Проект
памятника
М. Булгакову
в Москве.**

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

пезному. Достаточно сказать, что там Иешуа шагает по водам Патриаршего пруда, чего он делать не мог по определению, — булгаковский Иешуа не есть Иисус Христос, и по водам он ходить не может... Я же отдал пальму первенства другому проекту и посему помещаю его на страницах этой книги — пусть он сохранится хотя бы здесь. Тем более что памятника Михаилу Булгакову в Москве до сих пор нет.

БЛАГОДАРНОСТИ И ПОЖЕЛАНИЯ

А теперь самое время сказать добрые слова об авторах фотографий, представленных на страницах этой книги. Земной поклон и тем из них, кто поныне здравствует и предоставил свои снимки для нашей Фотолетописи, и родственникам тех, кого уже нет с нами, хранящим архивы своих предков, и всем безымянным фотоаграфам, авторство которых нам не удалось установить — их работы продолжают рассказывать о времени, зримые свидетельства о котором они нам оставили...

Нумерация, которую мы вели через всю книгу, дает нам возможность указать, кому из фотографов принадлежат те или иные снимки...

АЛОВЕРТ Нина 446	ХАЛДЕЙ Евгений 100, 118, 122, 119, 381
НЕКРАСОВ Виктор 16	КАРМЕН Роман 179—181
АХЛОМОВ Виктор 24	ШАПОШНИКОВ Борис 127, 135, 138, 139, 148, 154, 155, 159, 232, 248, 318, 355, 370, 372, 374, 408, 432—435
НОСОВ Петр 265	ЛАВРЕНТЬЕВ Николай 84, 403—404
БУЛГАКОВ Михаил 137	ШТЕРЕНБЕРГ Абрам 376
ОЗЕРСКИЙ Михаил 333	ЭКЗЕМПЛЯРСКИЙ Василий 48—51
БУЛГАКОВ Николай 53	МЕРКУЛОВ Дмитрий 2, 58, 351, 485—487, 489, 504, 524—527
ПАВЛОВ Виталий 15, 319, 320	МЯГКОВ Борис 62, 64, 87, 92
БУЛЛА Виктор 70	ЯНОВСКИЙ Юрий 4, 251
ПЕТРОВ Николай 103—105, 225	ТУЛЬЧИНСКИЙ Альфред 361
БУЛЛА Карл 66	РОДЧЕНКО Александр 106, 120
ПОЖАРСКАЯ Светлана 343, 353с	НАППЕЛЬБАУМ Моисей 209, 211
ВАНЮШЕВ Юрий 518	КРИВОНОСОВ Юрий 5, 6, 14, 23, 37, 43, 83, 107, 108, 130, 134, 157, 158, 230, 235, 236, 238, 268, 270, 271, 296, 299, 315, 317, 321, 323, 326а, 340, 341, 344—347, 349, 350, 352—354, 357, 358, 373, 423—427, 430, 476—484, 490—503, 505, 506, 508, 509, 511, 512, 516, 517, 519—522, 528—532
РАХМАНОВ Николай 1	ЕВЗЕРИХИН Эммануил 123
ВЕЛИКЖАНИН Виктор 450—454	
РОГОЗОВСКАЯ Татьяна 33	
ВЕНЦ Константин 389—401, 429	
ГЕРИНАС Александр 342	
ГУРАРИЙ Самарий 382	
УМНОВ Евгений 378	
ЗАДИКЯН Артем 455—459	
УШАКОВА Наталия 128, 140, 142—147, 153, 245, 309—311, 356	
ИГНАТОВИЧ Борис 124	
ХАЛДЕЙ Анна 514	
ИЛЬФ Илья 221—224	

Кроме того, благодарю **Виктора МЕРКУЛОВА**, моего «капитан-наставника», подсказавшего мне в путаных закоулках компьютерных дебрей, как **выбраться из той или иной тупиковой ситуации на правильный путь...** Особая — безмерная — благодарность жене моей Спасе-Зинаиде, строгому критику и советчику во всех творческих вопросах, терпевшей на протяжении двух десятилетий те огромные неудобства, которые я учинял в нашей маленькой квартирке, превращая ее то в съемочное ателье, то в фотолабораторию, то в архивное хранилище, то в издательский дом, которому я и присвоил в конце всего этого бесчинства ее имя.

Честь ей и хвала!

Особая благодарность моему другу и менеджеру по связям с общественностью **Любови ФАЯЗОВОЙ** за ее энергию, настойчивость, профессионализм, позволившие наладить тесную связь с издательством, общественностью, организовать презентации, а по сути, быть добрым посредником между мной — автором — и внешним миром.

Собственно говоря, без ее помощи моих посвященных Михаилу Булгакову книг, выпущенных издательством «Вече», не было бы...

Ваш Юрий КРИВОНОСОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ФОТОГРАФИИ	5
Глава 2. КИЕВ. НАЧАЛО	8
Глава 3. ОРЛОВЩИНА. РОДИНА ПРЕДКОВ.....	10
Глава 4. КИЕВ. ГОДЫ ДЕТСТВА.....	12
Глава 5. ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ.....	15
Глава 6. КИЕВ. АНДРЕЕВСКИЙ СПУСК, 13	17
Глава 7. КИЕВ. СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ.....	20
Глава 8. КИЕВ. ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА	29
Глава 9. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.....	32
Глава 10. ЛЕКАРЬ С ОТЛИЧИЕМ	34
Глава 11. РЕВОЛЮЦИЯ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА	39
Глава 12. ЛИТЕРАТУРА. ПЕРВЫЕ ШАГИ.....	49
Глава 13. ВЛАДИКАВКАЗ. ПОДОТДЕЛ ИСКУССТВ	51
Глава 14. «ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТАХ». ВЛАДИКАВКАЗ.....	57
Глава 15. «ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТАХ». МОСКВА.....	62
Глава 16. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА.....	71
Глава 17. ОБРЕТЕНИЕ ДОМА.....	74
Глава 18. ПЕРВЫЕ И ПОСЛЕДНИЕ ИЗДАНИЯ	76
Глава 19. ПРЕЧИСТЕНКА	78
Глава 20. ОБРЕТЕНИЕ ДРУЗЕЙ	82
Глава 21. ДРУГ, ЖЕНА, ПОМОЩНИК	91
Глава 22. МХАТ. «ДНИ ТУРБИНЫХ»	95
Глава 23. В ЛУЧАХ СЛАВЫ.....	101
Глава 24. «ЗОЙКИНА КВАРТИРА» У ВАХТАНГОВА.....	104
Глава 25. «БАГРОВЫЙ ОСТРОВ» В КАМЕРНОМ ТЕАТРЕ	107
Глава 26. КОРОТКИЕ ПЕРЕДЫШКИ	110
Глава 27. ЛЮБОВЬ ЕВГЕНЬЕВНА	112
Глава 28. ПРОЗОРЛИВЫЙ ФОТОГРАФ	116
Глава 29. СТОЛКНОВЕНИЕ С ВЛАСТЬЮ	118
Глава 30. ИЛЬЯ ИЛЬФ СНИМАЕТ БУЛГАКОВА	127
Глава 31. ЗВОНОК СТАЛИНА. ЯКОБЫ МИЛОСТЬ.....	132
Глава 32. ЛЮБОВНЫЙ МНОГОУГОЛЬНИК	137
Глава 33. ТАИНСТВЕННЫЕ ПИСЬМЕНА	144
Глава 34. ПРОЩАНИЕ С ЛЮБАШЕЙ.....	149
Глава 35. ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ.....	154
Глава 36. ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА	157
Глава 37. ВОЗРОЖДЕНИЕ РОМАНА О ДЬЯВОЛЕ.....	162
Глава 38. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». ИСТОКИ	164
Глава 39. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». ПОЧЕМУ ПИЛАТ?	166
Глава 40. ДВАДЦАТЬ ДВА «ФАУСТА»	170
Глава 41. И ВНОВЬ МХАТ.....	174
Глава 42. МХАТ. «ПИКВИКССКИЙ КЛУБ»	178
Глава 43. МХАТ. «МЕРТВЫЕ ДУШИ».....	182
Глава 44. МХАТ. 1936 ГОД. ТРАГЕДИЯ «МОЛЬЕРА»	189

Глава 45. ВОЖДЕЛЕННЫЕ ПОДМОСТКИ	193
Глава 46. «ЗОЙКИНА КВАРТИРА» В ПАРИЖЕ	195
Глава 47. ФРАК ИЛИ ЧЕРНЫЙ ПИДЖАК	197
Глава 48. УИЛЬЯМ БУЛЛИТ И ДРУГИЕ	199
Глава 49. КВАРТИРА В НАЦОКИНСКОМ — РАЙ В ШАЛАШЕ	206
Глава 50. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». ЗЕМЛЯ — ЛУНА — КОСМОС...	215
Глава 51. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». ПАТРИАРШИЕ	218
Глава 52. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». А ТОТ ЛИ ДОМ?	222
Глава 53. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». ПОЛЕТ МАРГАРИТЫ.....	227
Глава 54. ПОЛЕТ ФАНТАЗИИ.....	233
Глава 55. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». ПОДВАЛЬЧИК	236
Глава 56. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». ПОКОЙ	240
Глава 57. «МАСТЕР И МАРГАРИТА». МОСКВА — ЛЕБЕДЯНЬ.....	246
Глава 58. ДНЕВНИК ЕЛЕНА БУЛГАКОВОЙ	254
Глава 59. БАТУМ.....	263
Глава 60. БОЛЬШОЙ ТЕАТР	270
Глава 61. В КРУГУ ДРУЗЕЙ.....	275
Глава 62. ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ.....	278
Глава 63. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ.....	282
Глава 64. ДНИ СКОРБИ.....	287
Глава 65. АННА АХМАТОВА	291
Глава 66. МХАТ. «ПОСЛЕДНИЕ ДНИ» («ПУШКИН»).....	295
Глава 67. ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ДЕЙСТВУЕТ	300
Глава 68. ВОСКРЕШЕНИЕ «ДНЕЙ ТУРБИНЫХ»	304
Глава 69. ПРОРЫВ ПЛОТИНЫ.....	310
Глава 70. ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ	317
Глава 71. ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ–2.....	323
Глава 72. ТЕАТРАЛЬНЫЙ ТРИУМФ	327
Глава 73. «ДОН КИХОТ» В ПИТЕРЕ	329
Глава 74. «ДОН КИХОТ» У ВАХТАНГОВА.....	332
Глава 75. БУЛГАКОВ НА РАЗНЫХ СЦЕНАХ	334
Глава 76. «МАСТЕР И МАРГАРИТА» НА ТАГАНКЕ	336
Глава 77. БУЛГАКОВ В ТЕАТРЕ САТИРЫ.....	340
Глава 78. ГОСТИ ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНЫ	343
Глава 79. БУЛГАКОВ НА ЭКРАНЕ. «БЕЛАЯ ГВАДИЯ»	347
Глава 80. БУЛГАКОВ НА ЭКРАНЕ. «БЕГ».....	349
Глава 81. БУЛГАКОВ НА ЭКРАНЕ. «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»	351
Глава 82. ЮБИЛЕЙ. СТО ЛЕТ ИЗ ВЕЧНОСТИ	353
Глава 83. МИР БУЛГАКОВЕДЕНИЯ	362
Глава 84. ТЕАТРАЛЬНЫЙ ТРИУМФ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...	366
Глава 85. ПО ПАМЯТНЫМ МЕСТАМ	368
Глава 86. ЧЕТЫРЕ КАПЛИ В БЕЗБРЕЖНОМ ОКЕАНЕ.....	369
Глава 87. ВЕЧЕР ПАМЯТИ В ДОМЕ ЕРМОЛОВОЙ	371
Глава 88. ПРОЩЕНИЕ И ВЕЧНЫЙ ПРИЮТ	374
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	378
БЛАГОДАРНОСТИ И ПОЖЕЛАНИЯ	380

Научно-популярное издание

Кривоносов Юрий Михайлович

МИХАИЛ БУЛГАКОВ
ФОТОЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Верстка *И.В. Хренов*

Корректоры *Л.Г. Сафарян*

Оформление обложки *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 22.11.2016. Формат 84 × 108^{1/32}.
Гарнитура «School BookС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 24. Тираж 1200 экз. Заказ .